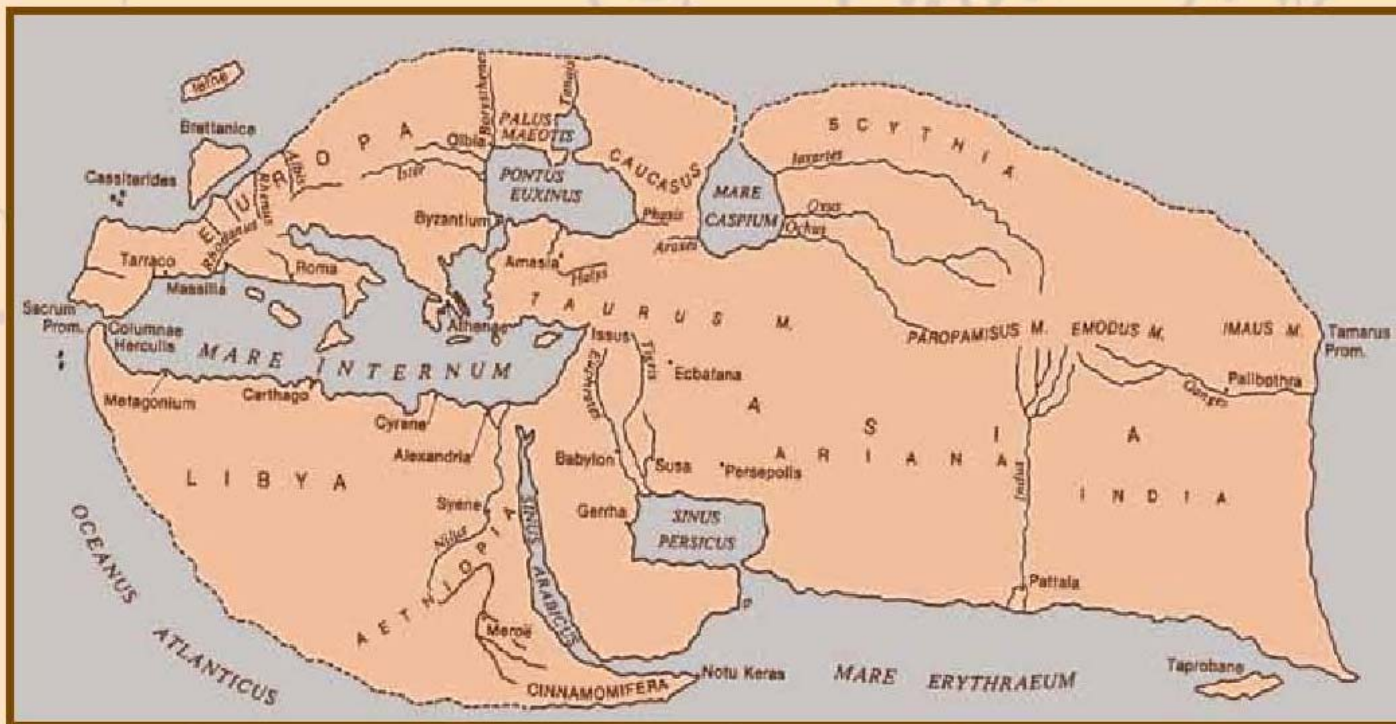

ДОРОГА СТРАБОНА КАК ЧАСТЬ ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ

International Institute
for Central Asian Studies (IICAS)
under the auspices of UNESCO

титул

INTERNATIONAL INSTITUTE FOR CENTRAL ASIAN STUDIES

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ДОРОГА СТРАБОНА КАК ЧАСТЬ ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

БАКУ, 28–29 НОЯБРЯ 2008 Г.

STRABO ROUTE AS A PART OF THE GREAT SILK ROAD

PROCEEDINGS OF THE INTERNATIONAL CONFERENCE

BAKU, NOVEMBER 28–29, 2008

Самарканд–Ташкент — 2009

Samarkand–Tashkent — 2009

Дорога Страбона как часть Великого Шелкового пути: Материалы международной конференции (Баку, 28–29 ноября 2008 г.). — Самарканд–Ташкент: МИЦАИ, SMI-ASIA, 2009. — 148 стр.

Редакторы:

С. Г. Кляшторный,
Ш. М. Мустафаев

Настоящий сборник представляет результаты международной научной конференции «Дорога Страбона как часть Великого Шелкового пути», которая состоялась в Баку 28–29 ноября 2008 г. Конференция инициирована и проведена Международным Институтом Центральноазиатских исследований под эгидой ЮНЕСКО совместно с Национальной Академией Наук Азербайджана и является частью широкого международного проекта, предусматривающего комплексное изучение проблем функционирования первой в мировой истории трансконтинентальной торговой трассы.

ISBN 978-9943-357-04-4 (IICAS)

ISBN 978-9943-17-000-1 (SMI-ASIA)

© Международный Институт Центральноазиатских исследований, 2009

© SMI-ASIA, 2009 (дизайн и верстка)

ОТ РЕДАКТОРА

Публикуемый сборник отражает результаты международной научной конференции «Дорога Страбона как часть Великого Шелкового пути», которая состоялась в Баку 28–29 ноября 2008 г. Конференция была инициирована и проведена Международным Институтом Центральноазиатских исследований ЮНЕСКО и Национальной Академией Наук Азербайджана и является частью более широкого международного проекта, предусматривающего комплексное изучение проблем, связанных с функционированием первой в мировой истории трансконтинентальной торговой трассы.

Основные доклады конференции были посвящены сухопутным и водным путям, связавшим в конце I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. две суперцивилизации древнего мира — дальневосточную и средиземноморскую. Возникшие тогда торговые связи привели к формированию обширных контактных регионов, ставших также зонами появления новых торговых и культурных центров, новых политических, экономических и религиозных структур, с которыми связаны и новые представления об ойкумене, об обитаемой вселенной, о реальном пространстве Евразийского континента и разнообразии населяющих его народов. Наиболее четкое отражение сложившегося тогда пространственного и ойкуменального мышления проявилось в трудах античных авторов — Страбона, Плиния и, позднее, Птолемея.

К числу важнейших контактных зон, внутри которых функционировали локальные торговые трассы — фрагменты Великого Шелкового пути — относятся территории Центральной Азии и Южного Кавказа. И в том, и в другом регионах на путях караванов строились города, возникали торговые центры, от поколения к поколению менялась жизнь их населения, его культура и его представления о мире. Определить направления, участки, протяженность и время функционирования этих эстафетных путей, уловить характер изменений на фоне вековой устойчивости и традиционности основных черт культуры и быта стало ныне важнейшей задачей историков и археологов. В ряду многочисленных форумов, посвященных проблемам международной торговли и межэтнических отношений в древности и средневековье, свое место заняла теперь встреча в Баку, где основные акценты были поставлены на кавказской и среднеазиатской тематике. В ходе конференции обсуждались и обобщались новейшие достижения историков и археологов-востоковедов. Следует особо подчеркнуть весомый вклад азербайджанских и дагестанских участников конференции, обогативших и уточнивших наши представления о широтных путях через Кавказ, в том числе путях по водным трассам (Каспий — Кура — Риони — Черное море). Вместе с тем необходимо отметить, что морской отрезок пути через Каспий все еще остается предметом дискуссии. Привлеченный археологический материал, не всегда доступный за пределами кавказских научных центров, выявил не только проблемы, но и результаты

воздействия международной торговли на экономику и культуру Южного Кавказа, особенно его прикаспийские территории, и связи этих областей с Северным Кавказом, а отчасти и Предкавказьем.

Центральноазиатская тематика, вкупе с проблемами классического источниковедения, нашла отражение в докладах узбекских, киргизских и таджикских коллег. Следует также особо выделить во многом обобщающие доклады Клода Рапэна (Франция) и Марека Яна Олбрыхта (Польша), в которых с особой остротой были обсуждены источниковедные проблемы и отмечена зыбкость многих сложившихся концепций, касающихся сопоставимости сведений античных авторов с представлениями современных исследователей, предлагающих те или иные локализации древних географических и топографических объектов.

В целом, доклады, предложенные на конференции и вошедшие в представленный сборник, отражают широкий размах исследований экономической и культурной жизни Южного Кавказа и Средней Азии, где формировалось синкретическая цивилизация античности и раннего средневековья, органически связанная с эллинистическим миром, Римской империей и ее наследниками. Накопление археологических материалов и их интерпретация, изучение архитектурных памятников, нумизматические исследования вносят постоянные коррективы в практику исследовательской работы и требуют широкого обсуждения не только в научных публикациях, но и, что гораздо более оперативно, в ходе периодических встреч и совместных дискуссий ученых разных стран, концентрирующих свое внимание на затронутых в сборнике проблемах. Остается надеяться, что предлагаемое научной общественности издание не станет последним в ряду публикаций, затрагивающих тематику Великого Шелкового пути.

С. Г. Кляшторный

EDITORIAL

This compilation presents the proceedings of an international academic conference Strabo Route as a Part of the Great Silk Road, which took place in Baku on 28–29 November 2008. The conference was launched and held by the UNESCO International Institute for Central Asian Studies and the Azerbaijan National Academy of Sciences as a part of a larger international project aimed at complex studies of the issues related to the functioning of the first transcontinental trade route in the world's history.

Most presentations were focused on the land and water routes that linked two super-civilizations of the Ancient world, namely the Oriental and the Mediterranean, in the late 1st millennium AD. The commercial links established at the time led to the formation of vast contact zones which stimulated development of new commercial and political centres, new political, economical and religious structures. These developments are related to new ideas about the oecumene, the inhabited Universe, the real space of the Eurasian continent and the diversity of its inhabitants. The spatial and oecumenic thinking of that times was best reflected in the works of such ancient writers as Strabon, Pliny and later Ptolemaic.

Among the most important contact zones which supported the functioning of local trade routes (fragments of the Great Silk Road) were the territory of Central Asia and South Caucasus. In both regions cities were built on caravan routes and trade centres appeared; the lifestyle of the population changed from generation to generation as well as its culture and world outlook.

One of the most important tasks of historians and archaeologists is to define the directions, areas, length and the time of functioning of these routes, as well as to identify the changes on the background of age-long stability and the traditional forms of culture and everyday life. Among many forums focusing on international commerce and interethnic relations in the Ancient and Middle Ages, the conference in Baku has found its own place, focusing on Caucasus and Central Asia. Latest achievements of historians and archaeologists were discussed and summarised at the conference. In particular we would like to mention the contribution of participants from Azerbaijan and Dagestan who enriched and refined our understanding of the longitudinal routes across the Caucasus including water routes (Caspian — Kura — Rioni — Black Sea). At the same time it should be noted that the sea route across the Caspian still remains a debatable issue.

The archaeological material used by some scholars is not always accessible for scholars outside the Caucasus academic centres, however, it highlighted not only the issues but also the results of an impact made by international trade on the economy and culture of the Southern Caucasus, in particular, its Caspian territories and on the links between these areas and the Northern Caucasus and also with the Ciscaucasia.

Central Asian issues along with the problems of classical source studies were discussed in the reports made by Uzbek, Kyrgyz and Tajik colleagues. Particularly important were also a summative presentation by Dr Claude Rapin (France) and a report by Marek Jan Olbricht (Poland) who accentuated the issues related to source studies and emphasised the approximate and unreliable character of many well-established opinions related to localisation of certain ancient geographic and topographic objects by modern scholars based on the data from the ancient sources.

In general the reports presented at the conference and included in this compilation reflect a wide range of studies of economic and cultural life of the Southern Caucasus and Central Asia, where a syncretic civilisation, linked with the Hellenistic world, Roman Empire and its off-springs, was born in the Ancient and Middle Ages. Accumulation of archaeological materials and their interpretation, exploration of archeological monuments, numismatic studies bring about continual corrections to research practice. Not only do they require regular discussions in academic publications, but, what is even more important and topical, they need to be discussed at regular meetings and forums of scholars from different countries involved in research of the issues raised in the compilation. It is to be hoped that this compilation will not be the last one focusing the issues related to the Great Silk Road.

S. G. Klyashtorniy

Дилором Алимова
Эдвард Ртвеладзе
Ульфат Абдурасулов
(Узбекистан)

СРЕДНЯЯ АЗИЯ — ЗАКАВКАЗЬЕ — РИМ

о значении водного пути по Амударье через Каспийское море в Закавказье

На протяжении многих столетий важную роль в процессе интеграции экономики и культуры народов Востока и Запада суждено было сыграть Великому Шелковому пути — системе торговых магистралей, связывавших страны Средиземноморья с Китаем и Дальним Востоком в целом. Как отмечают исследователи Ю. Буряков и А. Грицина, система эта складывалась постепенно, в течение столетий и не была устойчивой, изменяясь в зависимости от тех или иных исторических событий.¹

Следует отметить, что связи Средней Азии с Римом в рассматриваемый период могли осуществляться по четырем основным дорогам: по Северному пути в Причерноморье; через Закавказье в области, прилегающие к Черному морю; через Иран в Восточное Средиземноморье; морским путем из Бактрии в Индию и далее морем в Египет.²

Активизация торговых взаимосвязей по этим направлениям не в последней степени была связана с факторами политического и экономического характера и зависела от взаимоотношений находящихся в этом регионе государств. Из Рима — столицы великой империи, который являлся одной из отправных точек Великого Шелкового пути, и из других римских городов на Восток сухопутными и морскими путями шли торговые караваны, отправлялись дипломатические посольства и воинские легионы для борьбы с извечным его соперником — могущественной Парфией (серед. III в. до н. э. — 226 г. н. э.).

Парфянское царство являлось как бы преградой на пути поступления римских товаров на Восток по основной трассе Великого Шелкового пути — через территорию собственно Ирана. В истории Старшего Дома Хань прямо сказано, что *«владелец Дацинь (Рима) давно искал случая открыть сообщение с Китаем, но аснийцы (парфяне), желая одни снабжать Дацинь китайскими шелковыми тканями,*

¹ Буряков Ю., Грицина А. Мавераннахр на Великом Шелковом пути. — Самарканд-Бишкек, 2006. с. 5

² См. подробнее: Ртвеладзе Э. В. Средняя Азия — Закавказье — Рим (История международных культурных связей) // Педагогический сборник: Новые штрихи к актуальным проблемам истории Узбекистана. — Ташкент, 1999. с. 11–23

не пропускали дацинцев через свои пределы в Китай».³ Исследователи этой проблемы считают, что основной поток римских товаров шел (сухопутным) северным путем из античных городов Северного Причерноморья через Нижнее Поволжье в Среднюю Азию и далее на Восток, а также южным морским путем из подвластного Риму Египта в порты, расположенные на западном побережье Индии, особенно в порты Баригады.⁴

Предполагается также поступление товаров из Египта, через подвластную римлянам часть Закавказья и Каспийское море, при участии контролирующих эти дороги сарматских племен. Не случайно в могильниках Северного Кавказа сарматского времени находят много предметов египетско-римского происхождения. Интересные в этом отношении сведения приведены в «Географии» Страбона (I в. н.э.), что аорсы — одно из сарматских племен — контролировали дорогу, шедшую вдоль Каспийского моря и вели караванную торговлю на верблюдах индийскими и вавилонскими товарами, получая их в обмен от армян и мидян (Страбон, XI, V, 8).

Очевидно, что альтернативой этому маршруту являлся иной, более прямой путь, соединявший Среднюю Азию по Амударье через Каспийское море с Закавказьем и далее с Европой. По мнению Б. Вайнберг, в истории развитие этого пути было не стабильным, скачкообразным, связанным, прежде всего, с режимом функционирования реки Амударьи, так как при стоке части ее вод через Сарыкамышское озеро и русло Узбоя в Каспийское море создавались условия для образования водного торгового пути из Средней Азии в Каспийское и Черное моря и далее на запад.⁵ С.Н. Муравьев в своей статье, посвященной палеогеографии Каспийско-Аральского бассейна, отмечает, что условия для этого определялись весьма низким уровнем Каспийского бассейна (–58 м отрыв от абсолюта, плюс-минус 10 м) и не исключает также впадение в него и палео Сырдарьи (VI в. до н.э.).⁶

В исследованиях В. Бартольда⁷, А. Кесь⁸, С.П. Толстова⁹ и Я. Гулямова¹⁰ констатируется, что функциональность Узбоя всецело зависела от степени поступления вод Амударьи в Сарыкамышскую котловину. В периоды переполнения последней вода переливалась, заполняя и русло Узбоя. Следовательно, Узбой не был непосредственным продолжением Амударьи, а вытекал из Сарыкамышья в качестве самостоятельной реки.

3 **Бичурин Н. Я.** Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — М.–Л., 1950. с. 226–227

4 **Хвостов М. М.** История восточной торговли греко-римского Египта (332–284 г. до н.э.) — Казань, 1907; **Шеркова Т. А.** Египет и Кушанское царство. — М., 1991. с. 15–52

5 **Вайнберг Б. И.** Водный путь по Амударье и культовые центры вблизи него // Проблемы истории, филологии, культуры. Journal of historical, philological and cultural Studies. Вып. XV. — Москва-Магнитогорск, 2005. с. 13

6 **Муравьев С. Н.** Проблемы Аракса — Танаиса — Яксарта и уровень Каспия в VI–III вв. до н.э. (К вопросу о палеогеографии Каспийско-Аральского бассейна) // Из истории античной науки и философии. — М.: Наука, 1991. с. 136

7 **Бартольд В. В.** Сведения об Аральском море и низовьях Амударьи с древнейших времен до XVII в. // Сочинения. Т. III. — М., 1965

8 **Кесь А. С.** Русло Узбоя и его генезис // Труды Института географии. Вып. XXX6. — М., 1939

9 **Толстов С. П.** По следам древнехорезмийской цивилизации. — М. –Л., 1948

10 **Гулямов Я. Г.** История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. — Ташкент, 1957

Как показали новейшие археологические материалы исследований геоморфологов и геологов, подобные наполнения котловины и сток вод в Узбой происходили с VII–VI вв. до н. э. по IV–V в. н. э. и на более короткий период с XII по XV вв. Эти периоды и были использованы населением для организации торговли и культурного обмена на весьма выгодных условиях.¹¹ Первый период, включавший в себя и рассматриваемое время, был достаточно долговременным, что создавало, на наш взгляд, благоприятные условия для формирования водных трасс Великого Шелкового пути, соединивших Среднюю Азию с Закавказьем и Европой.

В этом контексте обозначенная проблема представляет чрезвычайный интерес, но, к сожалению, изучению данного направления Великого Шелкового пути в исторической литературе уделено незаслуженно мало внимания. Среди последних работ, затрагивающих в той или иной степени различные аспекты изучаемой проблемы, следует отметить исследования Э. В. Ртвеладзе,¹² И. В. Пьянкова,¹³ Б. И. Вайнберг,¹⁴ У. Мавланова.¹⁵ Хотя еще в 1893 году была опубликована работа руководителя экспедиции Генерального Штаба Российской империи А. И. Глуховского, название которой «*Пропуск вод р. Амударьи по старому ее руслу в Каспийское море и образование непрерывного Аму-Дарьинско-Каспийского пути от границ Афганистана по Амударье, Каспию, Волге и Мариинской системе до Петербурга и Балтийского моря*»¹⁶ уже свидетельствует о том, что российские исследователи были убеждены в существовании прямого водного сообщения между Средней Азией и различными частями европейского континента.

По их мнению, наиболее ранние сведения о связях между Закавказьем и Средней Азией относятся к концу IV в. до н. э. и приведены Аррианом и Квинтом Курцием Руфом. Согласно Арриану, в 329 г. до н. э. в Мараканду к Александру Македонскому прибыл хорезмийский царь Фарасман с предложением союза. Он рассказал Александру, «что живет по соседству с племенем колхов и амазонок» и вызвался в дальнейшем быть ему проводником к Понту Эвксинскому (Черному морю) (Арриан, IV, 15).

Это сообщение вызвало определенное рода сомнения, основанные на географической отдаленности Хорезма (низовья Амударьи) от мест обитания грузинского племени колхов — Колхиды (низовья реки Рион в Западной Грузии).

11 См.: **Вайнберг Б. И.** Этногеография Турана в древности. Ее же: Водный путь по Амударье и культовые центры вблизи него. с. 13–14

12 **Ртвеладзе Э. В.** Великий Шелковый путь // Энциклопедический словарь. — Ташкент, 1999; его же: Средняя Азия — Закавказье — Рим (История международных культурных связей) // Периодический сборник: Новые штрихи к актуальным проблемам истории Узбекистана. — Ташкент, 1999. с. 11–23

13 **Пьянков И. В.** Средняя Азия в античной географической традиции. — М., 1997

14 **Вайнберг Б. И.** Водный путь по Амударье и культовые центры вблизи него // Проблемы истории, филологии, культуры. Journal of historical, philological and cultural Studies. Вып. XV. — Москва-Магнитогорск, 2005

15 **Мавлонов У.** Марказий Осиенинг кадимги йуллари (Древние пути Центральной Азии). — Ташкент, 2008. с. 216–219

16 См. также: **Глуховской А.** Пропуск вод р. Амударьи по старому ее руслу в Каспийское море и образование непрерывного Аму-Дарьинско-Каспийского пути от границ Афганистана по Амударье, Каспию, Волге и Мариинской системе до Петербурга и Балтийского моря. Издано начальником экспедиции Генерального штаба генерал-лейтенантом А. И. Глуховским. — СПб., 1893. с. 34

Вероятно, в то время политическая гегемония Хорезма простиралась на юго-западе и западе вплоть до Каспийского моря, включая русло Узбоя, которое в это время было обводнено.¹⁷ Колхида же в середине I тыс. до н. э. была одним из самых могущественных государств Закавказья, сведения о котором распространились далеко за пределы этого региона. По-видимому, по этим причинам Фарасман и сказал Александру, что его царство (Хорезм) соседствует с колхами.

В это же время, очевидно, уже функционировал водный путь по Узбою, по которому через Каспийское море осуществлялись связи с Закавказьем. В. В. Бартольд, изучавший проблему впадения Аму-дарьи через Узбой в Каспий, особо оценивал данные Страбона (со ссылкой на Патрокла и Аристобула), считавшего, что Окс является самой большой из виденных им в Азии рек, кроме индийских. *«Эта река (Окс), — пишет Страбон, — судоходна и много индийских товаров привозят вниз по течению в Гирканское море (Каспийское море): оттуда их переправляют в Албанию (Азербайджан) и через Кир (р. Кура), в следующие затем местности (т. е. территории древнегрузинских царств Иберия и Колхида — авт.) и доставляют в Понт Эвксинский (Черное море)»* (Страбон, XI, VII, 3). Подтверждением служат находки предметов закавказского происхождения на хорезмском городище Калалыгыр II, время обживания IV–II вв. до н. э., расположенного в северо-восточной части этого пути.¹⁸ Из Понта Эвксинского, несомненно, эти товары попадали на территорию Римской империи, которой в первых веках нашей эры подчинялись почти все территории, прилегающие к Черному морю. В другой части своей «Географии» Страбон приводит сведения о реке Аму-дарье: *«река Окс, отделяющая Бактриану от Согдианы, как говорят, отличается такой судоходностью, что индийские товары, подвозимые к ней через горы, можно доставлять вниз по течению до Гирканского (Каспийского) моря и оттуда по рекам в соседние области вплоть до Понта»* (Страбон, II, I, 15).

Сведения о существовании этого водного торгового пути подтверждает Плиний со ссылкой на Варрона (127–116 гг. до н. э.), который пишет: *«... во время похода Помпея было разведано, что из Индии можно в 7 дней прийти в Бактры к реке Бактр, впадающей в Окс и из него в Каспийское море»* (Плиний VI, 52) и далее *«индийские товары, перевезенные по Оксу через Каспийское море в Куру, могут быть перевезены не более чем в пять дней сухим путем до Фасиса, который впадает в Черное море»* (Плиний, VI, 50). По данным китайского автора Шицзы *«по реке Гуйшуй (Аму-дарья — авт.) живут торговцы и купцы, которые и сухим путем и водой развозят свой товар по соседним владениям даже за несколько ли»*.¹⁹

17 См.: Юсупов Х. Археологические памятники Узбоя и проблема водного пути из Индии в Каспий // Туркменистан в эпоху раннего железного века. — Ашхабад, 1984. с. 77–97

18 Vainberg B. U. The Kalali-Gir II. Ritual Center in Ancient Kharazm // Bulletin of the Asia Institute. New series IV.8.1994. — P. 67–81.

19 Бичурин Н. Я. Указ. соч.

Уточняет маршрут из Индии в Среднюю Азию и Закавказье римский историк Солин: «... Из Индии в Бактрию до реки Дилиера (вероятно, Кундуздарья в Афганистане — авт.), где она впадает в реку Окс, затем к Каспийскому морю, а оттуда через Каспий можно проникнуть к течению реки Ира, которая течет по границе Армении и Иверии».

Таким образом, эти сведения свидетельствуют о существовании древнего водного торгового пути, соединявшего Индию, Среднюю Азию, Закавказье и области Черного моря, подвластные Римской империи. Оживление или упадок этого пути во многом зависели от факторов природно-географического, политического и экономического характера.

Краткое знакомство с литературой, археологическими данными, а их немало, убедительно свидетельствует о культурной и экономической интегрированности древней Средней Азии с различными регионами мира именно по водным трассам Великого Шелкового пути. Так, обнаруженные на территории современного Узбекистана фрагменты плавательных средств и их изображений, например, наскальное изображение одномачтовой лодки в местности Бештепа вблизи г. Нукуса, относящееся к эпохе бронзы;²⁰ изображение плавательного средства на археологическом памятнике Каратепа в Старом Термезе²¹, изображение женщин, плывущих в лодке на городище Афрасиаб в г. Самарканде,²² структурно идентичной аналогичным плавательным средствам народов Древнего Египта, Вавилона, Ассирии, Восточного Средиземноморья, Месопотамии, Китая, а также вышеприведенные свидетельства письменных источников показывают, что эти взаимосвязи были реальными и функционально-продуктивными. Однако приходится с сожалением констатировать, что не только в Узбекистане, но и в целом в Центральной Азии данная проблема в контексте истории водных трасс Великого Шелкового пути целенаправленно не разрабатывается. Между тем изучение истории взаимосвязей Средней Азии, Закавказья и европейских стран по Великому Шелковому пути и его водных трасс имеет не только научное значение, но и может быть своеобразным ретранслятором в современность исторического опыта водных сообщений данных государств. Исходя из этого, считаем чрезвычайно актуальным создание международного проекта с участием представителей-историков, археологов рассматриваемых регионов мира.

20 Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. — М. -Л., 1948. с. 125.

21 Ртвеладзе Э. В. Цивилизации, государства и культуры Центральной Азии. — Ташкент, 2005. с. 245–247; Мавлонов У. Марказий Осенинг кадимги йуллари. — Ташкент, 2008. с. 220.

22 Ртвеладзе Э. В. Указ. соч, 2005. с. 247–248.

РУСЫ В КАСПИЙСКОМ МОРЕ И НА ШЕЛКОВОМ ПУТИ В СЕРЕДИНЕ IX – НАЧАЛЕ X ВВ.

Страбон оставил известия о том, что в древности одним из маршрутов торговли между Китаем, Индией и античным миром был путь по ныне высохшему руслу Аму-дарьи до восточного побережья Каспия, далее через море до устья Куры и вверх по реке и ее притокам до Черноморского побережья. Относительно функционирования этого торгового пути еще многое необходимо выяснить. К числу таких неясностей можно отнести отсутствие свидетельств о том, какими судами и кем обеспечивалось плавание через Каспий. Уж если такой путь существовал, то можно предположить, что мореплаватели древности — греки, освоившие берега Черного моря — могли плавать и через Каспий.

Страбон родился в причерноморской провинции Понтус с центром в современном турецком городе Амасия. Здесь же он работал над своей «Географией». Подчинение этой области Риму произошло в результате военных операций Помпея (65 г. до н. э.) и незадолго до рождения автора «Географии». Любопытно, что в это же время Помпей, преследуя Митридата Понтийского, совершил поход на Кавказ, но столкнувшись с сопротивлением иберов и кавказских албан вернулся к черноморскому порту Фатис (ныне Потти). В Фатисе, повидавшись с Сервилиусом, адмиралом черноморского флота римлян, он принял решение отказаться от прямого подчинения кавказских провинций. О чем поведал Помпею римский адмирал? Уж не убедил ли в том, что торговый путь от восточного побережья Каспийского до Черного моря достаточно обеспечен с точки зрения безопасности и транспортных средств и не требует дорогостоящего присутствия римских войск?¹

С другой стороны, для изучения вопроса о торговых путях через Каспий важно также оценить возможности местного населения в организации каспийского судоходства в эпоху владычества парфян и в контексте их политических и торговых отношений с античным миром, Китаем и Индией. Хорошими аргументами в решении этих вопросов могли бы быть свидетельства археологии об опорных пунктах мореходства по обоим берегам Каспия. Однако эти изыскания находятся в компетенции специалистов-древников и археологов, нашей же задачей будет изучение арабских источников об использовании этого маршрута в раннее средневековье.

¹ Любопытно, что за два года до своей кавказской кампании Помпей положил конец господству киликийских пиратов в Средиземноморье (еще одни мореплаватели древности) и его задачей было примирение и обустройство этих прибрежных провинций Черного и восточной части Средиземного морей.

Некоторые известия средневековых арабских источников свидетельствуют о возможном функционировании этого пути, или по меньшей мере его морского участка, после арабских завоеваний, когда земли по трем сторонам Каспия за исключением северного побережья оказались под контролем арабского халифата и местных мусульманских династий. Таким образом, вопрос об организаторах мореходства через Каспий становится актуальным и для времени, к которому относятся эти свидетельства, а именно с середины или точнее со второй трети IX века до сороковых годов X века. Важнейшими и наиболее достоверными источниками для нас являются руководство о почтовых сообщениях и торговых путях, составленное в IX веке начальником почтовой службы при халифе ал-Васике (842–847) Ибн Хордадбехом,² и географический труд известного путешественника, историка и географа X века ал-Масуди.³

Труд Ибн Хордадбега создавался в середине IX века. Издатели текста и исследователи отмечали вероятность того, что существовали ранняя редакция, датируемая не позднее 233 г. х. (847/848 г.), и поздняя редакция, относимая к 882–886 г.⁴ В любом случае, для арабской географической литературы сведения Ибн Хордадбега можно считать одним из самых ранних упоминаний о русах в Каспийском море.

Особенностью же работы ал-Масуди было то, что при написании своего труда⁵ в части, касающейся Каспийского моря, он задался целью выяснить сообщается ли оно с другими морями. Знаменитый географ, историк и путешественник совершил плавание вдоль южного побережья Каспия, пытаясь выяснить не соединяется ли оно с Азовским морем, как приходилось ему читать в некоторых описаниях морей. Подтверждений своей версии он не получил, но собрал много сведений о русах, которые появлялись в устье Волги.⁶ В дальнейшем повествовании рассказы о походах русов использовались автором для рассуждений о водных путях и торговых маршрутах от Западной Европы до Каспийского моря.

Ибн Хордадбех называет русов народностью из «саклабов» и сообщает, что они торговали мехами и мечами, которые возили из отдаленных уголков страны «саклабов» до «Румского моря», и тогда платили пошлину византийцам, а также могли везти товары вверх по Дону до *Хамлиджа*, где платили пошлину хазарам.⁷

2 Kitab al-Masalik Wa'l-Mamalik. Auctore Abu'l-Kasim Obaidallah ibn Abdallah Ibn Khordadbeh. Quae cum versione gallica edidit M. J. De Goeje. Lugduni Batavorum (Leiden), 1889.

3 **Мурудж аз-Захаб ва Маадин ал-Джаухар**. Талиф Аби ал-Хасан Али б. ал-Хусайн б. Али ал-Масуди. Дж. 1–4. Дар Садир: Бейрут, 2005.

4 **Ибн Хордадбех**. Книга путей и стран. Перевод с арабского, комментарии, исследование, указатели и карты Наили Веллихановой. — Баку: Элм, 1986. с. 18. Издатель и переводчик наиболее полного текста сочинения голландский востоковед М. Я. де Гуге пришел к выводу о двух редакциях и сроках их создания на том основании, что в более краткой рукописи, опубликованной его предшественником Барбье де Мейнаром не содержится ни одного факта, датируемого после 233/847 г., а в более полной редакции, которую опубликовал сам де Гуге, были обнаружены два отрывка, создание которых можно отнести к периоду между 882–886 гг.

5 Ал-Масуди неоднократно упоминает, что его работа создавалась в 332 г. х. (943/944 г.): *Мурудж аз-Захаб*, сс. 142, 144.

6 **Мурудж аз-Захаб**, с. 95.

7 Kitab al-Masalik Wa'l-Mamalik., p. 154.

Наиля Велиханова, автор комментированного перевода «Китаб ал-масалик вал-мамалик» считает, что Хамлидж это часть хазарской столицы Итиль в устье Волги.⁸ Однако в тексте дословно сказано, что суда поднимаются по реке Танаис (Дон) и проходят мимо Хамлиджа (*марру би-Хамлидж*), где с них берет пошлину его владетель (*сахибуху*). Заметим, что если это был Итиль, то мог быть упомянут не правитель города, а хазарский царь.

Наиболее распространенным объяснением названия *Хамлидж* является его происхождение от тюркского *Ханбалык* — царский город. Города, где находились ставки тюркских правителей часто так и именовались. Другое упоминание Хамлиджа у Ибн Хордадбега, кажется, не оставляет сомнений на этот счет: он говорит о том, что от Джурджана на юго-восточном побережье Каспийского моря до Хамлиджа при попутном ветре 8 дней плавания. Здесь же говорится, что хазарскими городами являются Хамлидж, Баланджар и ал-Байда.⁹ Все три названия служили для обозначения столичных городов хазар. Баланджар был, вероятно, первой столицей хазар. Резиденция царя была перенесена к северу в Итиль вследствие давления арабов.¹⁰ Ал-Байда принято считать названием одной из частей Итиля наряду с Хамлиджем.¹¹ Писавший позднее Ибн Хаукаль (977 г.) указывал на то, что Итиль разделен на две части: западную — Хазаран и восточную — Итиль. Имеющий репутацию автора с самостоятельным мнением ал-Масуди упоминает, что город хазар разделен на три части, и вместе с тем он дает описание только двух частей, разделенных рекой.¹² Скорее всего ал-Масуди, говоря о трех частях, пытался примирить мнения о трех различных названиях Итиля, который фактически был разделен Волгой только на две основные части.

Таким образом, все названия имели отношение к столице хазар на Волге. Ханбалык, или Хамлидж, могло быть общим обозначением, бытовавшим в первое время после перенесения столицы из Беленджера. Город был разделен рекою на две части: Хазаран и Итиль (по названию реки), или ал-Байда («белый город»).

Необходимо признать недостаточность наших рассуждений для выяснения исторической топографии города. Однако эти изыскания позволяют сделать важный для понимания краткого сообщения Ибн Хордадбега вывод, что на описываемом маршруте арабские купцы и путешественники IX века, по всей видимости, не ходили дальше столицы хазар. Иначе в сообщении Ибн Хордадбега было бы больше деталей о пути вверх по Дону до хазарской крепости Саркел, построенной 830-ых годах на месте максимального приближения русла Дона к Волге. По этой причине вопрос о связи Каспийского моря с Азовским и Черным морями оставался

8 **Ибн Хордадбех.** Книга путей и стран, с. 306.

9 *Kitab al-Masalik Wa'l-Mamalik.*, p. 134.

10 **Баргольд В. В.** Арабские известия о русах // Соч. т. II (ч. I). — М., 1963. с. 815.

11 **Ибн Хордадбех.** Книга путей и стран, с. 307.

12 *Мурудж аз-Захаб.* с. 143.

неясным для арабских географов и так занимал ум ал-Масуди в середине X века. Обстоятельством, возможно, усугубившим эту путаницу, было то, что Саркел на хазарском означало «Белая Крепость».¹³ Прослышав о взимании в Саркеле пошлины с русов для прохождения по Волге в Каспийское море, арабы, не ходившие до Саркела, могли путать его с Итилем.

Рассказ Ибн Хордадбега о русах вклинивается между двумя частями рассказа о торговых путях купцов-иудеев «ар-разаниййа».¹⁴ Многие исследователи, в том числе и В. В. Бартольд, считали это странной и необъяснимой вставкой, разрывающей повествование об иудейских купцах.¹⁵ Поэтому появилось мнение, что рассказ о русах — интерполяция, сделанная поздними переписчиками.¹⁶ Автор русского перевода и обстоятельного исследования сочинения Наиля Велиханова, аргументируя стилем изложения, все-таки приходит к выводу, что отрывок о русах был написан самим Ибн Хордадбехом.¹⁷ Установив авторство спорного отрывка, Н. Велиханова выполнила поставленную перед собой задачу текстологического анализа и не продолжила рассуждений о логической связи рассказа о русах с темой о купцах-рахданидах.

Прежде всего обратим внимание на то, что первая часть текста об иудейских купцах, предшествующая рассказу о русах, описывает южные морские маршруты ар-рахданиййа. Основными предметами их торговли названы кожа, меха, мечи и рабы, вывозимые из северных стран и Западной Европы. Эти товары доставляются по Средиземному морю, Красному морю и далее морским путем до Индии и Китая. Обратном тем же путем везли пряности и благовония до мест их продажи в Византии и Западной Европе. В этой части рассказа об иудейских купцах внимание уделяется их морским путям и только для объяснения того, как перевозились товары из одного моря в другое, упоминается о сухопутном участке от Средиземноморского побережья до порта Кулзум на Красном море. Другой веткой пути от Средиземноморья до Индийского океана была дорога от Антиохии по суше до Евфрата, затем вниз по реке до Багдада. Здесь товары перебрасывались до Тигра и вниз по Тигру доставлялись до Убуллы на Персидском заливе. Еще раз подчеркнем, что здесь говорилось о морских маршрутах, которые, утверждает автор ал-Масалик ва-л-Мамалик, «связаны друг с другом».

13 Киевский князь Святослав Игоревич, взявший Саркел в ходе своего разрушительного похода против Хазарии в 965 г., переименовал его в «Белую Вежу». Под этим названием город упоминался в летописях как славянская крепость до двенадцатого века, когда контроль над ним установили кипчаки.

14 *Kitab al-Masalik Wa'l-Mamalik*, p. 154. Наиля Велиханова считает, что эти купцы были потомками мединских иудеев и были прозваны «ар-разаниййа» по названию селения ар-Разан на Аравийском полуострове. Поскольку в некоторых других рукописях текста Ибн Хордадбега, а также и в других географических сочинениях иудейские купцы названы похожим по начертанию словом «ар-рахданиййа», многие исследователи склонны считать это словам происходящим из персидского языка со значением «знающие пути». Эта последняя этимология нам представляется более вероятной, особенно в свете обстоятельств нашего исследования, свидетельствующих о том, что упоминаемые Ибн Хордадбехом купцы были иудеями, бежавшими из Ирана и осевшими в Византии и Хазарии. По этой причине мы будем использовать для их обозначения вариант «ар-рахданиййа».

15 **Бартольд В. В.** Арабские известия о русах, с. 827.

16 Там же, с. 826; Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе: Горган и Поволжье в IX–X вв. — М. 1962, т. II, 85–86; Ибн Хордадбех. Книга путей и стран, с. 38.

17 Там же, с. 39.

Вторая часть рассказа о купцах ар-рахданиййа приводится под заголовком «об их сухопутных маршрутах».¹⁸ И действительно, мы находим здесь описание исключительно сухопутных путей из Европы в Китай. Цепочка опорных торговых пунктов тянется от Западной Европы через Северную Африку, Восточное Средиземноморье, Ирак, Иран, Индию и Китай и не может не вызвать восхищения предприимчивостью и масштабностью их торговых операций. Ходил ли кто-либо из них от самого начала пути до конца и обратно — трудно утверждать, так же как и трудно утверждать, что это было невозможно. Просто отметим, что свидетельства Ибн Хордадбега относятся ко времени за пять веков до путешествия Марко Поло.

Значительная часть путей пролегла через территории, контролируемые мусульманскими государствами. Мусульманскими купцами и правительством были созданы весьма благоприятные условия для финансирования и технического обеспечения дальней международной торговли. Существовала инфраструктура перевалочных торговых станций и сеть надежных торговых агентов,¹⁹ позволявшие использовать безналичные финансово-кредитные инструменты, аналогичные переводным векселям.²⁰

В этом же отрывке особого внимания заслуживает следующее замечание Ибн Хордадбега: «Иногда они выбирают пути за пределами Румийи [Византии — А. Ф.] в стране саклабов, затем следуют до хазарского города Хамлидж, оттуда в Джурджанское [Каспийское — А. Ф.] море и далее в Балх, Мавераннахр, страну²¹ тугузгузов и Китай.»²² Меха и кожи, а также мечи, которые вывозили иудеи в Индию и Китай происходили из областей к северу от Черного и Каспийского морей. Можно тут вспомнить и о содержании «хазарской дани» с русов — «по мечу и белке с дыма.»²³ Ал-Масуди довольно обстоятельно рассуждает о достоинствах и качественных различиях мехов, свозившихся в хазарскую столицу по притокам Волги.²⁴ Ибн Хордадбех свидетельствует, что иудейские купцы могли везти эти товары через Византию или же через запредельные страны, т.е. по северному пути через Хазарию. Как в одной так и в другой стране существовали влиятельные иудейские общины, появившиеся в результате двух волн миграции евреев из Ирана: первая волна покинула Иран после победы маздакитского движения, они отправились в Византию. Вторую волну, напротив, составили те иудеи, которые приняли маздакитскую идею равноправия, а после поражения движения должны были куда-либо эмигрировать. И таким местом оказалась сопредельная Сасанидскому Ирану Хазария. Оказавшись в ключевых районах движения това-

18 Kitab al-Masalik Wa'l-Mamalik., p. 154.

19 Там же, стр. 123. Ибн Хордадбех сообщает, что ежегодно халифат тратил на поддержку этих станций внушительную сумму в 159 тыс. динаров, что составляло 676 тонн золота, а по нынешним ценам это равняется примерно 17,6 млн. долларов США.

20 Макриси о купце из Китая.

21 В тексте: *вурт*. Н. Велиханова предполагает, что слово происходит от тюркского «йурт» — родина, страна.

22 Там же, с. 155.

23 ПВЛ.

24 Мурудж аз-Захаб, с. 143–144.

ров с севера на юг и на восток эти общины, по всей вероятности, и составили большую часть купцов-рахданийя.

Особенно благоприятные условия для существования общины имелись в Хазарском каганате, где хаканы из рода Ашина по традиции тюркской кочевой государственности мало вторгались в жизнь оседлого населения и отличались религиозной терпимостью. Анализ этих обстоятельств на фоне политических событий и религиозной ситуации в Византии, арабском халифате и славянском мире дал основание российскому историку Л. Н. Гумилеву утверждать, что экономически процветающая иудейская община в Хазарии, получив шанс реализации возникших политических амбиций, смогла выдвинуться на ведущие роли по организации торговли между Западом и Востоком, а хазарский каганат, правители которого приняли иудаизм, трансформировался в купеческое государство со сложной и до конца еще не исследованной политической организацией с еврейским царем и сильно ограниченным в своей власти хазарским каганом.²⁵

Если еврей-купцы могли быть собственниками товаров доставлявшихся до морских портов, откуда суда отправлялись к берегам Индии и Китая, то это вовсе не подразумевало, что они были судостроителями и мореходами. В Средиземном море это могли быть и византийские торговые суда, и суда агентов из других христианских и мусульманских областей Средиземноморья. Южные морские пути обслуживались мореходами-арабами. Достаточно развитая система кредитования, взаиморасчетов, отношения торгового фрахта гарантировали права купцов на их товары, а их агенты на разных пунктах торговых путей выполняли их поручения. Могло быть также, что ко времени доставки до конечного пункта долгого пути, товар неоднократно менял своего владельца, иначе говоря перепродавался в важных торговых центрах. Безусловно, при перепродаже товара первоначальный владелец выручал настолько меньше, насколько раньше продавал свой товар другому купцу, значит он был заинтересован как можно дольше оставаться владельцем товара на долгом торговом пути.

Не до такой степени это очевидно для пути через Хазарию. Из устья Волги, где располагалась хазарская столица, товары предстояло переправить до важнейших перевалочных пунктов, контролировавшихся арабским халифатом и местными мусульманскими династиями. Ибн Хордадбех утверждает, что товары иудейских купцов следовали из хазарской столицы через Каспийское море до Джурджана. Любопытно, что об этом он говорит в секции, которая озаглавлена как сухопутные пути рахданитов. По этому же морскому пути шли суда русов, и об этом Ибн Хордадбех говорит в тексте, примыкающем к повествованию о морских путях рахданитов.

25 Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. — М.: Мысль, сс. 113, 136–137.

Важнейшим портом в Джурджане был Абаскун.²⁶ Именно сюда, вероятно, привозились основные партии товара для дальнейшего следования на восток. Своих судов, способных осуществить морскую перевозку через беспокойный Каспий, у хазар и купцов-иудеев не было. Только ал-Масуди упоминает о лодках (*заварик*) хазаров, которые могли подвозить товары из северных областей по притокам Волги до Итиля.²⁷ В.В. Бартольд даже это упоминание не считает свидетельством наличия судоходства у хазар и утверждает, что хазары, политически господствуя над русами, считали их суда своими.²⁸ Сведения Ибн Хаукала, что хазары свозят урожай с полей и огородов к реке и затем сплавливают вниз до столицы, свидетельствуют о том, что речное судоходство у них все-таки было, да и ал-Масуди, утверждает, что у хазар были лодки (*заварик*), а не морские суда (*суфун*, *маракиб*).

Остается предположить, что товары еврейских купцов из Итиля через Каспийское море могли перевозить русы. Они могли везти как свои товары, так и товары хазарских и мусульманских купцов. В IX веке масштаб этих операций, видимо, был значительным, ведь не зря Ибн Хордадбех приводит слова своего современника и друга поэта ал-Бухтури, что купцы, имеющие торговые договора, заключенные в Хамлидже (столице хазар), пользуются особым уважением в Багдаде.²⁹

Русы могли высаживаться не только в Абаскуне, а вдоль всего южного и восточного побережья. К такому выводу можно прийти, если принять во внимание следующие слова Ибн Хордадбега: «... они плывут по Джурджанскому морю и высаживаются на любом удобном им берегу».³⁰ Косвенным подтверждением этому может служить также и свидетельства ал-Масуди, относящиеся уже к X веку, когда картина полностью меняется и русы на Каспийском море выступают не мирными купцами и мореплавателями, а жестокими захватчиками и грабителями. Объектами их нападения были берега Джурджана, Табаристана, Гиляна, Дейлема и Азербайджана.³¹ Для направления своих атак они должны были выбирать области, о богатстве которых имели достаточное представление.

Сведения о русах у Ибн Хордадбега (середина IX века) и ал-Масуди (середина X века) рисуют совершенно различную картину их проникновения и плавания по Каспийскому морю. В IX веке у Ибн Хордадбега мы не встречаем ни слова о разбойных нападениях, речь идет только о торговых операциях русов. Они возят традиционные товары северных областей и по-видимому, выступают надежными котрагентами хазарско-иудейских и мусульманских купцов. Так же как и другие купцы в мусульманском мире они стремятся пройти по проторенным торговым путям как можно дольше, чтобы вернуться обратно с большей прибылью. Порою

26 Мурудж аз-Захаб, с. 146.

27 Там же, с. 143.

28 Бартольд В.В. Арабские известия о русах, с. 832.

29 Kitab al-Masalik Wa'l-Mamalik, p. 124.

30 Ibid., p 154.

31 Мурудж аз-Захаб, с. 146.

они перепродают товары на южном побережье Каспийского моря, а иногда следуют от Джурджана до самого Багдада. В восточном направлении их непосредственное следование с товарами в арабских источниках не отмечается. Скорее всего на восток шла та часть поставляемых и перевозимых русами товаров, которую перекупали в Абаскуне и других южно-каспийских портах мусульманские купцы. Этот путь Ибн Хордадбех обозначает весьма определенным образом: Джурджан — Балх — Мавераннахр — страна тузгузов — Китай.

Выгрузка товаров с кораблей русов в устье Узбоя не исключается. Вопрос в том, текли ли воды Аму-дарьи в Каспийское море? Возможно, что археологические находки, свидетельствующие о продвижении русов и дальше на восток по Шелковому пути, послужили бы косвенным доказательством существования судоходства до основного русла Аму-дарьи. Даже если русло Узбоя не было судоходным в IX веке, караваны от хорезмийского города Гурганджа (нынешний Куня-Ургенч) все еще могли ходить до каспийского побережья, где их ждали корабли русов. Смутным воспоминанием, об этом можно считать сохранившуюся у автора XII века ал-Гарнати легенду о постройках с зелеными куполами, окруженных непроходимыми болотами на востоке от Хорезма. Случайно забредший туда путник находит там изумрудную чашу и приносит ее хорезмшаху. Хорезмшах со своим войском не может пробиться к зеленым куполам и решает прокопать туда канал от Аму-Дарьи, однако умирает, не закончив работы.³²

Гургандж был отправным пунктом торгового пути из Хорезма в Европу через северные прикаспийские области, населенные гузами и печенегами. Этот путь также вел в Хазарию, Русь и северные области — далекую Биармию. Он, по-видимому, мог быть альтернативой пути через Каспий. Активизация северного маршрута могла произойти в результате прекращения безопасного судоходства по Каспию в X веке. Причины этого следует искать в политических сдвигах, происходивших в отношениях между Хазарией, Византией, Киевской Русью, халифатом и кочевниками Северного Прикаспия и Причерноморья. Для понимания политической ситуации в Восточной Европе и Прикаспийских областях и уточнения маршрутов международной торговли в IX–X большое значение имеют исследования внутриполитической борьбы в Хазарии и политической трансформации, завершившейся установлением власти Рюриковичей в Киевской Руси. Очевидно, что изучение этих малоисследованных вопросов требует больших усилий и выходит за пределы наших возможностей в этой презентации.

Кроме того, нет оснований считать эти сведения принадлежащими ко второй редакции, ибо рассказ Ибн Ходадбега о торговых операциях русов на Южном Прикаспии не может быть отнесен к 80-ым годом IX века, так как в это время

³² Путешествие Абу Хаида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.) Публикация **Большакова О. Г., Монгайта А. Л.** — М.: ГРВЛ, с. 47.

на Южном Прикаспии не было мира, а происходило противостояние мятежных Саффарадов, поддержанных шиитскими проповедниками, и верной центральной власти суннитской династии Саманидов, вплоть до 900 года, когда Саманидам удалось установить контроль над всем Хорасаном и временно усмирить мятежные местные династии.³³

33 The Cambridge History of Iran. Cambridge, 1968–1986, v. IV, pp. 206–212.

Ильяс Бабаев
(Азербайджан)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СЛЕДЫ ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ НА ТЕРРИТОРИИ АЗЕРБАЙДЖАНА

Система международных торговых путей, известная под названием «Великий Шелковый путь», функционировала с конца II в. до н. э. до XVI в. Она охватывала обширную территорию от Китая на Востоке до Северной Африки и Испании на Западе, сближая многие народы, существенно отличавшиеся обычаями и обрядами, формой и уровнем культурного развития.

Еще задолго до возникновения Великого Шелкового пути человеческие сообщества, проживавшие в различных географических условиях и обладавшие разными природными ресурсами, имели возможность производить определенные продукты, излишки которых были предметом товарообмена. Так, археологическими находками установлено, что люди еще в период верхнего палеолита вулканическое стекло (обсидиан) и кремень для изготовления орудий труда и вооружения везли за сотни километров от месторождения.

Позже в связи с большим общественным разделением труда взаимосвязи, ранее носившие спорадический характер, постепенно стали регулярными. На этот процесс также существенно влияли освоение металла, усовершенствование орудий производства, увеличение разнообразия продуктов, возникновение классового общества и государства, особенно городов, которые были не только политико-административными и культурными центрами, но и центрами ремесленного производства и торговли.

Отдельные регионы благодаря своему географическому положению играли транзитную роль в международных связях. К таким регионам относится и территория Азербайджана, по которой проходили пути, связывающие Европу с Азией, северные степи со странами Древнего Востока, Прикаспийский регион с Причерноморьем.

Археологические находки свидетельствуют, что племена, проживавшие на территории Азербайджана еще в VI–IV тысячелетиях до н. э., поддерживали различные контакты с сопредельными странами и странами Древнего Востока.¹ Освоение

¹ Нариманов И. Г. Культура древнейшего земледельческо-скотоводческого населения Азербайджана (эпоха энеолита VI–IV тыс. до н. э.). — Баку: Элм, 1987. С. 158–164.

металла, особенно бронзы и железа, наличие богатых залежей этих металлов на Кавказе дали большой толчок расширению торговых связей. Археологическими исследованиями доказано, что еще в IV–III тысячелетиях до н. э. отдельные группы Убейдской, еще больше Урукской археологических культур Месопотамии переселились на Кавказ. Исследователи полагают, что переселенцев, вероятно, больше всего привлекали залежи металла в этом регионе.²

Международные торговые связи получили бурное развитие после похода Александра Великого на Восток, в 334–324 гг. до н. э. С этого времени до последней трети I в. до н. э. происходил синтез греческой культуры с культурой Востока. В истории Средиземноморского бассейна, Ближнего и Среднего Востока период назван эллинистическим. В этом обширном географическом регионе во всех сферах жизни населения происходили коренные изменения, возникали государства нового типа, города. В это время торговля приобрела мировой характер, в нее были вовлечены все известные тогда страны мира. В конце II в. до н. э. к системе торговых путей эллинистического мира присоединился и путь из Китая. С этого времени система мировых торговых путей известна в истории как «Великий Шелковый путь». Это событие произошло во время правления Митридата II (124–87 гг. до н. э.) в Парфии. Митридат II в мировой истории считается первым царем, поддерживавшим связи как с Римом на Западе, так и с Китаем на Востоке. Он принимал первого китайского посла в Парфии. Парфянское государство, существовавшее до 224 г. н. э. было связующим звеном в международных торговых связях. В это время из Китая привозили шелк, бумагу, лак и другую ремесленную продукцию. Тогда Великий Шелковый путь соединил четыре империи — Римскую, Парфянскую, Кушанскую и Ханьскую (Китай). Последующие средневековые империи — Сасанидская, Византия, Арабский Халифат и Монгольская также играли важную роль в функционировании Великого Шелкового пути. Как ныне так и в древности все государства и народы были заинтересованы в развитии международной торговли. В эллинистическое время на территории Азербайджана возникли два государства — Албания на севере, Атропатена — на юге, было построено много городов. Транзитные торговые пути, проходившие по территории Азербайджана, сыграли определенную роль в их возникновении, в развитии ремесла и торговли.³

В античную эпоху через территорию Азербайджана проходило несколько оживленных ветвей Великого Шелкового пути. Древние греческие и римские авторы приводят некоторые сведения об этих путях. Например, автор рубежа н. э. Страбон упомянул о трех путях, проходивших по территории Албании (Страб., XV, В, 8; III, 5, IV, 5; VII, 3). Один из них — вдоль западного побережья Каспийского моря

2 Мунчаев Р. М. Урукская культура (Месопотамия) и Кавказ / В кн: Археология, этнография и фольклористика Кавказа // Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе: Материалы Международной научной конференции. — Махачкала, 2007. С. 8–9.

3 Бабаев И. А. Города Кавказской Албании в IV в. до н. э.–III в. н. э. — Баку: Элм, 1990; его же. Великий Шелковый путь и Азербайджан / В кн: Великий Шелковый путь и Азербайджан. Вчера, сегодня, завтра / Сб. статей, посвященный Международной конференции по развитию транспортного коридора Европа-Кавказ-Азия. — Баку, 1998. С. 16–30.

с юга на север, другой — в сторону Иберии (Грузия); третий — водный путь, по которому везли индийские товары по Оксу (Аму Дарья), Каспийскому морю, Куре и далее частично по суше в Причерноморье. Водный путь упоминал также римский автор I в. н. э. Плиний Старший в своем энциклопедическом труде «Naturalis Historia» (Plin., NH, V, 52). Караванный путь, идущий вдоль западного побережья Каспийского моря упоминал и автор II в. н. э. Клавдий Элиан. Он, в частности, писал, что каспии, жившие на территории Северного Азербайджана, солят и сушат рыбу, на верблюдах везут в Экбатану. Из внутренностей рыбы выделяют высококачественный клей (El. XVII, 17). Позже транзитные торговые пути, проходившие по территории Азербайджана, упомянуты многими средневековыми авторами.

О существовании этих путей и торговых связях Азербайджана в античную эпоху и средневековье помимо письменных источников свидетельствуют многочисленные привозные изделия, найденные при археологических раскопках. Они представлены предметами торевтики, изделиями глиптики, употребленной в основном в качестве печатей, отдельными глазурованными сосудами, бусами из стекла, египетской пасты, огненно-красного индийского сердолика, перламутры, раковинами каури, различными фибулами римского производства, статуэтками из слоновой кости, халцедоновой головкой фигуры, фаянсовыми подвесками в виде скарабея, кисти руки и т. д.⁴

О торговых связях Азербайджана в античное время свидетельствуют многочисленные привозные монеты, выявленные как в виде больших кладов, так и в единичных экземплярах. Привозные монеты представлены монетами Александра Великого, фракийского царя Лисимаха, греко-бактрийских царей, а также царей Парфии, Египта, римскими монетами республиканского и имперского периодов и др.⁵ Значительный интерес для определения направления транзитных путей, проходивших в античную эпоху через территорию Албании, представляют римская надпись 84–96 гг. н. э. в Гобустане и греческая надпись II в. н. э., выявленная в Шекинском районе. Эти надписи оставлены соответственно римлянином, центурионом двенадцатого легиона Юлием Максимом и греком Айлием Ясоном.⁶

4 Эти находки освещены во многих научных статьях и монографиях. См: **Бабаев И. А.** Памятники глиптики Азербайджана античной эпохи и раннего средневековья. Автореф. Дисс...к. и н. — Баку, 1965; его же совместно с Г. Аслановым: Общая характеристика памятников глиптики, найденных при раскопках в Мингечауре // Изв. АН Азерб. ССР Серия общ. наук, № 2. — Баку, 1965. С. 94–102; **Халилов Дж. А.** Материальная культура Кавказской Албании (IV в. до н. э. — III в. до н. э.). — Баку: Элм, 1985. С. 183–187; **Кошкарлы К. О.** Античная и раннесредневековая торевтика из Азербайджана. — Баку: Элм, 1985; **Давудов О. М.** Материальная культура Дагестана албанского времени (III в. до н. э. — IV в. н. э.). — Махачкала, 1996; **Гаджиев М. С.** Между Европой и Азией. Из истории торговых связей Дагестана в албано-сарматский период. — Махачкала, 1997 и др. **Расулова М. М.** Торгово-экономические и культурные связи Кавказской Албании с античным и эллинистическим миром: IV в до н. э. — III в. н. э. — Баку, 2008.

5 **Пахомов Е. А.** Античные монеты в Албании в пределах Азербайджанской ССР // В кн.: Вопросы истории Кавказской Албании. — Баку: изд. АН Азерб. ССР, 1962. С. 106–112; **Бабаев И. А., Казиев С. М.** Кабалинский клад монет эллинистической эпохи // Нумизматика и эпиграфика. Т. IX. — М., 1971; **Бабаев И. А.** Города..., с. 152–165; его же. Денежное обращение Кавказской Албании в эллинистическую эпоху // В кн.: Музей истории Азербайджана. — Баку, 2002. С. 177–196; **Дадашова С. А.** Основные черты денежного обращения Кавказской Албании // БДН, 1976, № 4 и др.

6 **Тревер К. В.** Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в. до н. э. — VII в. н. э. — М.-Л.: изд. АН СССР, 1959. С. 339–346.

Позже на рынки Азербайджана поступили монеты Сасанидов, Византии, Арабского халифата. В средневековый период ответвления Великого Шелкового пути, проходящие по территории Азербайджана, функционировали также интенсивно. При раскопках средневековых памятников Азербайджана довольно часто встречаются китайские селадонные сосуды, иногда остатки шелка. Благодаря своему выгодному географическому положению территория Азербайджана в течение всего средневековья выполняла важную посредническую роль в международных торгово-экономических сношениях.

Геополитика, сложившаяся после распада Советского Союза, образование новых независимых государств, в том числе Азербайджанской Республики, возродила идею возобновления Великого Шелкового пути, игравшего большую роль в сближении народов, их взаимообогащении, укреплении доверия между народами и странами.

СТРАБОН О КАРАВАННОЙ ТОРГОВЛЕ АОРСОВ

Для изучения торгово-экономических и культурных связей Переднего Востока, Кавказа и Юго-Восточной Европы в античный период большое значение имеет информация Страбона (64 г. до н. э. – 23 г. н. э.) о караванной торговле аорсов, которая вкупе с археологическими данными позволяет осветить ряд важных вопросов взаимодействия оседло-земледельческих и кочевническо-скотоводческих обществ, античных центров и варварской периферии.

Греческий географ сообщает, что верхние аорсы «занимают более обширную область, владея почти что большей частью побережья Каспийского моря. Поэтому они вели караванную торговлю на верблюдах индийскими и вавилонскими товарами, получая их от армян и мидийцев; вследствие своего благосостояния они носили золотые украшения» (Strabo. Georg., XI, 5, 8). Общепринятая локализация верхних аорсов в Северном и Северо-Западном Прикаспии¹ и сообщение Страбона позволяют однозначно считать, что аорсы вели торговлю по Прикаспийскому пути (Caspia via) вдоль западного побережья через Дербентский проход и территорию Кавказской Албании, а не по колхидо-меотскому тракту, как полагали Я. А. Манандян² и С. Т. Еремян³. Да и само существование колхидо-меотского торгово-караванного пути ставится исследователями под сомнение⁴. К тому же Страбон в данном пассаже сообщает о торговле верхних аорсов, а не донских, обитавших в районе Танаиса (Strabo. Georg., XI, 5, 8).

Весьма важен вопрос об источниках и датировке информации Страбона об аорсах и их караванной торговле. На этот счет существуют многочисленные взаимоисключающие точки зрения, согласно которым эти сведения компетентного греческого географа восходят к трудам различных авторов III–I вв. до н. э. – Патрокла, Эратосфена, Артемидора Эфесского, Гипсикрата из Амиса, Феофана

1 **Мачинский Д. А.** Некоторые проблемы этнографии восточноевропейских степей во II в. до н. э. – I в. н. э. // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 16. – Л., 1974. С. 125–129; **Шилов В. П.** Аорсы (историко-археологический очерк) // История и культура сарматов. – Саратов, 1983. С. 34–48; **Nicolai R.** Un sistema di localizzazione geografica relativa. Aorsi u Siraci in Strab. XI 5, 7–8 // F. Prontera. Strabone. Contributi allo studio della personalia e dell'opera I. Perugia, 1984. P. 115; **Olbricht M. J.** Die Aorser, die Oberen Aorser und die Siraker bei AStrabon. Zur Geschichte und Eigenart der Völker im nordostpontischen und nordkaukasischen Raum im 2.–1. Jh. V. Chr. // KLIO. 83. 2001. P. 437.

2 **Манандян Я. А.** О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен. – Ереван, 1954. С. 52, 54, 96.

3 **Еремян С. Т.** Атлас карт к «Истории армянского народа». Ч. I. Карта I – IV вв. – Ереван, 1952.

4 **Анфимов Н. В.** Курганный комплекс сарматского времени из бассейна р. Кирпили // Новое в археологии Северного Кавказа. – М., 1984. С. 186.

Митиленского и др.⁵ Не останавливаясь подробно на рассмотрении каждого мнения отмечу, что большинство исследователей обоснованно отдает предпочтение авторам конца II—I вв. до н. э., в особенности старшим современникам Страбона — Гипсикрату Амисскому и Феофану Митиленскому, и считает приведенную информацию, отражающей реалии времени Страбона.

Патрокл, предпринявший обследование Каспийского моря по поручению Селевка Никатора в 282–283 гг. до н. э., и Эратосфен (276–194 гг. до н. э.), использовавший отчет Патрокла, не могли быть источниками Страбона в этом пассаже по той причине, что еще не знали аорсов, т. к. первые сведения о них у античных авторов появляются на 100–150 лет позднее и относятся к концу II — середине I в. до н. э. Феофан из Митилены — признанный знаток Закавказья, принимавший участие в походах Помпея в Албанию и Иберию в 66–65 гг. до н. э. — мог получить данную информацию во время своего пребывания в Закавказье и, в частности, в Армении. Существенен и довод исследователей, указавших на упоминание Страбоном в этом же параграфе (в предыдущем предложении) боспорского царя Фарнака (63–47 гг. до н. э.), что достаточно надежно датирует этот фрагмент.

В контексте датировки концом II—I вв. до н. э. информации Страбона о караванной торговле аорсов, мидян и армян находятся данные нумизматики и археологии. Именно с конца II — начала I в. до н. э. (вскоре после завоевания Мидии Парфией) начинается резкое увеличение потока парфянских драхм в Кавказскую Албанию⁶ и поступление их отсюда в Нижнее Поволжье и на Северный Кавказ. Этот факт мы вправе сопоставлять с установившейся в этот период армяно-мидийско-аорсской караванной торговлей. Такая датировка свидетельства Страбона о функционировании международного торгового Прикаспийского пути находится в соответствии с неоднократно отмеченным исследователями общим ростом с I в. до н. э. и усилением в первые века н. э. эллинистическо-варварской торговли.

Поскольку эта торговая трасса проходила через территорию Кавказской Албании, мы вправе считать, что в эту международную торговую деятельность было вовле-

5 Neumann K. J. Strabons. Landeskunde von Kaukasien Besonderer Abdruck aus dem dreizehnten Supplem. Jahrbucher für classische philologie. Leipzig, 1883. P. 331; Ростовцев М. И. Страбон как источник для истории Боспора // Сб. Харьковского историко-филологического общества в честь проф. В. П. Бузескула. — Харьков, 1914. С. 380; Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. — Л., 1925. С. 30–35; Алиев К. Г. К вопросу об источниках Страбона в описании древней Кавказской Албании // Доклады АН Азерб. ССР. № 4. — Баку, 1960. С. 419–422; Ельницкий Л. А. Знания древних о северных странах. — М., 1961. С. 34, 94, 146, 154; Стратановский Г. А. Страбон и его «География» // Страбон. География. Пер. Г. А. Стратановского. — М., 1964. С. 787; Абрамова М. П. Новые погребения сарматского времени из Кабардино-Балкарии // СА. № 3. 1968. С. 139; Болтунова А. И. Описание Иберии в «Географии» Страбона // ВДИ. № 4. 1974. С. 148–159; Мачинский Д. А. Указ. соч., с. 122, 128; Шиллов В. П. Указ. соч., с. 43–44; Виноградов В. Б. Описание Северного Кавказа в «Географии» Страбона // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Серия обществ. наук. № 4. — Ростов-на-Дону, 1975; Лукьяшко С. И. О караванной торговле аорсов // Древности Евразии в скифо-сарматское время. — М., 1984. С. 162–164; Скрипкин А. С. Азиатская Сарматия: Проблемы хронологии и ее исторический аспект. — Саратов, 1990. С. 194–195; Гаджиев М. С. Между Европой и Азией: Из истории торговых связей Дагестана в албано-сарматский период. — Махачкала, 1997. С. 91; Olbricht M. J., 2001. S. 425–450.

6 Голенко К. В., Раджабли А. М. Али-Байрамлинский клад и некоторые вопросы обращения парфянских монет в Закавказье // ВДИ, № 2. 1975. С. 72–74; Дадашева С. А. Основные черты денежного обращения Кавказской Албании // ВДИ, № 4. 1976. С. 84–85; Дадашева С. А. К проблеме изучения торговых связей Кавказской Албании // Нумизматический сборник, посвященный памяти Д. Г. Капанидзе. — Тбилиси, 1977. С. 39–41; Лукьяшко С. И. Указ. соч.

чено и население Кавказской Албании. На это указывает не только обширный комплекс археологических находок эллинистического и позднеантичного времени с территории Азербайджана и Дагестана⁷, представляющих собой импортные изделия и показывающих направления торгово-экономических и культурных контактов. На это может указывать и расположение особо выделенных Клавдием Птолемеем городов Албании — Телайба, Гелда, Албана, Гайтара — близ побережья Каспия на примерно равноудаленном расстоянии друг от друга (Ptol. Geogr., V, 11, 1–6), что подчеркивает их торгово-экономическую значимость и привязанность к международному Прикаспийскому пути.

Наконец, мы вправе сопоставить данные Страбона о караванной торговле аорсов, армян и мидян вдоль западного берега Каспия с сообщением Клавдия Элиана (кон. II — нач. III в. н.э.), восходящем, как считают исследователи, к Аминте (кон. IV в. до н.э.), о караванной торговле каспиев с использованием верблюдов, об их торговых связях с крупнейшим торговым центром Переднего Востока — городом Экбатаны (Ael. De anim., XVII, 32), ранее бывшим столицей Мидии. Здесь следует особо подчеркнуть важное расположение Каспианы в низовьях Куры, где перекрещивались вытянутый в меридиональном направлении Прикаспийский путь и вытянутый в широтном направлении водно-сухопутный путь из Бактрии по Оксу (Аму-Дарья/Узбой) через Каспийское море в бассейн р. Куры и далее к Фасису и Черному морю (Strabo. Geogr., XI, 7, 3; Plin. Nat. Hist., VI, 52)⁸. Обращает внимание, что Клавдий Птолемей помещает на территории Албании у устья Куры населенный пункт (города?) Барука, который мог являться важным торговым центром, а также то, что по этому водно-сухопутному пути в устье Куры поставлялось «много индийских товаров» (Strabo. Geogr., XI, 7, 3; Plin. Nat. Hist., VI, 52), что перекликается с сообщением Страбона о торговле аорсов индийскими товарами.

Примечателен и тот факт, что именно к рассматриваемому времени, характеризующемуся активизацией евроазиатской антично-варварской международной торговли, приурочены остеологические находки верблюда (*Camelus bactrianus*) на памятниках Северного Причерноморья. Причем, наибольшее количество останков происходит из Танаиса⁹, который выступал ключевым евроазиатским торговым центром, важнейшим эмпорием сармат (Strabo. Geogr., VII, 4, 5, XI, 2, 3), в районе которого также обитали и аорсы (Strabo. Geogr., XI, 5, 8).

7 **Расулова М. М.** Связи Кавказской Албании с античным миром в IV в. до н.э. — III в. н.э. (торгово-экономические и культурные). Автореф. Дис... к.и.н. — Баку, 1969; **Халилов Дж. А.** Материальная культура Кавказской Албании (IV в. до н.э. — III в. н.э.). — Баку, 1985. С. 183–186; **Бабаев И. А.** Города Кавказской Албании в IV в. до н.э. — III в. н.э. — Баку, 1990. С. 165–175; **Гаджиев М. С.** Указ. соч., 1997.

8 **Гаджиев М. С.** Указ. соч., 1997. С. 102–107.

9 **Цалкин В. И.** Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа // МИА. № 53. 1960. С. 50; его же: Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии // МИА. № 135. 1965. С. 89.

Очевидно, такое же «торговое» происхождение имеют и немногочисленные костные останки верблюда из слоев средне- и позднесарматского времени Дербента.¹⁰ Эти остеологические материалы могут быть поставлены в прямую связь, как хронологически соответствующие и приуроченные ко времени активизации торговых контактов, с сообщениями соответственно Страбона и Элиана об использовании аорсами и каспиями верблюдов для осуществления караванной торговли. В этой связи небезынтересно отметить сохранившееся в ряде дагестанских языков реликтовое название верблюда (авар., гунз., лак. *warani*, анд. *gwarani*, дарг. *wanri*, *walri*, лезг. *lawar*), восходящее, по мнению специалистов, к древнему восточноиранскому *warana*, *arwana* «верблюд». ¹¹ Такая параллель тем более интересна, что исследователи относят сарматский язык к восточной группе иранских языков¹² и считают, что предки аорсов и алан обитали в зоне формирования восточноиранских языков¹³. Эта же территория (Приаралье, Средняя Азия) являлась и областью доместикации и ареалом распространения верблюда. Е. Е. Кузьмина на основе археологических и остеологических данных включает в ареал распространения верблюда в скифо-сарматскую эпоху Казахстан и Приуралье и связывает появление верблюда в Северном Причерноморье как с торговым фактором, так и собственно с продвижением сарматских племен. ¹⁴ Сказанное позволяет, на мой взгляд, отнести указанное явление языкового заимствования к сарматской эпохе и сопоставить с активизацией Прикаспийской международной караванной торговли, в которую были втянуты и племена Западного Прикаспия.

Информация Страбона позволяет считать, что аорсы не только исполняли роль военного эскорта, конвоируя караваны, но и являлись контрагентами армянских и мидийских купцов. Характеристика Страбоном греко-варварской торговли как натурального обмена (Strabo. Georg., XI, 2, 3) не противоречит суждению о торговом партнерстве аорсов с закавказскими купцами. Это подтверждают и определение Страбоном боспорских центров Пантикапея и Танаиса как важнейших эмпориев варваров, сармат в их торговле с античным миром ((Strabo. Georg., VII, 4, 5, XI, 2, 3) и обширные археологические материалы, свидетельствующие, например, о тесных связях Северо-Восточного Причерноморья с отдаленными районами Нижнего и Среднего Поволжья, Северо-Восточного Кавказа, а также сравнительно-исторические данные об организации караванной торговли у кочевников. «...В прямую противоположность развитию городов и его условиям торговый дух и развитие торгового капитала часто свойственны как раз неоседлым,

10 Гаджиев М. С. Древний город Дагестана: Опыт историко-топографического и социально-экономического анализа. — М., 2002. С. 196, табл. 4.

11 Климов Г. А. Кавказские этимологии (1–8) // Этимология: 1968. — М., 1971. С. 228; Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков. — М., 1971. С. 279.

12 Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. — М., 1979. С. 360.

13 Грантовский Э. А. О восточноиранских племенах кушанского ареала // Центральная Азия в кушанскую эпоху. — М., 1975. С. 78.

14 Кузьмина Е. Е. Древнейшая фигурка верблюда из Оренбургской области и проблема доместикации бактрианов // СА, № 2. 1963. С. 42.

кочевым народам».¹⁵ И оценка Ю. Г. Виноградовым¹⁶ занятия аорсов посреднической караванной торговлей как заблуждение исследователей¹⁷ представляется излишне строгой, категоричной и неверной.

Аорсы, стоявшие во главе крупного союза сарматских племен, являлись ведущей политической силой в Юго-Восточной Европе, Северном Прикаспии, Предкавказье вплоть до середины I в. н.э. — до выхода на политическую арену алан.¹⁸ И очевидно, что правители аорсской конфедерации — Спадин, Эвнон, «величайшие цари Аорсии», обладавшие значительными военными силами, контролировали не только Прикаспийский путь (по крайней мере, его северную половину), но и торговые дороги, связывающие Северо-Восточный Кавказ и Северный Прикаспий с Боспором.

Замечание Страбона о том, что благодаря обилию доходов как следствие караванной торговли с закавказскими и переднеазиатскими купцами аорсы носили золотые украшения, позволяет расценивать Прикаспийский путь как важную трассу, по которой в Юго-Восточную Европу поступали драгоценные изделия восточного производства (в том числе полихромного и звериного стиля), обнаруживаемые во многих захоронениях сарматской знати (см., напр.: Сокровища сарматов. Каталог выставки. 2008). Такой путь восточных импортов, основная доля которых происходит из Центральной Азии, разделяет, в частности, Ю. Г. Виноградов. Он подчеркивал, что аорсы получали за свои услуги от армян и мидийцев «вознаграждение не только для покупки в боспорских городах предметов роскоши, но и в качестве пошлины и платы за обеспечение безопасности — сами эти драгоценные вещи в полихромном стиле восточного производства».¹⁹

Ряд исследователей на основе того факта, что массовое распространение восточных импортов в восточноевропейских степях приходится на I – нач. II в. н.э., связывает это явление с миграцией алан, которые принесли с собой эти изделия из Средней Азии.²⁰ Привнесение какой-то части этих импортов аланами, как и поступление их из Средней Азии через Южное Приуралье и Нижнее Поволжье в результате торгово-экономических и военно-политических контактов возможно, но не исключает роли и значения в этом процессе Западно-Прикаспийского коридора.

В контексте функционирования транскавказских международных трасс, и в особенности меридионального Прикаспийского пути и широтной Каспийско-

15 Маркс К. Капитал. Т. 3. Ч. I // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. I. — М., 1961. С. 365.

16 Виноградов Ю. Г. Очерк военно-политической истории сарматов I в. до н.э. // ВДИ, № 2. 1994. С. 161, прим. 64.

17 Лукьяшко С. И. Указ. соч., с. 161–165.

18 Скрипкин А. С. Проблема расселения и этнической истории сарматов Нижнего Поволжья и Дона // Древняя и средневековая история Поволжья. — Саратов, 1986. С. 89.

19 Виноградов Ю. Г. Указ. соч., 1994. С. 161, прим. 64; Гугуев В. К. Кобяковский курган (к вопросу о восточных влияниях на культуру сарматов I – нач. II в. н.э.) // ВДИ, № 3. 1992. С. 126–128.

20 Rosovtzeff M. I. The Animal Style in South Russia and China. Princeton, 1929. P. 43–57; Скрипкин А. С. Указ. соч. 1990. С. 206–207.

Черноморской дороги, торговля по которому приносила огромные доходы заинтересованным и задействованным в ней сторонам, следует рассматривать стремление Рима к контролю над Кавказской Албанией, сведения античных авторов о несостоявшейся экспедиции Нерона в 68 г. на западное побережье Каспия против сарматов (аланов) и албанов (Tac. Hist. I, 6; Plin. Nat. Hist. VI, 15, 40; Svet. Nero, 19; Dio Cass. Hist. Rom. LXIII, 8, 1)²¹, известную надпись центуриона Л. Юлия Максима, свидетельствующую о пребывании после 84 г. н. э. у каспийского побережья Албании XII легиона Фульмината²², сообщение Феста о возведении в 115 г. Трояном на престол Албании ставленника Рима (*Fest. XX*), а также устремления Иберии к гегемонии в кавказском регионе и ее военные действия против Армении и Албании в I – нач. II в. н. э. (Jos. Fl. Bel. Iud., VII, 7; 4; Dio Cass. Hist. Rom. LXIX, 15; Tac. Ann., XII, 45).²³ Как известно, рука об руку с торговлей шла (и идет) политика — коммерческие интересы, стремление к установлению контроля над торговлей и важнейшими торговыми трассами и рынками сбыта являлись одними из главных стимулов международной политики древности и средневековья, побуждавших племенных вождей и державных государей как на военные, так и на мирные внешнеполитические акции.

21 **Гаджиев М. С.** О Каспийском походе императора Нерона // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. Сборник памяти М. П. Абрамовой. — М., 2007. С. 498–511.

22 **Пахомов Е. А.** Римская надпись I в. н. э. и легион XII Фульмината // Известия АН Азерб. ССР. № 1. — Баку, 1949; **Тревер К. В.** Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. — М.-Л., 1959. С. 127–128; 342–345.

23 **Гаджиев М. С.** Указ. соч., 1997. С. 99–101.

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ «ДОРОГИ СТРАБОНА» В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Великим Шелковым путем (ВШП) принято называть систему дорог, по которым со II в до н.э. и до Великих географических открытий XV–XVI вв. осуществлялись торговые связи и обмен культурными достижениями между десятками стран от Китая до Средиземноморья. Само название ВШП возникло только в XIX в. в связи с тем, что основным товаром, проходившим огромный путь от Ханьской империи в Китае до Римской империи в бассейне Средиземноморья был шелк. Тайну его производства долгое время знали только в Китае, и эта тайна тщательно оберегалась. ВШП сложился в период, когда вся обширная территория от Тихого до Атлантического океана оказалась под контролем четырех великих империй древности — Китайской империи Хань, Кушанского царства Центральной Азии, Парфянского государства Ирана и Римской империи. Это первый так называемый «имперский период» функционирования ВШП обеспечивался политической стабильностью этих империй, правители которых брали обязательства содействовать беспрепятственному прохождению караванов через их владения.

Товары, шедшие из Китая и Индии, частично оседали по всей трассе, а идущие дальше караваны догружались уже местными товарами, вовлекая страны и народы на маршрутах ВШП в международный обмен. Так наряду с китайскими и индийскими товарами в Европу прибывали товары из Центральной Азии, Ирана, Южного Кавказа и т.д. В «имперский период» со II в до н.э. и по III в. н.э. можно выделить три основные трассы ВШП, интенсивность функционирования которых зависела от конкретной политической ситуации на отдельных участках этих трасс. Товары из Китая и Индии доставлялись в Центральную Азию и отсюда либо огибая Каспий с юга через Иран и Малую Азию шли в Средиземноморье, либо через Каспий и весь Южный Кавказ шли к берегам Черного моря и далее в Средиземноморье. Третий путь огибал Каспий с севера, шел через контролируемые кочевниками степи Предкавказья в сторону Черного моря и отсюда в пределы Римской империи. С первого века до н.э. и до середины II в н.э. между Парфией и Римской империей шла непрерывная борьба за гегемонию в Передней Азии. В этих условиях трасса ВШП южнее Каспия вряд ли могла бы стабильно функционировать. Непокойно было и на Северном Кавказе, где резко активизировались аланы и сарматы. В этой ситуации наиболее стабильным, коротким и относительно безопасным представлялся путь через Каспий и далее по Куре через весь Южный Кавказ к берегам Черного моря. На этом участке пути на рубе-

же двух эр находились стабильные государственные образования — Кавказская Албания и Иберия. Эту водно-сухопутную трассу, проходившую в те времена через Кавказскую Албанию, в науке порой называют «дорогой Страбона», так как о ней впервые подробно сообщает этот великий географ. Впоследствии сведения об этой древней торговой трассе имеются у римского ученого Плиния Старшего и других античных авторов.

Отношение исследователей к этим сообщениям в азербайджанской историко-археологической литературе неоднозначно. Впервые мысль о реальном функционировании этой древней торговой трассы выдвинул в 1935 г. азербайджанский археолог А. К. Алекперов. Анализируя кувшинные погребения на территории Азербайджана, он отметил, что зона их распространения совпадает с проходящей через Албанию древней международной торговой трассой по реке Куре, в затем Риони к Черному морю¹. В середине прошлого века в Азербайджане З. И. Ямпольский², а в Грузии Г. К. Гозалишвили³ и О. Д. Лордкипанидзе⁴ публикуют статьи, в которых обосновывают реальность существования и активного функционирования «дороги Страбона».

Иную интерпретацию сведений античных авторов мы встречаем у К. В. Тревер: «Из цитат Страбона и Плиния с очевидностью следует, что в трудах вышеприведенных древних авторов мы имеем дело с отголосками обсуждения в свое время возможности такой перевозки товаров из Индии в порты Черного моря, а не с фактом существования такой транспортировки индийских грузов на запад»⁵. При этом К. В. Тревер сама не исследует проблему, а ссылается на Я. И. Манандяна, по мнению которого главной торговой трассой того времени был не морской путь по Каспию и далее по рекам, а сухопутная караванная дорога, огибавшая Каспийское море с юга и шедшая через Экбатану и столицу Атропатены Газаку, а отсюда в Армению и далее на запад⁶. Точка зрения, высказанная К. В. Тревер впоследствии, на наш взгляд, без должного изучения, путем прямого заимствования была растиражирована в работах известных археологов-албановедов Дж. А. Халилова, И. А. Бабаева и других, и фактически исключала активное участие Кавказской Албании и Иберии в международной торговле в античный период, и это в то время, когда накопленный в результате археологических раскопок материал убедительно свидетельствует об обратном. Посмотрим, как же объясняют исследователи, свои сомнения в существовании в отмеченное время «дороги Страбона». По мнению Дж. А. Халилова, «товары из Боспора в Албанию и то-

1 Алекперов А. К. Исследования по археологии и этнографии Азербайджана. — Баку, 1960. с. 34.

2 Ямпольский З. И. К изучению древнего пути из Каспийского моря по реке Куре через Грузию к морю // Труды Института истории им. Джавахишвили И. А., АН ГССР. Т. II. — Тбилиси, 1956. с. 161–180.

3 Гозалашвили Г. К. О древнем торговом пути в Закавказье // Труды Института истории им. И. А. Джавахишвили АН ГССР. Т. II. — Тбилиси, 1956.

4 Лордкипанидзе О. Д. О транзитно-торговом пути из Индии к Черному морю в античную эпоху // Сообщение АН ГССР. Т. XIX, № 3. — Тбилиси, 1957.

5 Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. — М. -Л., 1959. с. 44.

6 Манандян Я. А. О торговле в городах Армении с мировой торговлей древних времен. — Ереван, 1954. с. 57.

вары из Албании в Боспор шли по северной дороге через Дербентский проход на Северный Кавказ»⁷. Таким образом, Дж. А. Халилов отдает предпочтение северному пути через Дербент, Дагестан и Северный Кавказ. У И. А. Бабаева мы встречаем мнение, согласно которому «...этот путь, судя по археологическим данным, почти не функционировал». По его мнению, «технические средства того времени и политическая ситуация на трассе этого пути в то время не позволяли пользоваться этим путем»⁸.

Нереальность существования этой трассы аргументировалась рядом исследователей также и простым фактом отсутствия в античное время стока Амударьи в Каспий. Долгое время считалось, что древнее русло Узбоя, ранее впадавшее в Каспийское море, уже в 1 тыс. до н.э. высохло и не функционировало⁹. Однако в 70–80-е годы XX в. в результате археологических исследований было убедительно доказано, что Узбой в тот период был обводнен и функционировал. В античное время на берегу Узбоя быстро развивались большие укрепленные населенные пункты городского типа, цель которых — контролировать водный путь по Узбою¹⁰. На современном уровне наших знаний функционирование водной торговой трассы по Узбою через Каспий в античное время можно считать доказанным. Но дискуссионным остается вопрос о том, как эта трасса шла дальше. Исследователи, отдающие предпочтение торговой трассе вдоль западного побережья Каспия, через Дербент на Северный Кавказ и далее к Боспору, в основном, аргументируют это известным сообщением Страбона о караванной торговле аорсов на верблюдах как важного фактора их обогащения¹¹, многочисленными городами, упоминаемыми географом II в. н.э. Клавдием Птолемеем на западном берегу Каспия¹² и наличием большого количества среднеазиатского, переднеазиатского, южнокавказского импорта в аланских и сарматских погребениях I–II вв. н.э.¹³. Однако даже наличие этой трассы никоим образом не может быть фактором, исключающим активное функционирование «дороги Страбона». Нам не известен ни один источник, который сообщал бы о том, что изделия причерноморских городских ремесленных центров поступали в Кавказскую Албанию таким длинным окружным путем, как через Северный Кавказ при наличии вдвое короткого пути по Куру и Риони. Такой окружной путь доставки античного импорта в Кавказскую Албанию противоречит элементарному закону торговли. Ведь купцы, стремясь получить максимум прибыли, всегда избирали самые короткие, безопасные и дешевые в смысле транспортных расходов торговые пути. По всем этим параметрам торговая трасса через Куру, Риони к берегам Черного моря намного более выгодна, чем путь через Северный Кавказ. Несомненно,

7 Халилов Дж. А. Материальная культура Кавказской Албании. — Баку, 1985. с. 187

8 Бабаев И. А. Великий Шелковый путь и Азербайджан // Сб: Великий Шелковый путь и Азербайджан: вчера, сегодня, завтра. — Баку, 1998. с. 23

9 Гаджиев С. М. Между Европой и Азией. — Махачкала, 1997. с. 103–104

10 Юсупов Х. Древности Узбоя. — Ашхабад, 1986. с. 193

11 Страбон. География. XI, 5, 8 / Перевод Г. А. Стратановского. — Л., 1964

12 Бабаев И. А. Указ. соч., 1998, с. 23

13 Гаджиев С. М. Указ. соч., 1997, с. 101–102

что аорсы и другие племена алано-сарматского круга могли для своих нужд приобретать античный импорт в торговых центрах Южного Кавказа и по трассе вдоль западного берега Каспия доставлять его на Северный Кавказ, где он рассредоточивался по местным торговым путям. Возможно и то, что временами этот торговый путь был достаточно активным. Это многие исследователи документируют археологическими данными. Но в еще большей степени археологический материал, особенно Мингечаурский и Мцхетский,¹⁴ подтверждает и активное функционирование международной торговой трассы по Куре и Риони. Следует помнить, что эта трасса проходила через территории политически стабильных государств — Кавказской Албании и Иберии. Эти государства вполне могли гарантировать безопасность купеческим караванам. Совершенно иная картина в этот период на Северном Кавказе. Здесь политическая ситуация накалена постоянными столкновениями сармато-аланских племенных союзов с местными племенами. Неслучайно, ряд исследователей, интерпретируя сообщение Страбона о посреднической торговле аорсов с мидянами и армянами, склонны видеть в аорсах не купцов, а наемных охранников, конвоировавших купеческие караваны¹⁵. Происхождение большого количества импорта среднеазиатского, переднеазиатского и южнокавказского круга в сармато-аланских могилах начала нашей эры совсем не обязательно было связано с торговлей по Прикаспийскому пути. Значительная часть среднеазиатских предметов, по мнению ряда исследователей, могла быть привезена в I–II вв. н. э. самими аланами во время миграции из Центральной Азии на Северный Кавказ.¹⁶ А переднеазиатские и южнокавказские изделия могли быть военной добычей, захваченной во время частых грабительских набегов алан и сармат, которые хорошо документируются как письменными источниками, так и археологическим материалом¹⁷.

Поселения городского типа западного берега Каспия, о которых сообщают античные авторы, некоторые из них фиксируются археологически, совсем не обязательно могли быть связаны именно с торговой трассой вдоль западного берега Каспия. Эти города могли выполнять функции военных форпостов как раз для сдерживания усиливающегося в I–III вв. н. э. сармато-аланского натиска на юг.

Таким образом, на рубеже веков самый удобный, короткий и безопасный путь из Центральной Азии к берегам Черного моря мог быть скорее всего через Кавказскую Албанию по реке Куре и далее через Иберию к городам-колониям на Черноморском побережье Грузии. На этой торговой трассе, несомненно, должны были активно функционировать поселения городского типа с развитой ремесленно-торговой инфраструктурой, нацеленной на обслуживание купеческих караванов, складирование товаров и т. д. Одним из них мы считаем древний Мингечаур. Удивительно выгодное расположение Мингечаура на удобной пере-

14 **Николаишвили В., Сихарулидзе А.** Древний Мцхетский («Помпеев») мост. — Тбилиси, 2002. с. 13–14

15 **Виноградов Ю. Г.** Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н. э. // ВДИ, № 2, 1994. с. 161–165

16 **Гаджиев С. М.** Указ. соч., 1997, с. 99

17 **Алиев И.** Сармато-аланы на пути в Иран / В кн.: История Иранского государства и культуры. — Москва, 1971. с. 201–205

праве через Куру, в ущелье, фактически соединяющем западную и восточную части Южного Кавказа, отмечали уже первые исследователи этого памятника¹⁸.

На правом и левом берегу Куры фактически напротив друг друга исследователями было зафиксировано два поселения, которые имели культурные слои, относящиеся к античному периоду. Поселение на правом берегу Куры было многослойным. Верхний, самый мощный слой датирован VII в. до н.э. – I–II вв. н.э. Исследователям не удалось выделить здесь отдельные горизонты, характеризующие те или иные периоды указанного хронологического отрезка¹⁹. Культурный слой был перемешан во всей его толще, что могло произойти только при условии интенсивного функционирования данного поселения на последних этапах этого хронологического отрезка, факт который подтверждают и результаты исследования находящегося рядом с поселением могильника. Здесь под кувшинными захоронениями рубежа эр находились более древние грунтовые могилы. В численном отношении явно доминируют кувшинные погребения, относящиеся к периоду от III в. до н.э. до II в. н.э.²⁰. Следовательно, именно на этот отрезок времени приходится наиболее активная фаза развития поселения античного периода на правом берегу Куры.

Обращает на себя внимание и тот факт, что поселение напротив, на левом берегу, возникло в I–II вв. н.э. и его появление следует рассматривать как результат бурного роста правобережного поселения. Таким образом, правильнее было бы рассматривать их не как отдельные поселения на правом и левом берегу Куры, а как одно большое городище, расположенное на противоположных берегах реки. Обширная территория, занимаемая этим древним городищем, сохранившиеся остатки оборонительных земляных валов²¹, развитое ремесленное гончарное производство, подтверждающееся большим количеством выявленных здесь обжигательных печей²², синхронные, но разнотипные захоронения, датируемые последними веками до нашей эры и первыми веками нашей эры, и целый ряд других факторов позволили исследователям прийти к выводу, что «... здесь в античную эпоху находилось довольно значительное поселение городского типа, где высокого уровня достигли ремесло, торговля и денежное обращение». И.А. Бабаев, детально проанализировавший это мингечаурское поселение как один из городов Кавказской Албании античного периода, приходит к абсолютно правильному, на наш взгляд, выводу, что «... Мингечаур превратился в город в самом начале эллинистической эпохи, чему, по-видимому, способствовало и его удобное для развития ремесла и торговли географическое положение»²³.

18 **Асланов Г. М., Ваидов Р. М., Ионе Г. И.** Древний Мингечаур. — Баку, 1959. с. 13

19 Там же, с. 15

20 **Казиев С. М.** Альбом кувшинных погребений. — Баку, 1960. с. 9

21 **Асланов Г. М., Ваидов Р. М., Ионе Г. И.** Указ. соч., с. 17

22 **Ионе Г. И.** О гончарных обжигательных печах Мингечаура // Сб.: Материальная культура Азербайджана. Т. II. — Баку, 1951. с. 31–79

23 **Бабаев И. А.** Города Кавказской Албании в IV в. до н.э. – III в. н.э. — Баку, 1990. с. 22

Убедительным подтверждением того, что в данном случае мы имеем дело именно с городом, а не с поселением сельского типа, могут служить погребальные памятники, синхронные по времени с мингечаурским городищем. На могильниках Мингечаура выявлены практически все основные типы погребений Кавказа рубежа двух эр. Аналога этому в археологии Кавказа пока нет²⁴.

Как известно, синхронные, но разнотипные погребальные сооружения и обряды захоронения, к тому же выявленные на одном или расположенных рядом могильниках — убедительное свидетельство полиэтнического состава населения на данной территории, а именно такой фактор был характерным практически для всех городов античного периода на международных торговых трассах²⁵.

Все вышеприведенные данные позволяют констатировать, что древнее поселение на правом берегу Куры в результате естественного исторического генезиса в начале эллинистической эпохи сформировалось в качестве города со всеми присущими городам этого периода признаками. На последующем этапе развития, относящемся к периоду от конца II — начала I в. до н. э. и до конца II — начала III в. н. э., этот город пережил стадию бурного расцвета. В этот период его территория резко увеличивается и часть города формируется на противоположном, левом берегу Куры.

Еще в середине XIX века русский исследователь А. Яновский, анализируя города Кавказской Албании, отмеченные у античного географа Клавдия Птолемея, локализовал один из этих городов — Самунис — именно в зоне Мингечаура²⁶. Последующие исследователи К. В. Тревер²⁷, Дж. А. Халилов²⁸, И. А. Бабаев в принципе соглашались с А. Яновским. Тем более, что, по справедливому замечанию И. А. Бабаева, если А. Яновский такую локализацию обосновывал лишь созвучием названия города у Птолемея — Самунис с современным названием территории вокруг Мингечаура — Самух, то после раскопок античных памятников в этой зоне «...еще труднее удержаться от соблазна отождествлять этот город с Самунисом Птолемея»²⁹.

Таким образом, начиная с эллинистического периода в зоне современного мингечаурского водохранилища функционировал крупный город античного периода, для которого, судя по территории, размерам могильников и смещению горизонтов культурного слоя, было характерным бурное развитие. Хорошо известно, что это был не столичный город Кавказской Албании и столь динамичное его развитие — яркий показатель высокого уровня урбанизационного процесса в Кавказской Албании в целом. Что касается самого Мингечаура-Самуниса, то так бурно мог развиваться только город, ставший центром торгово-ремесленного производства.

24 Асланов Г. М., Ваидов Р. М., Ионе Г. И. Указ. соч., 1959, с. 16–18; Ионе Г. И. Указ. соч., 1951, с. 19

25 Бабаев И. А. Указ. соч., 1990, с. 102–103

26 Яновский А. О древней Кавказской Албании // Журнал Министерства народного просвещения. — СПб., 1846. с. 110

27 Тревер К. В. Указ. соч., с. 26

28 Халилов Дж. А. Указ. соч., с. 174

29 Бабаев И. А. Указ. соч., 1990, с. 22

Такие города, как правило, возникали и функционировали на оживленных международных торговых трассах. В случае изменения или удаления международных торговых путей от таких городов их инфраструктура быстро приходила в упадок, и городская жизнь постепенно угасала. С этой точки зрения небезынтересно вновь обратиться к могильникам античного периода Мингечаура.

Как известно, ни в Мингечауре, ни в других местах Кавказской Албании, пока не обнаружены захоронения высших слоев албанского общества. Все выявленные вокруг Мингечаура античные могильники дают захоронения рядовых представителей общества, а различие в количестве и составе их погребального инвентаря является показателем имущественной дифференциации в рамках одной и той же социальной среды. И здесь примечательным является то, что в этих, в целом, рядовых захоронениях, мы встречаем необычайно большое количество античного импорта и античных, чеканенных в разных странах монет³⁰. Анализ античного импорта Мингечаура показывает необычайно широкие связи. Здесь можно встретить предметы, центры производства которых находились в черноморских греческих городах-колониях, в римских провинциях Средиземноморья, в Переднеазиатском регионе, Центральной Азии и т.д. Необычно разнообразен и ассортимент античного импорта. Здесь в массовом количестве встречаются привозные бусы, фибулы, кольца и многие другие ювелирные украшения, стеклянные изделия, предметы торевтики, глиптики и т.д. В целом ряде мингечаурских могил найдены и фрагменты шелковых тканей³¹.

Как уже нами отмечалось, нахождение такого большого количества и широкого ассортимента импортных изделий в практически рядовых могилах говорит о том, что древний Мингечаур был не просто поселением городского типа с развитым ремесленным производством, но и крупным центром международной торговли античного времени на Южном Кавказе. Учитывая изложенное, мы считаем возможным рассматривать мингечаурское городище как важный узловой пункт международной торговли на одной из наиболее оживленных трасс Великого Шелкового пути античного времени. Т.е. Мингечаур скорее всего был одним из узловых пунктов, обеспечивавших функционирование «дороги Страбона» — своеобразный терминал-накопитель импорта и местного экспортного товара, и играл роль регионального центра торговли³². От него брали начало многие местные торговые пути, по которым разнообразный импорт, доставленный сюда по «дороге Страбона», сосредоточивался по всему Южному и Северному Кавказу. Мингечаур могли активно посещать и купцы северокавказских племен, например аорсы, с чем возможно и связано появление здесь в I–II вв. н.э. катакомбных могил сармато-аланского

30 Пахомов Е. А. Монеты Мингечаура // Сб.: Материальная культура Азербайджана. Т. II. — Баку, 1951. с. 141–146

31 Вайдов Р. М. Мингечаур в III–VII вв. (на азерб. языке). — Баку, 1961. с. 85; Алиев К. Античная Кавказская Албания. — Баку, 1992. с. 107

32 Гошгарлы Г. О. Древний Мингечаур и Великий Шелковый путь / Тез. докл. Международной научной конференции «Археология и этнология Кавказа». — Тбилиси, 2002. с. 70–71

типа. Это вполне укладывается в сообщение Страбона о торговле аорсов. Именно превращение Мингечаура на рубеже двух эр в важный узловой пункт международной торговли по «дороге Страбона», которую в этот период можно рассматривать как одну из наиболее активно функционирующих трасс Великого Шелкового пути в древности, стало причиной бурного развития города. Прохождение этой торговой трассы через Кавказскую Албанию превращало это государство не только в активного участника международного торгового обмена, но и в зону политического соперничества великих держав того времени — Рима и Парфии, которые стремились контролировать эту стратегическую в торгово-экономическом и военно-политическом отношении дорогу. Уже в I в. до н.э. во время похода Помпея на Южный Кавказ видно стремление Рима взять под контроль эту торговую трассу. Этим, на наш взгляд, и объясняется упорное желание Помпея добраться вдоль Куры до Каспия. И хотя достичь этой цели тогда не удалось, значение этой трассы для Рима было столь велико, что и в последующие века Рим стремился держать ситуацию в этом регионе под контролем. В этой связи достаточно вспомнить намечавшийся поход императора Нерона на Южный Кавказ, латинскую надпись императора Домициана в Гобустане, дружественные связи императора Адриана с царями Албании и другие аналогичные факты³³.

Таким образом, письменные и археологические данные говорят в пользу реального функционирования «дороги Страбона», но в целом степень изученности этого вопроса не может считаться достаточной. Целый ряд вопросов, связанных с «дорогой Страбона» все еще нуждается в дальнейшем исследовании. На западном побережье Каспия должен был находиться значительный порт для приема кораблей, входящих в Куру. Возможно, он сейчас на дне Каспия, а возможно и на побережье в зоне одного из древних русел Куры. Этот вопрос необходимо исследовать. От устья Куры до Мингечаура, судя по расстоянию, должен быть еще один перевалочный пункт. Наиболее вероятной представляется зона современного г. Ширвана. Это также требует всестороннего исследования. Думается, аналогичные проблемы есть и на центральноазиатском участке этого пути. Поэтому считаю целесообразным рассмотреть вопрос о создании международной археологической маршрутно-поисковой экспедиции, которая могла бы планомерно изучить всю трассу от Узбоя до берегов Черного моря. Проект может быть многолетним с отдельными этапами изучения этой трассы на территориях вдоль бывшего русла Узбоя, Азербайджана и Грузии с завершающей научной международной конференцией по обсуждению результатов этого проекта.

33 Тревер К. В. Указ. соч., 1959, с. 87–130

ПРИКАСПИЙСКАЯ ТОРГОВАЯ ДОРОГА И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Благодаря своему географическому положению Дагестан издревле играл важную роль своеобразного евроазиатского «моста», связывавшего два континента. Здесь на стыке гор и моря, по Прикаспийской территории пролегает самая удобная, созданная самой природой, дорога, соединяющая Европу и Азию и начавшая функционировать уже на заре человечества. Она, эта дорога, проходит по расширенной в сторону Юго-Восточной Европы Терско-сулакской степи, постепенно суживающейся в длинную (от современной Махачкалы до низовий Самура) и узкую полосу (шириной от 3 до 15 км), незаметно переходящую в приморскую низменность Азербайджана. По этому пути мигрировали из Передней Азии в Дагестан и далее в Юго-Восточную Европу древнейшие люди 1,8–1,5 тыс. лет тому назад¹. В мезолите с потеплением климата и падением уровня Каспийского моря из Эльбурских гор Северного (прикаспийского) Ирана в Дагестан проникли люди, оставившие здесь в горных районах чохскую археологическую культуру². Именно эти люди и оказались в генетической основе современных дагестанцев. В последующие времена по этой дороге осуществлялась связь населения Дагестана и Северного Кавказа и Юго-восточной Европы с культурами и цивилизациями Передней Азии и Южного Кавказа. В неолите носители чохской культуры окончательно переходят от присваивающего хозяйства к производящему³. Это был скачок в культурно-историческом развитии, известный как неолитическая революция. Она безо всякого сомнения происходила при тесных связях с культурами Передней Азии и Южного Кавказа.

Энеолитические памятники Северо-Восточного Кавказа демонстрируют более тесные связи Северо-Восточного Кавказа с Передней Азией, чем это было принято считать ранее. На Гинчинском поселении обнаружена характерная для памятников Передней Азии поливная керамика и подражания ей, а также кремневые изделия, близкие к переднеазиатским формам.

Наиболее важную роль эта дорога играла в III тысячелетии до н.э. К этому времени относится северо-восточный вариант куро-аракской культуры, куда вхо-

1 **Амирханов Х.А.** Исследование памятников олдована на Северо-Восточном Кавказе. — М.: Таус, 2007. с. 52

2 **Бадер Н.О.** Варианты культуры Кавказа конца верхнего палеолита и мезолита // СА 1965. № 4. с. 3–16; **Амирханов Х.А.** Верхний палеолит Северного Кавказа и его соотношение с верхним палеолитом смежных территорий. Автореф. Дисс... к. и. н. — М., 1977. с. 19, 21–23; Чохская археологическая культура и проблемы культурных ареалов раннего голоцена кругокаспийской области // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. — Махачкала, 1985. с. 28

3 **Амирханов Х.А.** Чохское поселение. Человек и его культура в мезолите и неолите горного Дагестана. — М., 1987

дят также памятники юго-восточной Чечни, Дагестана и северного Азербайджана (Хачмасско-кубинская зона). Куро-аракская культура — это культура раннебронзового века, распространенная в Центральном и Восточном Закавказье, Северо-Восточном Кавказе, Северо-Западном Иране, Восточной Анатолии. Элементы этой культуры проникли в III тысячелетии до н. э. также в Восточное Средиземноморье: Сирию, Палестину.

Для этой культуры в Дагестане характерны поселения, приуроченные к долинам рек, к речным, морским или горным террасам⁴. Каждое из «равнинных» поселений представляет собой целый комплекс различных по размерам и форме возвышений, отдаленных друг от друга на 100–200 м. Некоторые из них представляют собой зольные холмы-тепе⁵. На многих поселениях открыты остатки фундаментальной каменной архитектуры, основным элементом которой было кругло-плановое жилое помещение с плоской крышей, центральным очагом и прямоугольным входным коридором⁶. Такие жилые сооружения характерны для широкого ареала Закавказья и Передней Азии. К концу периода ранней бронзы на дагестанских (Сигитма) и азербайджанских (хачмасско-кубинская зона) поселениях появляются каменные прямоугольные жилища с закругленными углами. Принципы их строительства, видимо, проникли сюда из Передней Азии и Закавказья, где такие сооружения бытовали с глубокой древности⁷.

Б. А. Куфтин и вслед за ним Р. М. Мунчаев, О. М. Джапаридзе, А. И. Джавахишвили, И. Г. Нариманов, К. Х. Кушнарера и Т. Н. Чубинишвили полагают, что куро-аракская культура формировалась на территории Куро-Аракского двуречья⁸ и далее проникла из прилегающих районов Грузии и Азербайджана на территорию Северного Кавказа, в частности Дагестана⁹. Ч. Барней отмечал, что первоначально эта культура зародилась в Восточной Анатолии (область Элязича), хотя допускал, что центром ее распространения могут быть и районы, прилегающие к среднему течению р. Аракс, и отсюда позже проникла на территорию Северного Кавказа. Т. Бартон-Браун полагал, что движение шло с востока на запад из первоначальной родины обитания этих народов — территории Азербайджана и Восточной Грузии¹⁰. Исследователи, изучавшие в Закавказье многослойные памятники (О. А. Абибуллаев, И. Г. Нариманов, Т. Бартон-Браун, Т. Н. Чубинишвили и др.), приходят к выводу об отсутствии генетической связи между материалами куро-аракского типа и материалами энеолитических памятников этого региона¹¹. М. Г. Гаджиеву удалось выявить в Дагестане

4 Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века: неолит, энеолит, ранняя бронза. — М., 1975. с. 154, 176; Гаджиев М. Г., 1983б. с. 38, 39.

5 Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века: неолит, энеолит, ранняя бронза. — М., 1975. с. 176

6 Гаджиев М. Г. 1983б. с. 39; 1987. с. 29, 30.

7 Котович В. М. 1965а. с. 97–99; Гаджиев М. Г., 1969а. с. 107, 108; 1982а. с. 3, 4; 1983б. с. 40; Джавахишвили А. И., 1973

8 Кушнарера К. Х., Чубинишвили Т. Н., 1970. с. 182–184; Мунчаев Р. М., 1975. с. 196; Джапаридзе О. М., 1980б. с. 7–36; 1980а. с. 42–56.

9 Джапаридзе О. М., 1980б. с. 49; Мунчаев Р. М., 1961а.

10 Кушнарера К. Х., Чубинишвили Т. Н., 1970. с. 182, 183.

11 Кушнарера К. Х., Чубинишвили Т. Н., 1970. с. 182, 183.

ряд памятников эпохи энеолита и ранней бронзы, материалы которых дают возможность установить постепенное и непрерывное развитие культуры Северо-Восточного Кавказа в энеолите и в течение V–III тысячелетий до н.э. В этой связи справедливо ставится вопрос о зарождении северо-восточного варианта куро-аракской культуры на базе местной энеолитической культуры¹².

В последние века III тысячелетия до н.э. в культурно-историческом развитии Дагестана, как и всей куро-аракской культуры, происходят коренные сдвиги — распад культурного единства, существовавшего в период ранней бронзы, сопровождавшийся закатом куро-аракской культуры, а также значительные изменения во всех сферах культуры, приведшие в конечном счете к сложению ряда новых среднебронзовых археологических культур — приморской, присулакской, гинчинской и др., имеющих лишь некоторые общие черты преемственности по отношению к предшествующей культуре, но отмеченных новыми традициями и направлениями культурно-исторических связей¹³.

На Миатлинском, Чиркейском и др. курганных полях Присулакской культуры встречаются погребения в каменных гробницах, ящиках и грунтовых ямах¹⁴. В целом, присулакские памятники отличаются синкретическим характером. Это первоначально объяснялось проникновением сюда элементов северокавказской культуры вместе с ее носителями, вскоре растворившимися в местной среде¹⁵, позже — активностью скотоводческих племен южнорусских степей¹⁶.

Керамика со шнуровым орнаментом встречена на памятниках конца III тыс. до н.э. (Сигитма)¹⁷ и первой половины II тыс. до н.э. (Миатли)¹⁸, а также в чиркейских курганных могильниках, в каменных гробницах вблизи Избербаша и Каякент. Наличие курганов и керамики со шнуровым орнаментом на территории приморской низменности позволило Р.М. Мунчаеву и К.Ф. Смирнову прийти к выводу о проникновении в Дагестан из Юго-Восточной Европы отдельных групп катакомбных племен, которые вскоре растворились в местной этнической среде¹⁹.

Открытие в Дагестане древнейших на Кавказе и на всем юге европейской части страны катакомбных захоронений (Великентский могильник) свидетельствует о весьма сложных этнокультурных процессах взаимодействия оседлоземледельческого населения Кавказа и подвижных скотоводческих племен Юго-Восточной Европы, приведших к формированию такого культурного симбиоза, каким является пред-

12 Гаджиев М. Г., 1979а. с. 6, 7; 1980. с. 5–27; 1981. с. 4–45; 1982в. с. 12–14.

13 Гаджиев М. Г., 1974а. с. 11–28.

14 Гаджиев М. Г., 1974а. с. 11–28; Атаев Г. Д., 1980. с. 16; 1982. с. 43, 44; 1985. с. 89, 90.

15 Гаджиев М. Г., 1974а. с. 16.

16 Гаджиев М. Г., 1984б. с. 25, 26.

17 Канивец В. И. Дагестанская археологическая экспедиция в 1956 г. // Уч. зап. ИИЯЛ. Т. III. — Махачкала, 1957. с. 158–159.

18 Канивец В. И. Миатлы — новый памятник бронзового века в Северном Дагестане // МАД. № 1. — Махачкала, 1959. с. 46–47.

19 Мунчаев Р. М., Смирнов К. Ф., 1956. с. 193, 197.

кавказская катакомбная культура. Прежде исследователи отмечали кавказский характер металлургии катакомбной культуры, параллели в керамике, погребальной обрядности, сходство антропологического типа кавказского населения и носителей катакомбной культуры степей. Открытие в Дагестане великентских катакомб глубокой древности с учетом других факторов позволяет говорить о значительной роли древней культуры Кавказа в сложении степной катакомбной культуры²⁰.

Гинчинская культура была распространена в горном Дагестане и юго-восточной Чечне (Ичкерия). В памятниках этой культуры встречается немало предметов материальной культуры, проникших сюда из Закавказья и Передней Азии или Юго-Восточной Европы.

На территории Приморского Дагестана встречаются подкурганые срубные сооружения. Вопрос о существовании связей между племенами Дагестана и племенами срубной культуры обсуждался неоднократно. Существование этих контактов подтверждали в своих работах А. П. Круглов²¹, К. А. Бредэ²², Д. М. Атаев²³, В. Г. Котович и В. М. Котович²⁴ и О. М. Давудов²⁵. Правда, существование этих контактов некоторые ученые до недавнего времени продолжали оспаривать²⁶.

В свое время срубная культура рассматривалась как единое целое. В настоящее время хронологические этапы этой культуры, выделявшиеся ранее — сабатинский и белозерский — ныне рассматриваются как самостоятельные культуры. На раннем этапе между срубными племенами и племенами Кавказа существовали тесные связи, о чем свидетельствуют срубные подкурганые погребальные сооружения, выявленные у села Утамыш (Дагестан), Мекенская, Нов. Аршти, Усть-Джегутинская, Бедены и др.²⁷. На эти связи указывают материалы кургана эпохи поздней бронзы, раскопанного К. А. Байерном в местности «Чампар» близ города Петровска (Махачкала) в 80-х гг. XIX в. Этот курган рассматривается Д. М. Атаевым в качестве свидетельства пребывания срубников на территории Дагестана²⁸. По В. Г. Котовичу имеющиеся материалы свидетельствуют не только о самом факте существования связей между населением Северо-Восточного Кавказа и степных областей междуречья Волги и Дона, но и о том сильном влиянии, которое они оказывали на ход развития местной дагестанской культу-

20 Гаджиев М. Г., 1986а. с. 35.

21 Круглов А. П. Северо-Восточный Кавказ во II—I тыс. до н. э. Тезисы кандидатской дисс. // КСИИМК. М., 1946. XII. с. 88.

22 Бредэ К. А. Новые поселения на Сулаке. с. 27.

23 Атаев Д. М. Могильник в местности «Чампар» у города Махачкалы // Уч. записки Института ИЯЛ ДагФАН СССР. Т. XX. — Махачкала, 1970. с. 351–358.

24 Котович В. Г., Котович В. М. О древнем обряде срубных захоронений в Дагестане и на Кавказе // IX Крупновские чтения / Тез. докл. — Элиста, 1979. с. 16–17.

25 Давудов О. М. О контактах древнего населения Дагестана с ираноязычными кочевниками // Кавказ и степной мир в древности и средние века. — Махачкала, 2000.

26 Марковин В. И. Рец. на кн.: Давудов О. М. Культуры Дагестана эпохи раннего железа. — Махачкала, 1974. с. 189 // СА. 1976. № 3. с. 345–348.

27 Котович В. Г., Котович В. М. Ук. соч. с. 16–17.

28 Атаев Д. М. Ук. соч. с. 351–358.

ры. Причем это влияние он относит к концу каякентско-харачоевского времени²⁹. Эти связи продолжались и на сабадиновском и белозерском этапе развития. М. Н. Погребова выделила на территории Азербайджана кировабадскую группу курганов XIII–X вв. до н. э., близких к курганам Нижнего Поволжья, и высказала вполне справедливое суждение о проникновении иранских племен из Нижнего Поволжья в Закавказье³⁰.

Процесс этот происходил следующим образом. В XV–XIV вв. до н. э. лесные племена Центральной Европы (нынешняя территория Германии, Западной Польши, Чехословакии) начинают продвижение на богатые земли Среднего Дуная и Балкан. В XIII в. до н. э. они, увлекая за собой многие племена, жившие южнее, обрушиваются на Италию, Сицилию, Грецию, острова Средиземного моря и Малую Азию. Передовые группы этих племен быстро осваивают морское дело и получают название «народов моря». В 1225 году до н. э. коалиция «народов моря», в которую входили Туруша (Этруски), Шардана (Сардинцы), Шекелеша (сиккулы, т. е. жители Сицилии), акайваша (ахейцы) и лукку (ликийцы), а также ливийцы, вторглась в Египет. Фараон Мернептах с большим трудом отражает это нашествие. В 1190 г. до н. э. «народы моря», среди которых главную роль играют протофригийцы и протоармяне уничтожают Хеттскую державу. В 1165 году протофригийцы появляются на границах Ассирии. «Народы моря» сразу после падения Хеттской державы, захватив Кархамыш на Евфрате и Кипр, снова двигаются на Египет через Сирию и Палестину с севера и в то же время наносят удар с моря. Фараон Рамзес III отражает это нашествие в дельте Нила. Но через три года оно повторяется снова. Египту снова удается удержаться в своих границах до начала XI в. до н. э., когда он распадается на части. В это же время под ударами дорийцев гибнут основные центры Микенской цивилизации³¹.

В состав другой части этих т. н. «народов моря» входили и сабадиновские племена³², которые из своей исходной территории направились на восток и через Прикаспийский проход проникли в Закавказье и Переднюю Азию. Об этом свидетельствуют материалы памятников кобанской культуры на Северном Кавказе, в том числе нижние слои Чми (Кабардино-Балкария), фотографию которого М. П. Абрамова передала автору, и материалы Мингечаура (Азербайджан). На этих памятниках встречены компоненты сабадиновской и белозерской культур. Как говорилось выше, эти компоненты отмечены и на памятниках Дагестана. На могильнике вблизи селения Инчхе Казбековского района найден бронзовый кинжал сабадиновского типа XIII–XII вв. до н. э.³³. На Берикейском могильнике каякентско-харачоевского типа на стенах погребальных сооружений обнаружены изображе-

29 Котович В. Г. Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана, с. 91–93.

30 Погребова М. Н. Иран и Закавказье в раннем железном веке. — М.: Наука, 1977. с. 128–129.

31 Борухович В. Г. Ахейцы в Малой Азии // ВДИ. 1964. № 3.

32 Sandars N. K. The Sea Peoples: Warriors of the ancient Mediterranean 1250–1150 b P; Отрощенко В. В. Белозерская культура... с. 150–152.

33 Котович В. М. Мискинбулакский могильник // Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. с. 96–98. Рис. 6, 8.

ния повозок³⁴. Такие же изображения повозок отмечены на скальных панно близ села Манас-аул Буйнакского района.³⁵ Обломки моделей повозок встречены на поселении Ачису Карабудахкентского района Дагестана.³⁶ Такие же модели повозок происходят из азербайджанских памятников предскифского времени.³⁷ Много общего в планировке жилых сооружений, технике строительства, а также в отдельных керамических формах Нижнесигитминского и Ачису поселений, а также поселений сабагиновских и белозерских культур, в том числе и памятников Поволжья.³⁸ Влияние сабагиновской культуры отмечено в материалах кобанской культуры Северного Кавказа. Здесь, как впрочем и в Закавказье, отмечен обряд кремации и ритуального сжигания жертвенных животных. В. И. Козенкова полагает, что он был заимствован из областей средней Европы через посредство сабагиновских племен.³⁹ Видимо, эти племена, проникшие на территорию кобанской культуры, растворились в местной этнической среде⁴⁰. В этой связи необходимо отметить, что влияние сабагиновских племен распространилось на весь Северный и Северо-Восточный Кавказ. Об этом говорят не только вышеотмеченные признаки материальной культуры, но и остатки погребальных костров внутри могил. По всей вероятности, какая-то часть сабагиновских племен, проникшая на территорию Северо-Восточного Кавказа, растворилась в местной этнической среде. Но основная масса их прошла по Прикаспийскому проходу на территорию Южного Кавказа. В составе мигрантов, пришедших в Закавказье и Переднюю Азию в конце II – начале I тысячелетия до н. э., видимо, были ираноязычные племена⁴¹.

Со степным миром связаны и конские погребения, встреченные на памятниках Северо-Восточного Кавказа (Зандак, Сержень-Юрт, Мугерган). С конским инвентарем связаны умбоновидные бляхи, обнаруженные на Хосрехском святилище, Шахсенгерском, Акярском, Зандакском и др. могильниках. Они, как отмечалось выше, находят аналогии на памятниках, Украины, Поволжья, Северного Кавказа и Восточного Закавказья⁴². Особого внимания заслуживает деревянная посуда, обнаруженная на памятниках Дагестана предскифского и скифского времени (Акяр, Шахсенгер, Берикей). Такая посуда является одной из характерных особенностей материальной культуры евразийских кочевников.

34 **Круглов А. П.** Северо-Восточный Кавказ во II–I тысячелетиях до н. э. // МИА. — М., 1958. № 68. с. 142. Рис. 68, 2; 69.

35 **Марковин В. И.** Дагестан и горная Чечня в древности. Каякентско-хорочоевская культура // МИА. № 122. — М.: Наука, 1969. с. 94. Рис. 39, 1.

36 **Давудов О. М.** Поселение Ачису. с. 101–124.

37 **Асланов Г. М., Вайдов Р. Н., Ионе Г. И.** Указ. соч. с. 131. Рис. 101; **Rolle R.** Stat auf Radern zur Entwicklung des nomadischen Wohnwagens // Gold der Steppe archaologie der Ukraine. Schleswig, 1991. S. 85–92. ABB 1, 5, 6.

38 **Кривцова-Гракова В. И.** Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА. № 46. 1955. с. 117–118; **Березанская С. С., Отроценко В. В., Чередниченко Н. Н., Шарафутдинова Э. С.** Культуры эпохи бронзы на территории Украины. — Киев.: Наукова думка. 1980. с. 40–53.

39 **Козенкова В. И.** Типология и хронологическая классификация... с. 28.

40 Там же. с. 30–31.

41 **Грантовский Э. А.** Ранняя история иранских племен Передней Азии. — М., 1970. с. 359–360; **Погребова М. Н.** Иран и Закавказье в раннем железном веке. — М., 1977. с. 133–136.

42 **Асланов Г. М., Вайдов Р. Н., Ионе Г. И.** Указ. соч. с. 97. Табл. XXI, 12, 13; **Шрамко Б. А.** К вопросу о значении культурно-хозяйственных особенностей степной и лесостепной Скифии // МИА. 1971. № 177. с. 92–102; **Ивановский А. А.** По Закавказью // МАК. 1911. Т. VI. с. 128, 144. Табл. VII, 9.

Надо оговориться, что некоторые украинские ученые связывают сабастиновскую культуру с киммерийцами.⁴³ Вопрос о киммерийском влиянии на материальную культуру племен Северного Кавказа имеет довольно значительную историографию. Однако мысль о контактах киммерийцев с древними племенами Дагестана, точнее о проникновении киммерийцев на юг вплоть до главного Кавказского хребта, была высказана А. И. Тереножкиным.⁴⁴ Это было связано с находкой на Мугерганском могильнике биметаллического меча с крестовидной рукояткой, названного им киммерийским. В настоящее время таких кинжалов-мечей в Дагестане найдено 3: на Хосрехском святилище, на Мугерганском и Шахсенгерском могильниках. Еще более убедительно киммерийско-дагестанские, раннескифско-дагестанские контакты документирует Хосрехское святилище XII–VII вв. до н.э. Это святилище по канонам планировки и остаткам костров внутри сооружения относится к кругу индоиранских культовых строений, отражающих их представление о миропостроении. Наиболее близкие аналогии Хосрехское святилище находит с подкурганным сооружением VII в. до н.э. из Ставрополя.⁴⁵ Это святилище близко и к мавзолеям 4, 5а, 7 Тагискентского могильника IX–VII вв. до н.э.⁴⁶ Одним из наиболее распространенных знаков киммерийского орнамента был круг, заключенный в квадрат или квадрат, вписанный в круг. В религиозно-мифологической системе древних индоевропейцев мир, т.е. земля и небо, представлялись в виде квадрата и круга с общим для них центром.⁴⁷ Скифы, например, представляли свою землю в виде квадрата со священным источником воды в центре.⁴⁸ Костры, разводимые на мощном круге Хосрехского святилища и на пристенном возвышении, видимо, символизировали все обновляющий эсхатологический мировой пожар.⁴⁹ Авеста, Рамаяна, Махабхарата, Энеида, пехлевийские тексты и Эдды рассматривают эсхатологический мировой пожар в качестве обязательного условия достижения вечности. В Ригведе огонь является источником бессмертия даже для богов, «стражем священного порядка», призванным «сопровождать к счастью».⁵⁰ Т.о. Хосрехское святилище отражает духовный мир индоиранских племен. Из этого следует — святилище оставлено либо пришлым индоиранским племенем, либо местным населением, подвергшимся влиянию индоиранских пришельцев. Но среди находок Хосрехского святилища встречаются предметы, характерные для Передней Азии и Южного Кавказа — статуэтки оленя и быка, а также бронзовые браслеты.

Намного более выразительны на территории Северо-Восточного Кавказа материалы, документирующие использование прикаспийского пути скифскими пле-

43 **Черняков И. Т.** Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тысячелетия до н.э. — Киев: Наукова думка, 1985. с. 148.

44 **Тереножкин А. И.** Киммерийцы и Кавказ. ТД СПИПАИ 1970. — Тбилиси, 1971.

45 **Петренко В. Г.** Скифская культура на северном Кавказе // Археологический сборник. — Л.: Искусство. № 23. 1983. с. 44–45.

46 **Толстов С. П.** По дельтам Окса и Яксарта. — М., 1962. с. 81–85, 201–204. Рис. 117.

47 **Лелеков Л. А.** Отражение некоторых мифологических воззрений в архитектуре восточноиранских народов в первой половине I тыс. до н.э. // ИКНСА. 1976. с. 7 и сл; **Раевский Д. С.** Очерки идеологии скифо-сакских племен. — М., 1977. с. 105–107.

48 **Геродот.** IV. 52, 81, 101. // **Геродот.** История в девяти книгах. Пер. и примечания Г. А. Стратановского. — Л.: Наука. 1972. с. 200, 208, 212, 213.

49 **Лелеков Л. А.** Указ. соч. с. 13.

50 **Ригведа.** VII, 3, 3.

менами. Скифы и сопутствующие им родственные племена вступили в военное столкновение с северокавказскими местными оседлыми племенами, что привело к опустошению ряда населенных пунктов (Аллероевское 2-е и др. поселения). Среди них следует назвать и Шахсенгерское поселение, расположенное на Прикаспийском торговом пути. Скифские походы привели к временному сокращению численности местного населения. Грузинские и армянские письменные источники донесли до нас сведения о войне скифов с коренными народами Кавказа (таргомасианами — потомками единого отца-предка кавказских народов, в их числе с леками — предками современных дагестанцев).⁵¹ Первоначально кавказские племена нанесли скифам поражение, воздвигли на подступах к их землям «города» и вернулись. Однако скифы перегруппировались, избрали себе нового царя и возобновили войну. В результате «полонили они землю таргомасиан». Скифский царь «отдал удел Лекана (родоначальника современных народов Дагестана — леков) своему «двоюродному брату».⁵² Самый знаменитый из рода Лекана — Хозаних вынужден был отступить в горы и основать там город, назвав его своим именем — Хозаних или Хунзах. С тех пор в течение долгого времени все коренные кавказские народы стали данниками скифов.⁵³ Основной дорогой скифов из Предкавказья на юг был путь через Дербентский проход. Использовались и сезонные дороги через горные перевалы (Мамисонский, Крестовый и Клухорский)⁵⁴. В течение двух или трех поколений крупные отряды скифов отправлялись в Переднюю Азию и Закавказье и возвращались обратно в предкавказские степи с военной добычей.

Около 674 г. до н.э. на границе Ассирии появляются скифские войска во главе с Партатуа (Прототий). Против некогда могущественной, но ныне ослабевшей Ассирии формируется грозный союз из скифов, Мидии и Манны. Ассирийский царь Асархаддон вынужден был прибегнуть к сложным дипломатическим маневрам, чтобы разорвать единый фронт своих противников: нарушив ассирийские традиции, он выдает свою дочь за «варварского» царя Партатуа, нейтрализовав тем самым скифов. Асархаддону удалось предотвратить восстание подчиненных народов против империи.

51 По Л. Мровели у кавказских народов картлийцев, ранов, моваканов, мегрелов, кавкасионов, зров, леков и др. был единый отец по имени Таргамос. Он назван сыном Таршиса, внуком Яфета — сына Ноя. После разрушения вавилонской башни и разделения языков Таргамос со своим племенем расселился между горами Арарат и Масис. Когда же население увеличилось, Таргамос поделил земли, принадлежавшие ему, между своими детьми. «Земли же к северу от Кавказа не только не были уделом Таргамоса, но не было жителей к северу от Кавказа. Были безлюдными пространства те от Кавказа до Великой реки, что впадает в море Дарубанское. Потому-то и избрал (Таргамос) из множества героев двух — Лекана и Кавкаса. Дал Лекану земли от моря Дарубанского до реки Ломеки, к северу — Великой реки Хазарети. Кавкасу — от реки Ломеки до рубежей Кавказа на западе. Лекос — этнический предок народов Дагестана — леков. Леки — грузинское название народов Дагестана. В античных источниках оно звучит как леги. В трудах грузинского писателя X века Евфимия Святогорца этнонимом леки названы албаны (Кеклидзе К. С. Вопросы классификации и географического распределения народов в древнегрузинской литературе // Этюды. Т. I. с. 178.

52 За сведением о двоюродном брате скифского царя, которому дарили завоеванные земли, у Леонтия Мровели можно усмотреть факт участия в скифских походах родственных им племен.

53 **Мровели Леонти.** Жизнь картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана. Перевод с древнегрузинского, предисловие и комментарии Г. В. Чулая. — М., 1979. с. 25 и сл.

54 **Крупнов Е. И.** О походах скифов через Кавказ // ВССА. — М., 1954. с. 186–194; его же: Древняя история Северного Кавказа. с. 54–75; **Виноградов В. Б.** О скифских походах через Кавказ // Сборник статей. К 60-летию Е. И. Крупнова. — Грозный, 1964. с. 21–48; **Давудов О. М.** Культуры Дагестана... с. 106–109.

Скифы снова появились на Переднем Востоке после 654 г. до н. э. во главе с царем Мадием — сыном Партата и ассирийской царевны, дочери Асархаддона, племянником Ашшурбанипала. Ассирийская дипломатия, воспользовавшись родственными связями с Мадием, направила скифские удары сначала против Мидии, а потом против киммерийцев. После победы над ними скифы распространили свое влияние по всей Азии. «Двадцать восемь лет владычествовали скифы в Азии», — пишет Геродот. Конец этого владычества наступил при мидийском царе Киаксаре (625–585 гг. до н. э.), когда последнему удалось пригласить множество скифов на пир, напоить их и перебить.

Со скифами связаны находки бронзовых наконечников стрел VII–VI вв. до н. э. в прикаспийском коридоре, по которому продвигались кочевые орды. Они очерчивают линию, связывающую предкавказские степи с Южным Кавказом. Со скифами и их этнокультурным миром связаны также найденные в различных районах Дагестана железные мечи — акинаки с брусковидным навершием рукоятки и почковидным перекрестием (Согратль, Хосрех), брусковидным навершием и таким же перекрестием (Урцеки), скифские удила, псалии и ворворки. Большой интерес представляют типичные скифские культовые навершия, найденные на Шаракунском и Каратинском могильниках. Наиболее выразительно дагестано-скифские контакты документируют произведения декоративно-прикладного искусства — костяная булава из Берикейского могильника с навершием в виде крадущегося хищника кошачьей породы, колчаный крюк с изображением головы человека на одном конце и загнутого клюва хищной птицы на другом из окрестностей Хасавюрта, в котором сочетаются стили антропоморфных изображений местного населения и зооморфных изображений скифов, литая пластинчатая бляшка из Хабадинского могильника, передающая профильное изображение головы волка с раскрытой пастью, короткими ушами и небольшим глазным овалом, еще одна пластинчатая литая бронзовая бляшка в виде профильного изображения головы хищника из Аркаского городища Нах-меэр, пластинчатая бронзовая бляха в виде профильного изображения крадущегося хищника кошачьей породы с повернутой назад головой из Урцекского могильника. Из Дагестана происходят различные антропоморфные статуэтки, передающие скифские мифологические образы.

Во второй половине I тысячелетия до н. э. восточное Закавказье оказалось вовлеченным в международную торговлю. Истоки этого процесса следует искать в интересах Александра Македонского и его наследников к западному побережью Каспийского моря⁵⁵. После его смерти Селевк I Никатор, царствовавший над Бактрией, Парфией и Гирканией, поручил македонцу Патроклу (312–261 гг. до н. э.) исследовать побережье Каспийского-Гирканского моря с целью открытия

55 Арриан. VII, 16, 1, 2.

возможных торговых путей к народам Северной Индии⁵⁶. Патрокл обследовал южное и западное побережье Каспия и составил подробный отчет о своей работе. Именно на это время приходится активное функционирование Прикаспийского пути. В средневековых источниках отдельные его участки получили довольно подробное освещение: после прохождения вброд через Сунжу и Аксай на паромах и стругах переправлялись через Койсу (Сулак), далее двигались через Тарки-Бойнак — владения Уцмия Кайтагского и «на выюках промеж гор и моря ровным местом» попадали в Дербент и далее затем в Закавказье.⁵⁷ На одном конце этого пути в интересующее нас время находился Танаис, представлявший собой общий торговый центр античного Причерноморья и евразийских кочевников⁵⁸, на другом — Акбатана, расположенная на перекрестке наиболее оживленных торговых путей древнего Востока, в частности, на магистрали, шедшей из Индии в Селевкию через Кандагар — Герат — Гекатомпилос и к Акбатане. Прикаспийская дорога выходила на Армянскую дорогу (Акбатана–Артаксата) и пересекалась с т. н. северным путем, проходившим через Бактру (Балх), по реке Оксус, Каспийское море, по реке Куре к Фасису и Черному морю.⁵⁹

В науке широко распространена точка зрения о торговле между Западом и Востоком через Дербентский проход.⁶⁰ Е. А. Пахомов, например, на основании находок монет Готарза в Ставропольском крае и Терской области высказывал мысль о существовании Прикаспийского торгового пути⁶¹. Ш. Исмизаде указывал, что пути, связывающие Азербайджан с Северным Кавказом и Дагестаном, шли через Дербентский проход и перевалы Салават, Курушдереси, Херакова, Малкамуд и др., пересекающие Главный Кавказский хребет недалеко от селений Хачмас, Бум, Куткашен, Бардам и др.⁶² М. М. Расулова также считает, что пути, связывающие Азербайджан с внешним миром, проходили через Дербентский проход и горные перевалы Большого Кавказа.⁶³ В. П. Дзагурова существование торговой дороги через Дербентский проход аргументировала внешнеполитическими интересами селевкидского государства.⁶⁴ В. Г. Котович, доказывая тезис о наличии транскавказского международного торгового пути через Дербентский проход, связыва-

56 **Страбон**. II, 162.

57 Хождение купца Федотова Котова в Персию. — М., 1858, с. 34, 70; **Умаханов М.** Торговые пути Дагестана в XVI–XVIII вв. // Древние промыслы, ремесло и торговля в Дагестане. — Махачкала, 1984. с. 148–162. Там же, литература.

58 **Страбон**. IX, 2, 3.

59 **Страбон**. IX, 7, 3; **Солин Юлий**. XIX, 4, 5; **Крузе Ф.** Указ. соч., с. 426, прим. 1; **Тарн В.** Эллинистические цивилизации. — М., 1949. с. 220; **Манандян Я. А.** Указ. соч. с. 52–96; **Тревер К. В.** Указ. соч. с. 43–44; **Ямпольский З. И.** К изучению древнего пути из Каспийского моря по реке Куре через Грузию к Черному морю // Тр. Ин-та истории АН Груз. ССР. Т. II. — Тбилиси, 1956. с. 161–180; **Гозалишвили Г. К.** О древнем торговом пути в Закавказье // Там же, с. 150–153; **Лордкипанидзе Д.** О транзитно-торговом пути из Индии к Черному морю в античную эпоху // Сообщение АН Груз. ССР. Т. XIX 1957. с. 373–389; **Вандов Р. М.** Мингечаур в III–VIII вв. — Баку, 1961. с. 90 и сл.; **Алиев К.** Указ. соч. с. 274 и сл.

60 **Тревер К. В.** Указ. соч. с. 83–84; Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. с. 97–98; **Алиев К.** Указ. соч. с. 257–309. Там же литература.

61 **Пахомов Е. А.** Указ. соч. с. 18.

62 **Исмизаде О. Ш.** Указ. соч. с. 77.

63 **Расулова М. М.** Связи Кавказской Албании с античным миром в IV в. до н. э. — III в. н. э. Автореф. Дисс. к. и. н. — Баку, 1969. с. 11–12.

64 **Дзагурова В. П.** Монеты Антиоха IV Эпифана... с. 63–65; ее же: Монеты Антиоха Эпифана..., с. 29–40.

вал с ним конкретные археологические памятники в Прикаспийском Дагестане.⁶⁵ Говоря об аорсской караванной торговле, С. И. Лукьяшко также отдает предпочтение восточному направлению связей опять-таки через Дербентский проход.⁶⁶ Специальную монографию посвятил этой дороге М. С. Гаджиев. Он обстоятельно разобрал все вопросы, связанные с торговлей между Западом и Востоком.⁶⁷

Большинство исследователей, в том числе и М. С. Гаджиев, сопоставляют аорсскую торговую дорогу с Прикаспийской дорогой через Дербентский проход. Вместе с тем, акад. Я. Манандян проводит «торговую дорогу аорсов» по меото-колхидскому тракту,⁶⁸ а К. Алиев — по Дарьяльскому проходу⁶⁹. Нам трудно согласиться с ними. Их выводы никак не согласуются с основными источниками, лежащими в основе истории аорсской торговли. По Страбону, верхние аорсы «занимают более обширную область, владея почти что большей частью побережья Каспийского моря. Поэтому они вели караванную торговлю на верблюдах индийскими и вавилонскими товарами, получая их в обмен от армян и мидийцев».⁷⁰ Здесь недвусмысленно указывается на торговую дорогу именно в пределах Прикаспийской территории, где локализовались верхние аорсы. Районы же Западного и Центрального Кавказа в пределы влияния верхних аорсов не входили. Такой путь мог быть только Прикаспийским, проходящим по Дербентскому дефиле. К тому же, вряд ли верблюжьих караваны были способны одолеть каменистые дороги Дарьяльского прохода и труднодоступный в то время меото-колхидский тракт.⁷¹

К этому пути приурочены крупные укрепленные поселения, городища — Дербентское, Хамзин (городище в долине реки Гамри-озень), Урцекское, Торпаккала и др. Для их структуры характерны цитадель, шахристан и торговоремесленный посад — рабат. Эти материалы указывают на торговоремесленную функцию памятников. Они по своим размерам, по трехчастной структуре, по находкам дворцово-храмовых сооружений и др. признаются в качестве городов. Интересно и то, что они продолжают линию азербайджанских городов, расположенных на торговых магистралях, проходивших по Прикаспийской территории через Дербентский проход, и связывают Юго-Восточную Европу со странами Закавказья и Передней Азии.

Дагестанские ремесленные центры, большинство из которых были сосредоточены в городах, производили продукцию, пользовавшуюся большим спросом не только на территории собственно Дагестана, но и далеко за его пределами. В памят-

65 Котович В. Г. Археологические данные... с. 54–61.

66 Лукьяшко С. И. О караванной торговле аорсов // Древности Евразии в скифо-сарматское время. — М., 1984. с. 161–165.

67 Гаджиев М. С. Между Европой и Азией. Из истории торговых связей Дагестана в албано-сарматский период. — Махачкала, 1997. с. 154.

68 Манандян Я. О. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древнейших времен (V в. до н.э. — XV в. н.э.). — Ереван, 1954. с. 52–59, 96.

69 Алиев К. Указ. соч. с. 266–269.

70 Страбон. XI, 5, 8

71 Лавров Л. И. О пути вторжения киммерийцев в Переднюю Азию // СА, № 3, 1965. с. 223–225

никах Поволжья сарматского времени, например, встречены характерные дагестанские ремесленные изделия — украшения (височные привески с разомкнутыми концами, овальные привески с утолщенными концами) и керамика — двуручные сосуды, кувшины со сливными носиками, с расширяющимся к устью горлом, с ручкой поильником, одноручные кувшины с биконическим туловом и др.⁷² В памятниках Подонья известны серые лощеные миски и кувшины со сливными носиками, происходящие из дагестанских керамических центров (хр. в фондах Ростовского госуниверситета). Видимо, на продажу шла и другая ремесленная продукция Дагестана, в частности, льняные и шерстяные ткани, а также продукция животноводства, земледелия, охоты и рыболовства.

Многие из этих изделий шли на обмен с кочевниками. Особую потребность должны были испытывать кочевники в различных продуктах земледелия: в зерновых, бобовых культурах, орехах, фруктах, включая виноград и т.д. На продажу шла продукция рыболовства. Остатки осетровых рыб обнаружены и на дагестанских памятниках: Макинском, Бавтугайском поселениях, Аркаском «Нах-меэр» городище и т.д. По Кл. Элиану каспии славились умением готовить рыбу и рыбную продукцию: «Я слышал, что в каспийской земле есть огромное озеро, в котором водятся большие рыбы, называемые «остроносими» (осетр). Они достигают даже восьми локтей длины. Каспии ловят их, посыпают солью и приготавливают соленье или сушат, затем навьючивают на верблюдов и везут в Экбатану. Вырезав жир из этих рыб, они делают из него мазь и соленье, продают, а рыбьим маслом, очень жирным и не вонючим, мажутся. Внутренности рыб они вынимают, варят и выделывают из них клей, очень годный к употреблению: он все склеивает очень крепко, держится на всем, к чему прилипнет и очень прозрачен на вид. Он так скрепляет все, что им склеят, что даже мочить его десять дней, он не распустится и не отстанет. Даже мастера изделий из слоновой кости употребляют его и выделывают прекрасные вещи».⁷³

Ввозили, как правило, предметы роскоши и реже — быта. На дагестанских памятниках встречаются привозные фибулы, зеркала, пряжки, колокольчики, браслеты с завязанными концами, разнообразные височные колечки, туалетные коробочки, игольники, румяна, раковины «каури», бусы из сердолика, янтаря, горного хрусталя и халцедона, были и мелкие подвески из египетского фаянса (рифленные, округлые, биконические бусы, плакетки с изображениями скарабеев, лягушек, львов, Беса, подвески в виде кукишей, души «ба» и др.), а также стеклянные бусы, в том числе и с внутренней позолотой и посеребрением. Эти вещи поступали в Дагестан из Причерноморья и Поволжья или из Передней Азии и Южного Кавказа. Так, основная группа фибул происходила из производственных цен-

72 **Сницын И. В.** Древние памятники..., с. 34–37, 76, 79, 100; рис. 11, 3; 11, 6; 13, 3, 2; 29, 3, 7; 36, 8; Его же: Археологические исследования..., с. 80, 91, 93, 100, 200; рис. 18, 9, 23, 8, 11; 30а, 4; **Смирнов К. Ф.** Курганы у села Иловатка..., с. 260, 274, 230; рис. 22, 1; 26, 8; 23, 1; **Шилов В. П.** Калиновский курганный могильник // МИА, 1959. 60 с. 480; рис. 53, 15

73 **Элиан Кл.** Кн. XVII, Гл. 17.

тров Северного Причерноморья и Подонья. Она очерчивают линию связи между Боспором, с одной стороны, и Дагестаном и Азербайджаном, с другой. Тоже самое следует сказать о браслетах с завязанными концами и о многих других украшениях. Из районов Нижнего Поволжья попали в Дагестан алебастровые пряслица, костяные коробочки-игольницы, круглые, плоские бляхи-застежки с отверстием в центре или с шестью выступами по краям, пряжки-сюльгамы и др. изделия.

Особое место в торговле древнего населения Дагестана занимает олово — стратегически важное сырье, необходимое для производства бронзы. Его употребление в качестве примеси широко практиковалось с конца II — начала I тысячелетия до н. э. На Кавказе, как полагают некоторые исследователи, олова нет.⁷⁴ Правда, В. И. Марковин полагает, что на территории Северного Кавказа имеются залежи касситерита — оловянного камня, которые в древности вполне могли удовлетворить нужды мастеров. А первоначально медную руду в соответствующих пропорциях смешивали с оловянным камнем и плавил металл.⁷⁵ Мы не имеем оснований для окончательного подтверждения тезиса о добыче касситерита в Дагестане. Следовательно, с большей долей вероятности можно допустить, что олово импортировали сюда извне. Оно могло поступить из различных очагов добычи, расположенных в Великобритании, Италии, Казахстане и даже в Малаке. При функционировании торговых путей, связывающих эти районы с Ближним Востоком и Кавказом, мы не вправе исключить ни один из этих источников, как и местную добычу.

На южное направление связей указывают находки стеклянных бус с золотой или серебряной прокладкой, раковин «каури», разнообразных изделий из полудрагоценных камней (бусы, вставки в диадему в виде женской головки) и многое другое. По всему западному побережью Каспия известны находки разнообразных монет и целые монетные клады. Так, в Азербайджане найдены клады и отдельные монеты Александра Македонского, парфянских, бактрийских и селевкидских царей, римские динарии и местные подражания привозным монетам (Шемаха, Кабала, Ньюди, Тазакент, Мингечаур, Барда, Ордуад, Хыныслы, Физули, Чухурюрт, Нахичеван, Ялойлутепе и др.),⁷⁶ в Дагестане у поселка совхоза им. Гирейханова обнаружены монеты Антиоха IV Эпифана (176–164 гг. до н. э.)⁷⁷ и Птолемея III Эвергета (246–222 гг. до н. э.),⁷⁸ Из Чечни и Ингушетии происходят

74 **Иссен А. А.** Олово Кавказа // Изв. ГАИМК. вып. 110. — М., 1935. с. 102–105; **Кашкай М. А., Селимханов И. Р.** Из истории..., с. 142–148.

75 **Марковин В. И.** Об использовании оловянного камня на Северном Кавказе в древности // Тез. докл. научн. сесс., посв. итогам эксп. иссл. Институтов ИАЭ и ЯЛИ в 1992–1993 гг. — Махачкала, 1994. с. 5–10.

76 **Пахомов Е. А.** Монетные клады Азербайджана и других республик и краев Кавказа. — Баку, 1938, т. II, с. 9; Там же. Баку, 1957, т. VII, с. 23; Там же.. Баку, 1966, с. 19–21; Он же. Античные монеты в Албании: (в пределах Азербайджанской ССР) // Вопросы истории Кавказской Албании. — Баку, 1962. с. 106–113; **Казиев С. М., Бабаев И. А.** Раскопки древней Кабалы // Археологические открытия 1967. М., 1968, с. 319; **Бабаев И. А., Казиев С. М.** Кабалинский клад монет эллинистической эпохи // Нумизматика и эпиграфика. — М., 1971, т. IX, с. 16–32; **Османов Ф. Л.** Материальная культура..., с. 116–119; **Алиев К.** Указ. соч. с. 298–301; Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии, с. 104.

77 История Дагестана, т. I, с. 112; **Дзагурова В. П.** Монеты Антиоха Эпифана в Дагестане // Проблемы социально-экономического развития Северо-Восточного Кавказа. — Махачкала, 1978. с. 29–40

78 **Гаджиев М. С.** Бронзовый зооморфный сосуд из Шаракунского клада // Памятники древнего искусство. — Махачкала, 1990. с. 53.

римский денарий жены Марка Аврелия (161–180 гг. до н. э.) — Фаустины Младшей (на хуторе Капустин Наурского района),⁷⁹ монеты Александра Македонского (187–31 гг. до н. э.), римских (Тиберия — 14–37 гг. до н. э., Диоклетиана 284–305 гг., Юлиана — 361–363 гг.) и византийских (Иоана I Цимисхея — 969–976 гг.) императоров в кладе из г. Грозного, а также подражания римским денариям — клад из станицы Червленной Шелковского района,⁸⁰ в Ставропольском крае — парфянские монеты Готарза,⁸¹ в Поволжье — парфянские монеты Митридата II (124–88 гг. до н. э.), Орода I (80–78 гг. до н. э.), Фраата III (70–58 гг. до н. э.), Готарза II (43–50 гг.), Вологеза и др. Сходную картину дают находки керамических изделий, характерных для ялойлутепинских памятников Азербайджана. Таковы кувшины-молочники, зооморфные сосуды и сосуды с крышками и с горизонтально смоделированными ручками, двуручные горшки, вазы, кувшины, происходящие с территории Дагестана и Северного Кавказа. Все эти находки очерчивают довольно четкую линию торговой магистрали между Южным Кавказом и Северным Причерноморьем, между Южным Кавказом и Поволжьем.

С этим путем связаны сарматские тамгообразные знаки, обнаруженные на скалах Уйташ, недалеко от современного аэродрома. В более позднее время эта дорога стала называться Великим Шелковым путем и принесла прогресс народам, расположенным на ее подступах.

В Кавказской Албании и в дагестанской ее части функционировали и местные торговые пути. Так, через перевалы Главного Кавказского хребта проходили тропы, соединявшие Восточное Закавказье с Дагестаном. Таким был, прежде всего, низкий Салаватский перевал. Через Саваланский проход, например, идет дорога, ответвляющаяся на запад к Мингечауру и на восток — к Каспию по выходу ее из Турьянчайской долины. К югу от Кабалы она называется дорогой послов — «Элчи ёлу» или торговой дорогой — «базырган ёлу»⁸². Другая — «Алван ёлу», расположенная восточнее предыдущей, проходит через горную систему Конделендаг и соединяется с караванным маршрутом, шедшим по Турьянчайскому ущелью.

В пределах самого Дагестана функционировали многочисленные древние тропы, выходящие к международным магистралям. Все они проходили через горные перевалы и речные долины. Многие из них сохранились до средневековья и современности. Х. О. Хашаев, например, называет внутренние пути, связывающие Дагестан с Закавказьем и Северным Кавказом. К ним относятся дороги, проходя-

79 **Виноградов В. Б., Петренко В. А., Мялковский В. А.** К этнической истории Северо-Западного Прикаспия в I тысячелетии до н. э. – XIII в. н. э. (Предварительное сообщение) // Археология и вопросы этнической истории. — Грозный, 1979. с. 46, 53; рис. 4, 31.

80 **Виноградов В. Б.** Монетные находки и клады на территории Чечено-Ингушетии. — Грозный, 1981. с. 5–8; Его же: Судьбы древних монет. — Грозный 1982. с. 18–39.

81 **Пахомов Е. А.** Монетные клады..., вып. I, с. 18.

82 **Исмизаде О. Ш.** Указ. соч. с. 78; **Тревер К. В.** Указ. соч. с. 84; **Гадиров В. Ф.** Северные оборонительные сооружения Азербайджана (на основе памятников бывшего Кабалинского магала VI–XIV вв. Автореф. Дисс... к. и. н. — Баку, 1969. с. 5–8; **Алиев К.** Указ. соч. с. 204.

щие через Ахты, Нуху до Баку; через Кумух в Закаталы; через Бежта в Кахетию; через Анди в Харачой и далее в Северный Кавказ; через Чирката, Аргун, Нижний Буртунай в Хасавюрт; через Гимры, Верхний и Нижний Каранай в Темир-Хан-Шуру; через Аймаки, Дженгутай в Темир-Хан-Шуру; через Аракань в Дженгутай; через Левашы, Дженгутай в Темир-Хан-Шуру; через Левашы, Дешлагар, Каякент в Дербент; через Кумух, Хосрех, Касумкент в Дербент; через Уркарах, Маджалис в Дербент; затем Дербент Ахты — Нуха; Ахты — Куба — Старая Шемаха — Баку и т. д.⁸³ Важное значение имела дорога, связывающая Самурскую долину с Северным Кавказом в обход Прикаспийского пути Самурская долина — Курах — Кумух — Чох — Гидатль — Асаб — Ахвах — перевал Харамья на Андийском хребте и в Чечню. После селения Асаб, на горе Харачи эта дорога ответвлялась и шла на Хунзахское плато.⁸⁴ В XVII в. функционировали дороги, идущие от Тарки через Таркалы, Кафыркумух в Казикумух, а затем через Дультыдагский перевал в Закаталы; из Казикумуха через Турчидагский перевал в Согратль — Чох — Гуниб и далее; из Чечни в Гумбет — Аварию — Андалаял — Гид и через перевал у истоков Аварского Койсу в Грузию.⁸⁵ Были пути, связывавшие Гамри с Дербентом через Утамыш — Башлы; Каба-Дарго с Акуша-Дарго;⁸⁶ Касумкент — Цмур — Ичин — Ашагазахид — Хоредж — Байбулак — Рича — Чирах — Хосрех,⁸⁷ Кумух — Хуна — Улучара — Танты — Гапшима — Акуша — Великент — Дербент; Цовкра I — Дуакар — Кубачи — Уркарах — Маджалис — Дербент; Казикумух — Хосрех — Харбук — Кубачи и т. д.⁸⁸ Все эти дороги проложены по наиболее доступным естественным перевалам, склонам и долинам и использовались в течение весьма продолжительного времени. Они служили как для торгово-экономических, так и культурных контактов. На этих торговых путях и выросли крупные городища, обладающие всеми признаками городов.

Таким образом, технический прогресс, связанный с расцветом металлургии и металлообработки, приведший к отделению ремесла от земледелия, способствовал и развитию торговли. Важным и убедительным показателем перерастания простого обмена в торговлю является появление всеобщего эквивалента товара — денег, наиболее ранние образцы которых на территории Кавказской Албании относятся к IV в. до н. э. Это отдельные монеты и целые клады. При этом здесь, как и на всем Востоке, получает развитие внешняя торговля, так или иначе, связанная с государством и правящей верхушкой общества⁸⁹. Не менее важную роль, очевидно, играла внутренняя торговля. Специализация ремесел должна была стимулировать именно такую торговлю, что в первую очередь связано с большими строи-

83 **Хашаев Х. -М. О.** Общественный строй Дагестана в XIX веке. — М., 1961. с. 110.

84 **Малачиханов Б.** К вопросу о хазарском Семендере в Дагестане (Материалы по истории нагорного Дагестана) // Уч. зап. ИИЯЛ ДагФАН СССР. Т. XIV. — Махачкала, 1965. с. 185–187

85 Очерки истории Дагестана. Т. I. с. 102.

86 **Алиев Б. Г.** Каба-Дарго в XVIII–XIX вв. — Махачкала, 1972. с. 82–83.

87 **Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р.** Очерки истории Южного Дагестана. — Махачкала, 1964. с. 89–91.

88 **Булатова А. Г.** Лакцы: (XIX – начало XX вв.). — Махачкала, 1971. с. 76–77.

89 **Маркс К.** Формы, предшествующие капиталистическому производству // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. I, с. 464.

тельными работами этого времени (о них уже говорилось)⁹⁰. Вся эта внутренняя торговля, очевидно, была тесно связана с внешней торговлей. Вместе с тем, особенно в сельских местностях, видимо, продолжал преобладать простой обмен товара на товар. Ограниченное количество находок монет и монетных кладов в Албании, и особенно на ее дагестанской территории, утверждает наличие внутренней меновой торговли. Следовательно, широкая внешняя торговля была способна лишь частично поколебать прочные основы замкнутых общин Восточного Кавказа.

⁹⁰ Кудрявцев А. А. Великий город на Каспии, с. 19.

ПАМЯТНИКИ ЗОДЧЕСТВА КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ НА ВЕЛИКОМ ШЕЛКОВОМ ПУТИ

Многие достижения в изучении зодчества Кавказской Албании на Великом Шелковом пути были сделаны благодаря привлечению значительного количества архитектурно-археологических памятников.¹ В настоящее время все актуальнее становится задача комплексного изучения данного вопроса с привлечением всех имеющихся в распоряжении науки материалов.

Надо отметить, что на протяжении столетий политические события в Кавказской Албании всегда отражались на торговле Запада с восточными странами. Появление таких великих держав как Византийской и Сасанидской на стыке границы исторической Кавказской Албании послужило увертюрой ко многим политическим событиям Передней Азии, имевшим большое влияние на культурно-экономическую жизнь огромной части Ойкумены.² Удачно расположенная географически территория Кавказской Албании надолго стала театром военных действий между Востоком и Западом. В зависимости от политического климата на огромной территории двух великих держав — Византия и Сасанидский Иран, а также в пределах стран, зависящих или свободных от них, частично менялись и маршруты Великого Шелкового пути.³

С древнейших времен Кавказская Албания имела значительные экономические связи как с западным миром, так и с восточными цивилизациями.⁴ Для Запада это означало новые рынки сырья и сбыта, столь необходимые для развития существующего способа производства; для восточных стран открывалась перспектива приобщения к экономическим и культурным достижениям огромной части Ойкумены. В этих связях роль территории Кавказской Албании была двоякой. Объективно она являлась удобным проводником между восточными и западными соседями.

Уже в первые века нашей эры на территории северо-западной области Кавказской Албании четко прослеживаются торговые обмены между Индией и Китаем

1 **Карахмедова А. А.** Христианские памятники Кавказской Албании. — Баку: Элм, 1986. с. 28; **Керимов В., Стурфием Б.** Киш. — Баку: изд-во «Чашыюглу», 2003. с. 183, 73 илл.; **Мамедова Г. Г.** Зодчество Кавказской Албании. — Баку: изд-во, Чашыюглу, 2004. с. 224, 108 илл.

2 **Мамедова Ф. Дж.** Политическая история и историческая география Кавказской Албании. — Баку, 1986

3 **Левниатов В. Н.** Азербайджан с V века до н. э. по III в. н. э. // Известия АН Азерб. ССР, № 1, 1950. с. 65–92

4 **Геродот.** История / Перевод с греческого Ф. Г. Мищенко, г. I, с. 267, 268, 270. — М. 1888; **Тураев Б. А.** История Древнего Востока, II. — СПб. 1913, с. 235

с одной стороны, и Римской империей — с другой. В контактах Рима с Востоком в зависимости от сложившейся ситуации Кавказская Албания и страны Южного Кавказа играли более или менее значительную роль⁵.

Как было уже отмечено, географическое расположение Кавказской Албании позволило ей еще за шесть веков до начала регулярных торговых связей Римской империи с Востоком играть немаловажную роль в мировой торговле. По территории Кавказской Албании проходила часть Шелкового пути, что обусловило культурно-экономический подъем городов Албании. Появление особых экономических интересов политически обособляло Иберию и Армению от Кавказской Албании. Если Иберия и Армения тяготели к торговым путям из Переднего Востока в Малую Азию, то Кавказская Албания была органически связана с торговлей Востока и Ирана с Восточным и Северным Причерноморьем.

Свидетельством оживленной торговли, которую вела Кавказская Албания, является большое количество памятников архитектуры, которые были расположены в городах и на путях Великого Шелкового пути⁶. Если в I в. н.э., согласно сообщению античных авторов, в Кавказской Албании упоминаются несколько городов эллинистического периода, то уже в позднеантичный и период раннего средневековья наблюдается оживление городской жизни. В один ранг с античными городами ставятся города Партав, Гянджа, Нахчыван, Шемаха, Шамкир, Шабран, Шеки, Шатал, Бейлакан и др. В то же время строятся дороги и мосты, связывающие Кавказскую Албанию с Западом и Востоком. Вдоль Великого Шелкового пути на территории Албании возникают караван сараи, крепости, монастыри и церкви. Безусловно, активная градостроительная политика имела коммерческое значение. Города, которые были расположены на территории Албании, выполняли двойную роль в торговле, поскольку, с одной стороны, они связывали Кавказскую Албанию с Малой Азией, а с другой стороны, они являлись проводниками товаров из Переднего Востока на Запад и к южному побережью Черного моря. Активному сношению Кавказской Албании способствовало и албанское население. Импортная посуда, украшения и монеты, выявленные на территории Албании в ходе археологических раскопок, дают возможность проследить отзвуки торговли и культурного обмена Кавказской Албании с Малой Азией и Западом.⁷ Упомянутые города Албании играли также важную роль в торговле Сирии, Южной Месопотамии и Ирана с Малой Азией.

Переплетение политического и экономического соперничества наблюдалось и между буферными государствами Кавказской Албании. Например, такое соперничество существовало между Иберией и Арменией, выразившееся в стремлении прорваться к оживленным торговым путям, протянувшимся к югу от Куры. Эти буферные го-

5 **Плутарх.** Сравнительные жизнеописания, «Лукулл» / Перевод Латышева В. В. // ВДИ., № 4, 1947. с. 286

6 **Мамедова Г. Г.** Указ. соч., 2004

7 **Пахомов Е. А.** Обзор источников по истории Азерб. ССР (Источники, клинописные, греческие, римские (латиноязычные), византийские. — Баку, 1940

сударства не являлись лишь звеном в торговле через Албанию. Они также влияли на эту торговлю. Порой орудием в таком соперничестве служили кочевники.

Победа того или иного государства также сильно влияла на судьбу торговли, иногда являясь причиной спада одних и оживления других торговых путей не только на территории Кавказской Албании, но и далеко за ее пределами.

Таким образом, можно заключить, что период с середины I в. н. э. до VI в. н. э. был самым благоприятным и оживленным для северного торгового пути в Кавказской Албании.

Архитектурно-археологические исследования северо-западной области Кавказской Албании позволили выявить большое количество разновременных памятников.

В настоящее время более тщательному изучению подвергся Кишский комплекс, что позволило датировать его античным и позднеантичным периодом.

В 2004–2008 гг. были произведены разведочные работы на Кумском, Лекитском и Зейзитском храмах и прилегающей к ним территории. Археологические и архитектурные изыскания позволили датировать памятник V–VI вв. н. э.

Большой интерес представляют такие памятники, как Кильсадаг, Лекит и Мамрухский храмы, которые датируются I–VI вв. н. э. Еще ждут своего исследования монастырские комплексы Катук и Пипаны.

Вышеприведенные памятники зодчества северо-западной области Кавказской Албании показывают общность черт памятников Передней Азии и Южного Кавказа. Культовая архитектура Кавказской Албании античного и раннесредневекового периода возникла не вдруг, а построена на достижениях античного наследия. Известна устойчивость храмовых типов, святость и символическое значение форм. Албанские зодчие перерабатывали архитектуру старых храмов, например, храм Луны, находящийся в большой густонаселенной священной албанской области, храмы Гелиоса и Зевса (Кахский район).

Приведенные нами некоторые данные позволяют сделать следующие выводы. Выявленные архитектурно-археологические памятники на территории северо-западной области Кавказской Албании свидетельствуют не только о политической и духовной жизни, но и о коммерческой конкуренции в Южном Кавказе между Византией и Сасанидским Ираном. Факты оживленной градостроительной политики в Кавказской Албании, наличие импорта, обнаруженного в результате археологических раскопок в северо-западной области Албании и соседних странах, анализ выявленных предметов, а также данные о наличии оживленных торговых трасс, тянувшихся по всей территории Албании и соседних стран, и фактах вза-

имопроникновения купцов разных стран в отдаленные от родины пункты торгового пути свидетельствуют о возросшей роли Албании в сухопутной торговле Запада с Востоком с середины I в. н. э. до VI в. н. э. На этом же промежутке времени в северо-западной области Кавказской Албании мы встречаем большое количество архитектурных строений: монастыри, церкви, крепости, поселения, города, а также археологические материалы, в основном датирующиеся I–VI вв. н. э. Одновременно выясняется, что античные и раннесредневековые города в северо-западной области Кавказской Албании служат доказательством сухопутной торговли между Востоком и Западом. Пограничные для Запада и Востока города в силу своего географического положения и сложившейся политической ситуации превращаются в крупные экономические центры, а территория Кавказской Албании по тем же причинам становится удобным каналом торговых сношений между народами Запада и Востока.

Было бы неверно думать, что транзитная торговля играла исключительную роль в экономике Албании и стран Южного Кавказа. Эти страны и особенно Кавказская Албания, граничащая с Малой Азией и Ираном, вели также активную торговлю многими продуктами собственного рынка.

В настоящее время большая часть археологического материала в северо-западной области Кавказской Албании еще скрыта под землей, и многие спорные проблемы по поводу памятников материальной культуры Азербайджана пока окончательно не могут быть решены.

ПУТЬ В СЕРИНДИЮ: ИТИНЕРАРИЙ АПОЛЛОДОРА-СТРАБОНА И ПЕРИПЛ ЮЖНЫХ МОРЕЙ

Сухопутный путь на Восток открылся эллинам 1 октября 331 г. до н.э. В битве при Гавгамелах, что на северо-востоке Месопотамии, македонская фаланга окончательно разгромила персидское войско Дария Кадомана. Ахеменидская держава, простиравшаяся от Яксарта до Босфора, распалась. Начался поход Александра в глубины Азии. Вместе со сказочной добычей греки принесли в страны Средиземноморья огромный объём новой информации о почти неведомом им прежде мире, но освоить его смогли далеко не сразу; к тому же истинность рассказов спутников Александра не всегда впоследствии подтверждалась.

Первые сведения о серах содержатся в труде Аполлодора из Артемиды, жившего во второй половине II в. до н.э. Его сочинение сохранилось лишь в отрывках, изложенных в «Географии» Страбона (55 г. до н.э. – 21 г. н.э.). Аполлодор посвятил свой труд описанию Парфии и Бактрии, что было не случайно: его родина город Артемиды, расположенный восточнее Селевкии-на-Тигре, стоял на пересечении дорог, ведущих к парфянам и далее в Бактрию и Индию. Сам Аполлодор был близок к торговым кругам Селевкии и много путешествовал.¹ События, проходившие при его жизни, предопределили судьбу Селевкидской державы.

Доживало последние годы Греко-Бактрийское царство, ещё могущественное и ставшее союзником Селевкиды Деметрия Никатора в его борьбе с парфянами (139 г. до н.э.), но вскоре после 130 г. до н.э. рухнувшее под ударами кочевых племён. Парфия, государство, созданное иранскими кочевниками Прикаспия, воспринявшими затем эллинистическую культуру, была объектом пристального внимания не только эллинских политиков, но и эллинских купцов из Месопотамии и Сирии.

Аполлодор был хорошо осведомлён о событиях в восточной части эллинистической Ойкумены и его сведения, к сожалению отрывочные, заслуживают полного доверия. Вот как передаёт Страбон его рассказ: «Эллины, отделившие Бактрию, достигли такого могущества, что подчинили себе даже Ариану (т.е. Восточный Иран. — С.К.) и индийцев, как утверждает Аполлодор, и покорили большее число народов, чем сам Адександр... Вообще Бактрия, по словам Аполлодора, служит

1 Tarn W. The Greeks in Bactria and India. Cambridge, 1951. с. 44–45.

украшением всей Арианы, бактрийские цари простерли свои владения до серов и фринов (фрунов)».²

Итак, земли серов и фрунов, принадлежавшие в определенный период истории Греко-Бактрии, стали объектом завоевательной политики эллинских полководцев на Востоке.

Более обширные сведения о серах и фрунах (фунах, фаунах) появились в античных источниках лишь через два столетия, в трудах Помпония Мелы и Плиния Старшего (I в. н. э.). К этому времени уже более века функционировал сухопутный Великий Шелковый путь, товары по которому, вместе с рассказами о неведомых в Средиземноморье народах, везли купцы разных городов и племён. Рассказы, передаваемые из уст в уста, много теряли в точности, но немало приобретали в занимательности. Это обстоятельство заметил ещё Страбон, наиболее полно пересказавший ранние сведения об Индии и крайнем Востоке: «Известия наши об Индии читатель должен принимать снисходительно, потому что это — самая отдаленная страна, и только немногие лица посещали её. Другие, видевшие только части её, большей частью говорят по слуху... Вот почему об одном и том же сообщаются различные сведения... Если они так расходятся между собой относительно виденного, то что же следует думать о слышанном?»³

О существовании сухопутного пути из «страны серов» в Бактрию и далее, к берегам Средиземного моря впервые упоминается в труде, посвящённом не сухопутным, а морским путям на восток, к берегам Индии, Цейлона и Китая («страна Син»). Этот труд, «Перипл Эритрейского моря», написанный в конце I в. н. э. греческим мореплавателем из Александрии, достаточно ясно разделяет «страну Син» (собственно Китай) и «страну серов», расположенную севернее Индии.⁴

Помпоний Мела, уроженец Испании, написавший на латыни в 43 г. н. э. свой труд «О положении мира», не был путешественником. Его сообщения об Азии, так же как и рассказ Плиния Старшего в «Естественной истории», заимствованы из разных сочинений греческих и римских авторов, одно из которых — отрывки из периплов (описаний прибрежной части Ойкумены), а другие — фрагменты ранних итинерариев (дорожников), включающих немало фантастического. Согласно Помпонию «самыми восточными народами Азии являются инды, серы, и скифы».⁵ Серы живут между Индией и скифами, самыми северными из людей. «Первыми из людей, — пишет Плиний, — здесь живут те, которые называются серами. Они известны шерстью, производимой лесами: серую листву, смоченную водой, они расчесывают, тем самым доставляя нашим женщинам двойную работу — распутывать

2 Древние авторы о Средней Азии. — Ташкент, 1940. с. 98.

3 Античная география. Сост. М. С. Боднарский. — М., 1953. с. 162.

4 Псевдоарриан. Плавание вокруг Эгейского моря // Вестник древней истории. 1940. № 2. с. 264–281.

5 Античная география. с. 180.

нити и сплестать их снова, т.е. ткать. Так многообразен труд и так отдален район земного круга, используемый для того, чтобы матрона могла публично появляться в просвечивающих одеяниях». Грек из Александрии, Дионисий, написавший в стихах сочинение «Перизгеса ойкумены» (125 г. н.э.), по-своему дополняет Плиния: «По течению Яктарта (Сырдарья. — С.К.) обитают саки, носящие луки... (Далее) тохары, фруны и варварские народы серов — они... собирая пёстрые цветы в пустынной стране, изготавливают одежды искусные, знаменитые окраской, подобные цветам луговой травы; не напрасно бы с этим и труд пауков состязался».⁶

Тохары, фруны и серы во всех названных сочинениях упоминаются в различных сочетаниях как группа народов, населяющих одну страну, лежащую вблизи Бакстрии, но к востоку от Яксарта и севернее Индии (к северу от Гемодских гор, т.е. Гималаев). По основному населению ее называют страной серов, а ее главным богатством — шелк.

Поскольку фруны уже давно и основательно отождествлены с сюнну китайских источников, т.е. с гуннами, установившими свой контроль после 176 г. до н.э. более чем на два столетия над некоторыми городами-государствами Таримского бассейна, два из которых (Куча и Карашар) имели тохарское население, то отождествление страны с Восточным Туркестаном представляется достаточно убедительным.⁷

Сохранился единственный античный итинерарий, подробно описавший путь в эту страну. В самом начале I в. н.э. греческий географ из Тира — Марин тщательно исследовал и свел воедино множество маршрутных сведений, полученных благодаря морской и сухопутной торговле. Его труд не сохранился, но великий астроном и географ, работавший в Александрии, Клавдий Птолемей (70–147 гг. н.э.), подробно и обстоятельно использовал в своем «Руководстве по географии» труд Марина. В частности, ссылаясь на запись Марина, Птолемей приводит измерение пути в страну серов: «Марин сообщает, что записал эти измерения некто Май, которого звали также Тициан, македонянин и потомственный купец, не ездивший, однако, в страну серов сам, а посылавший туда людей».⁸

Путь, по которому прошли люди Мая Тициана, функционировал уже давно — по некоторым подсчетам, с 119 г. н.э. По мнению ряда ученых, Май использовал не только сообщения своих людей, но и письменные руководства, в частности, некий китайско-иранский путеводитель.⁹ Путь Мая Тициана — это античный вариант описания Великого Шелкового пути.

6 Пьянков И. В. Восточный Туркестан в свете античных источников // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. — М., 1986. с. 8–9.

7 О гуннах в Восточном Туркестане см.; Кляшторный С. Г. Гуннская держава на востоке // История древнего мира. — М., 1989. Т. 3.

8 Античная география. с. 299, 301.

9 Пьянков И. В. Восточный Туркестан в свете античных источников. с. 21.

Возможно, еще до путешествия агентов Мая Тициана были составлены какие-то иные, доступные Птолемею, описания или свидетельства морских и сухопутных путешествий в страну серов. На некоторых неназванных путешественников ссылается Птолемей: «Они говорят, что выше (т. е. севернее — С. К.) синов (т. е. собственно Китая — С. К.) находится страна и столица серов, а к востоку от них болотистые озера, на которых растет высокий тростник... И, что оттуда дорога ведет не только на Бактриану через Каменную башню, но и на Индию через Палимбофры»¹⁰.

Путь, извлеченный Марином из дорожника Мая, начинался у переправы через Евфрат возле римского пограничного города Гиераполя и далее делился на две части: от Гиераполя до Каменной башни и от Каменной башни до столицы страны серов, города Серы. И Марин, и Птолемей использовали дорожник Мая только как материал для измерений и составления карты. Первый участок пути, известный и по другим описаниям, вел в Бактриану, а затем — в горную страну комедов (современный Каратегин, от Оби-Гарма до Дарауткурмана). Оттуда дорога вела прямо к Каменной башне, к Каратегинскому ущелью, близ современного Дарауткурмана в Алайской долине, где археологи обнаружили каменные фундаменты предкушанского и кушанского времени¹¹. Другая ветвь маршрута вела к «стоянке торговцев» и в «область Касия», т. е. в Кашгар. В этом случае «стоянка торговцев» была расположена в районе Иркештама. О дальнейшем пути у Птолемея сведений содержится немного: «Серика ограничена на западе Скифией, лежащей по ту сторону горы Имай... на севере неизвестной землей..., на востоке неизвестной землей...; на юге остальной частью Индии... и затем областью синов...»¹². Далее упомянуты племена, населявшие Серику и 15 ее городов, включая столицу — город Сера.

Другими оригинальными сообщениями, относящимися к той эпохе и касающимися Восточного Туркестана, античная историографическая и географическая литература не располагают.

Вернемся, однако, к иным вариантам Великого Шелкового пути, связанным с южными морями. Вплоть до настоящего времени почти не учитывается индийский фактор в развитии трансконтинентального торгового и культурного общения. Первый ощутимый контакт двух суперцивилизаций, дальневосточной и средиземноморской, стал подлинно глобальным в рамках античного и средневекового миров только тогда, когда его посредствующим звеном, наряду с Центральной Азией, стала Индия. Инициатором движения на восток стал на Западе эллинский мир восточного Средиземноморья, проложивший сухопутные и морские маршруты в долины Инда и Ганга. Инициатором движения на Запад стала на Востоке империя Хань, политические интересы и культурные импульсы которой застави-

10 Античная география. с. 300.

11 Историко-археологические очерки Тянь-Шаня и Памиро-Алая. — М., 1952. с. 205–207.

12 Античная география. с. 301

ли владельцев Поднебесной испытывать судьбу и в центральноазиатских пустынях, и в южных морях. Обе цивилизации открылись друг другу на сомкнувшихся путях в Индии и в прилегающих к ней странах. Вместе с Индией и через нее равноправным участником контакта стала вся южноазиатская цивилизация, континентальная и островная, внесшая в тогдашнюю ойкуменальную культуру мощное влияние буддизма. Индия связала воедино пучок сухопутных и морских трасс, образовавших дугу стабильных и долговременных контактов — первый прообраз объединенного мира будущего, своего рода эфемерного античного глобализма.

Первой проблемой, касающейся места и роли Индии в торговом обмене между странами Средиземноморья и Восточной Азией, все еще остается датировка начального этапа индо-средиземноморской и индо-дальневосточной торговли. Относящиеся к до-эллинистической эпохе свидетельства о прямых контактах Индии с иными цивилизациями весьма неопределенны: а) рассказ одной из ранних джатак о кораблях, плавающих из Бхригукаччи (Баригаза) в страну Баверу (Вавилон); смутные свидетельства Библии о поступлении в Иудею, вероятно через посредство финикийцев, некоторых продуктов явно индийского происхождения; б) индийские литературные сюжеты, появившиеся в Китае, по мнению некоторых синологов, уже в VI–III вв. до н. э. Этот интеллектуальный прорыв относят за счет функционирования бирманской сухопутно-морской трассы.

Исторически засвидетельствованный контакт Индии со странами Средиземноморья относят ко времени Александра Македонского. Сближение обоих регионов получило развитие в эллинистическую эпоху. Наиболее показательным проявлением существования морской трассы стало возвращение из Индии в Персидский залив флота Неарха. Распад Македонской державы, войны Селевкидов и Парфии с Греко-Бактрией сделали для последней актуальным поиск морского пути в Средиземноморье через Пенджаб (походы Деметрия, Аполлодора, Менандра, Евкратида и Гелиокла). Не менее активно использовали морской путь селевкидские цари, во всяком случае после 305 г. до н. э.: миссия Мегасфена в Патилипутре; переписка Биндусара с Антиохом Сирийским; высокий уровень информированности Ашоки о делах в Египте и Греции. Вместе с тем, уже во время похода Александра греки познакомились в Индии с «серскими тканями».

Подлинный расцвет античной торговли между Восточной Азией и Средиземноморьем через Индию приходится на римскую эпоху, о чем свидетельствуют три основных источника, относящиеся к одному времени — первому веку по Р. Х.: китайская историческая хроника «Цянь Ханьшу»; палийское сочинение «Вопросы Милинды», созданное в Индии, и уже упомянутый «Перипл Эритрейского моря», труд греческого навигатора из эллинистического Египта.

Согласно имеющимся свидетельствам, к началу новой эры функционировали следующие трассы Великого Шелкового пути: *из Китая в Индию* а) сухопутная доро-

га через Бирму с дальнейшей перегрузкой на корабли и плаванием к устью Ганга; б) путь из Сычуани, через Тибет и Карокорумский перевал в Ладак; в) путь через Восточный Туркестан и Карокорум в Ладак с выходом в долину Ганга (путь Фа Сяня, 399 г.) и через Таксилу в долину Инда; г) путь через Бактрию (Тохаристан), Гандхару, Таксилу, в долину Инда и верховья Ганга (путь Сюань Цзана, 629 г.); д) морской путь из Юэ (Гуаньчжоу) в дельту Ганга («Гангское царство») и далее сухопутной и морской дорогой, в долину Инда или морским путем в «государство Уишаньли» (Александрия Египетская).

Пути из Индии в Средиземноморье: согласно «Периплу Эритрейского моря» и более поздним свидетельствам основной базой морской торговли Индии с Египтом и Сирией был порт Баригаза (Камбейский залив) и отчасти Барбарикон (в устье Инда). Значимость обоих портов, несмотря на ряд неудобств для навигации, сохранялась до начала XVII в. Реальная оценка их роли на сухопутных и, в особенности, морских трассах Великого Шелкового пути возможна лишь после детального изучения.

Ныне преобладает весьма узкое и одностороннее понимание проблемы Великого Шелкового Пути, сложившееся еще в конце XIX – начале XX вв. под влиянием неожиданных и подлинно великих археологических открытий в Центральной Азии. Но теперь пришло время для иного, более многообразного понимания темы, иной философии восприятия евразийского глобализма античного мира, который я бы обозначил девизом «Великая дуга цивилизаций».

УЧАСТИЕ АНТИЧНОЙ АЛБАНИИ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛЕ

Основной целью статьи является исследование функционирования участка так называемой «дороги Страбона» на территории античной Албании.

Как известно, возможностью международной торговли по Каспийскому морю интересовался еще Александр Македонский. По его указанию началась подготовка экспедиции во главе с Гераклидом, но преждевременная смерть Александра (323 г. до н. э.) приостановила эти работы (Арт., VII, 16, 1). Обследование Каспийского моря было проведено селевкидским военачальником Патроклом лишь спустя 40 лет (283–282 гг. до н. э.). Подробные сообщения античных авторов о Каспийском море появились именно после этой исследовательской экспедиции. К сожалению, труд Патрокла до нас не дошел. Однако отчетом Патрокла во время кавказского похода пользовался Помпей, данные Патрокла легли в основу трудов Эратосфена и Аристубула (Strabo XI, VII, 3). Агриппа (Plin., VI, 13 (§ 36–38), Марин Тирский и Птолемей при составлении своих карт руководствовались сведениями из путевого отчета Патрокла. Страбон (Strabo XI, 7, 3) и Плиний (Plin., VI, 17) также неоднократно ссылаются на Патрокла.

Рассмотрим некоторые данные о международном торговом пути, сохранившиеся у античных авторов.

Страбон пишет: «Аристубул... объявляет Окс самой большой из виденных им в Азии рек, кроме индийских. По его словам, эта река судоходна (и он, и Эратосфен заимствовали это известие у Патрокла) и много индийских товаров привозят вниз по ее течению в Гирканское море; оттуда их переправляют в Албанию и через реку Кир и следующие затем местности доставляют в Эвксинский Понт» (Strabo XI, VII, 3). Судя по отчету Патрокла, по судоходному Оксу можно «перевезти индийские товары и с легкостью спустить их [сначала.] до Гирканского моря, а затем поочередно через реки и до Понта» (Strabo II, 1, 15). Страбон также сообщает, что Кура имеет сильное течение, принимает еще много других рек и впадает в Каспийское море. Из притоков Куры, по-видимому, левобережных, он называет Алазоний (совр. Алазань) и еще три других. По его данным, «все они судоходны». Однако далее Страбон пишет, что устье Куры «разделилось на 12 рукавов; одни занесены илом, а другие мелки и не могут служить стоянкою для судов» (Strabo XI, 4, 2). Он объясняет, что русло заполнено обильным илом и вследствие этого

«островки [в устьях.] соединяются с материком и образуют непостоянные мели». Наносы ила, продолжает Страбон, образуют покрытый дюнами берег, поэтому «вся эта часть [побережья.] неприступна» (Strabo XI, 3, 2), т. е. недоступна судам.

Вслед за Страбоном, сообщение о существовании 12 рукавов реки Куры приводит Аппиан, который, однако, отмечает, что все они судоходны (Митридатовы войны, 103).

У Гая Плиния Секунда, по словам Марка Терренция Варрона (I в. до н. э.), также сохранились данные о том, что «индийские товары, перевезенные через Каспий в Куру, могут быть доставлены не более как в пять дней сухим путем до Фасиса, который впадает в Понт» (Plin., VI, 17 (§ 52)).

По сведениям Помпония Мелы, Каспийское море «свирепо и бурно, лишено гаваней, со всех сторон открыто бурям, более других кишит морскими чудовищами и поэтому менее посещается мореплавателями» (Pomp. Mela, III, 5, 38).

Следует также упомянуть данные, сохранившиеся в сочинении Гая Юлия Солина «Сборник достопримечательностей» (первая половина III в. н. э.), представляющем собой компиляцию из произведений Плиния, Мелы, а также недошедшего до нас сочинения Варрона.¹ Солин, правда весьма запутанно, сообщает об античном пути из Индии в Понт — по Оксу через Каспийское море к Куре, от верховьев Куры сухим путем к Фасису и далее по Фасису в Черное море (XIX, 4–5).

Однако приведенные сведения о водно-сухопутном торговом пути из Индии в Понт вызвали неоднозначные мнения у многих исследователей. Часть исследователей полагали, что этот торговый путь существовал в действительности (Фр. Крузе,² Р.М. Ваидов,³ З.И. Ямпольский,⁴ Т.И. Голубкина, М.М. Расулова⁵ и др.). Но некоторые историки (в частности, В.В. Бартольд,⁶ Я.А. Манандян,⁷ Д.О. Томсон, В.В. Тарн, К.В. Тревер) отрицали его существование. Так, В.В. Тарн, а вслед за ним и К.В. Тревер, предполагали, что вышеуказанные сообщения в трудах античных авторов являются лишь отголосками обсуждения в свое время возможно-

1 **Алиев Кемал.** Античные источники по истории Азербайджана. — Баку, 1986. С 9.

2 **Крузе Ф.** О важности южно-кавказских областей России в отношении антикварном и о Птолемея, главном писателе в рассуждении географии сей страны // Журнал Министерства Народного Просвещения. Ч. 5, 1835. с. 426.

3 **Vahidov R. M.** Mingəsevir III–VII əsrlərdə. — Bakı, 1961.

4 **Ямпольский З. И.** К изучению древнего пути из Каспийского моря по реке Куре через Грузию к Черному морю // Труды Института истории им. И. А. Джавахишвили АН Грузинской ССР. Т. II. — Тбилиси, 1956. с. 161–180.

5 **Голубкина Т. И., Расулова М. М.** О связях древних кавказских албанцев со странами древнего мира (по материалам кувшинных погребений) // Ученые записки АГУ, серия истории и философии, 1966. № 6; **Голубкина Т. И., Расулова М. М.** О связях древних кавказских албанцев со странами древнего мира (по материалам кувшинных погребений). Ученые записки АГУ, серия истории и философии, 1967, № 3; ее же: Связи Кавказской Албании с античным миром в IV в. до н. э. — III в. н. э. (торгово-экономические и культурные). Автореф. Дисс... к. и. н. — Баку, 1969

6 **Бартольд В. В.** Сведения об Аральском море и низовьях Амударьи с древнейших времен до XVII века /// Изв. ТОИР-ГО, т. IV / Научные результаты Аральской экспедиции, вып. 2. — Ташкент, 1922. с. 19; его же: Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. — Баку, 1924. с. 11–12.

7 **Манандян Я. А.** О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен (V в. до н. э. — XV в. н. э.). — Ереван, 1954. с. 56–60.

сти перевозки товаров из Индии в Черное море, а не фактом действующей транспортной индийских товаров.⁸ Некоторые исследователи основывались при этом на данных Страбона о непроходимых рукавах Куры, а также Мелы — о трудностях мореплавания по Каспийскому морю. Однако историки полагают, что указанные описания побережья сделаны, очевидно, на основании отчетов Патрокла и относятся к III в. до н. э.⁹ Другие исследователи, отрицая существование этого пути, ссылались на сообщение Страбона о том, что албаны, не имея «склонности к торговле, не употребляли по большей части монет, не зная счета дальше сотни, и вели меновую торговлю» (Strabo XI, 4, 4), которое, вероятно, относится к IV–III вв. до н. э.

В связи с последним сообщением следует отметить, что о наличии торговых сношений албан с эллинистическим миром свидетельствуют именно нумизматические данные. В районе Барды был найден клад македонских и селевкидских тетрадрахм II в. до н. э.¹⁰ Крупный клад (свыше 700 монет), в котором имелись монеты Александра Македонского, царя Фракии Лисимаха (323–281 гг. до н. э.), большое количество селевкидских монет II в. до н. э., несколько парфянских монет и тетрадрахм Греко-Бактрийского царства III–II в. до н. э., обнаружен в Кабале.¹¹ По мнению исследователей, уже с первой половины III в. до н. э. с целью удовлетворения потребностей внутреннего рынка в Албании была начата чеканка серебряных монет-подражаний.¹² К эллинистическому периоду относятся клады с монетами-подражаниями драхмам и тетрадрахмам Александра Македонского и Лисимаха, обнаруженные в Кабале, село Ньюди (Ахсуинский район)¹³ и Хыныслы (Шемахинский район).¹⁴ Эти клады и чеканка монет-подражаний свидетельствуют о широких торговых связях Албании с эллинистическим миром в III–II вв. до н. э.

Спустя некоторое время после греков римские купцы также стремились освоить торговые пути, связывавшие Средиземное и Черное моря с Каспийским морем. Латинская надпись I в. н. э. на подножье горы Беюкдаш в Гобустане (у побережья Каспийского моря),¹⁵ возможно, свидетельствует о желании римлян в период правления императора Домициана взять под контроль одно из ответвлений Великого Шелкового пути, проходившее через Албанию, и вступить в торговые сношения с областями Средней Азии в обход территории Парфии. Следует отметить и обнаруженную у села Беюк Дегне (Шекинский район) греческую надпись

8 Tarn W. W. *The Greeks in Bactria and India*. Cambridge, 1938, p. 488; Тревер К. В. *Очерки по истории и культуре Кавказской Албании (IV в. до н. э. – VII в. н. э.)*. — М. -Л., 1959. с. 43–44.

9 Тревер К. В. *Очерки по истории и культуре Кавказской Албании*, с. 42.

10 Пахомов Е. А. *Клады Азербайджана и других республик и краев Кавказа*. Вып. II/ — Баку, 1938. с. 9, №№ 313, 314.

11 Бабаев И. А., Казиев С. М. Кабалинский клад монет эллинистической эпохи // *Нумизматика и эпиграфика*. Т. IX. с. 16–32.

12 Там же; Османов Ф. *История и культура Кавказской Албании IV в. до н. э. – III в. н. э.* (на основании археологических материалов). — Баку, 2006. с. 233.

13 Османов Ф. Л. *Раскопки античного некрополя у с. Ньюди // Археологические открытия 1972 г.* — М., 1973. с. 441–442; Османов Ф. *История и культура Кавказской Албании*, с. 207.

14 Пахомов Е. А. *Античные монеты Албании (в пределах Азерб. ССР) // Вопросы истории Кавказской Албании.* — Баку, 1962. с. 106–112.

15 Джафарзаде И. М. *Древнелатинская надпись у подошвы горы Беюк-даш // ДАН Азерб. ССР, № 7, 1948.*

на камне, датируемую I–II вв. н.э.¹⁶ В нескольких десятках километров от Беюк Дегне возле села Нидж (Кабалинский район) найдены кирпичи с греческими надписями,¹⁷ свидетельствующими о заинтересованности греческих и римских купцов в торговле с Востоком. Не менее остро в новых рынках сбыта нуждались и восточные купцы. С этим и была связана прокладка Великого Шелкового пути, связавшего Восток с Западом. Одно (а, возможно, и несколько) из ответвлений этого пути, вероятно, проходило через Албанию.

Римские монеты I в. до н.э. – II в. н.э. (как республиканские, так и имперские) были обнаружены в Мингечауре,¹⁸ Барде,¹⁹ а также в местечке Оренкала у села Тазакенд (Бейлаганский район).²⁰ Аршакидские монеты того же периода были выявлены во время раскопок в Мингечауре, в Барде, в Гяндже, в селе Хыныслы (Шемахинский район), Калагях (Исмаиллинский район),²¹ Чухур-Юрт (Шемахинский район),²² Насимикенд (Сабирабадский район)²³ и Гарадонлу (Имишлинский район). Следует отметить, что аршакидские драхмы того же периода, обнаруженные в большом количестве на территории Албании, превалируют среди других монет.²⁴ Эти находки говорят об интенсивных торговых связях Албании с Парфией и областями Римской империи в I в. до н.э. – II в. н.э.

О связях Албании с античным миром свидетельствуют также и археологические данные. На ее территории обнаружено большое количество стеклянных изделий, относящихся к античному периоду. Эти находки, в частности, круглодонные, вазоподобные и колбоподобные сосуды, украшенные наклепным орнаментом, плоскодонные стаканы, сосуды для духов и т.п., завозились сюда из других стран. Анализ этих изделий позволяет прийти к выводу о том, что они относятся к восточносредиземноморской типологической группе.²⁵ Привлекает внимание и привозная глазурированная голубовато-зеленая амфора, обнаруженная близ Гянджи. В местечке Гара-каха у с. Зерти (Лачинский район) найден привозной бронзовый подсвечник с изображением усатой и бородатой маски с открытым ртом. Такие маски были распространены в Риме, особенно в его сирийской провинции, во второй половине I в. н.э. – первой половине II в. н.э.²⁶ К этому же времени от-

16 **Реслер Э.** Отчет о поездке в дер. Беюк-Дегне Нухинского уезда Елисаветпольской губернии и раскопки, произведенные там // Доклады Археологического Комитета, № 66, 1902.

17 Протоколы заседаний Азербайджанского Археологического Комитета. Вып. II. — Баку, 1936. с. 87.

18 **Пахомов Е. А.** Монеты Мингечаура // МКА. Т. II, 1951. с. 143–144; **С. М. Казиев.** Новые археологические находки в Мингечауре в 1949 г. // Изв. АН Азерб. ССР, № 9, 1952. с. 92.

19 **Пахомов Е. А.** Клады Азербайджана и других республик и краев Кавказа. Вып. II. с. 1.

20 *Azərbaycan tarixi (yeddı cıddə).* с. 1. — Баку, 1998, səh. 355–359.

21 **Пахомов Е. А.** О раскопках в 1938 г. // Изв. Азерб. ФАН СССР, № 3, 1939. с. 71; **Пахомов Е. А.** Монеты Мингечаура, с. 145, сл.

22 **Пахомов Е. А.** Клады Азербайджана и других республик и краев Кавказа. Вып. II; вып. III. — Баку, 1940. с. 12; с. 26–27.

23 **Голенко К. В., Раджабли А. М.** Али-Байрамлинский клад и некоторые вопросы обращения парфянских монет в Закавказье // ВДИ, № 2, 1975.

24 **Пахомов Е. А.** Монетные клады Азербайджана. Вып. I // Труды Общества обследования и изучения Азербайджана, вып. 3. — Баку, 1926. с. 17.

25 **Ашурбейли С. Б.** Ремесло и торговля раннесредневековых городов Азербайджана // Материалы по истории Азербайджана. Т. II. — Баку, 1957. с. 162; **Нуриев А. Б.** Стеклянные изделия и их производство в Кавказской Албании. Автореф. Дисс... к. и. н. — Баку, 1966. с. 16.

26 **Алиев К.** Античная Кавказская Албания. — Баку, 1992. с. 133.

носятся обнаруженные в Мингечауре, а также в селе Гарамарьям (Гейчайский район) и Рустов (Кубинский район) серебряные чаши, привезенные из римских провинций.²⁷ Эти находки свидетельствуют о наличии торговых связей античной Албании со странами Ближнего Востока, в частности с Сирией.

Среди привозных изделий, большинство из которых обнаружено в Мингечауре, Гяндже, Хыныслы (Шемахинский район), Торпагале (Кахский район) и т. д., имеется также глиптика. Это распространенные в древности на обширной территории глиняные буллы и халцедоновые геммы-инталии с различными изображениями. Некоторые исследователи связывают широкое распространение этих гемм на территории античной Албании с походами римских войск в I в. до н. э., так как они завозились сюда из греко-римских областей, однако полагают, что небольшая часть их была произведена местными мастерами в качестве подражаний привозным образцам.²⁸

В Мингечауре обнаружены серебряные серьги в виде колец с подвешенными пирамидками из зерна пшеницы, характерные для античного периода Мцхеты, Гарни и Дура-Европоса. Они попали на территорию Кавказской Албании, несомненно, в результате торговли.²⁹ В Мингечауре, Ялойлутепе (Кабалинский район) и Борсунлу (Геранбойский район)³⁰ археологи обнаружили большое количество привозных бус из греческих колоний Причерноморья, Рима, Сирии, Египта, а также из Индии,³¹ датируемых III–I вв. до н. э. В Мингечауре и Хыныслы (Шемахинский район) найдено также большое количество амулетов в форме скарабеев из Египта и украшений, изготовленных в Сирии и Финикии.³²

Все вышеприведенные артефакты а также выявленные археологами в Мингечауре образцы китайской шелковой ткани,³³ свидетельствуют в пользу наличия широких торговых связей между албанами и населением Передней Азии и реального функционирования торгового пути между Востоком и античным миром, одно из ответвлений которого пролегало через территорию Албании.³⁴ течению в Гирканское море; оттуда их переправляют в Албанию и через реку Кир и следующие затем местности доставляют [разрядка моя — Р. М.] в Эвксинский Понт»

27 Там же, с. 134.

28 **Вандов Р. М.** Археологические работы в Мингечауре в 1950 г. // КСИИМК. Вып. XVI. — М., 1952. с. 98; он же. Раннесредневековое городище Судагылан (Мингечаур) // КСИИМК. Вып. 54. — М., 1954. с. 137; **Асланов Г. М.** К изучению раннесредневековых памятников Мингечаура // КСИИМК. Вып. 60. — М., 1955. с. 63–72; **Vahidov R. M.** Mingəçevir III–VII əsrlərdə, səh. 63–66; **Бабаев И. А.** Памятники глиптики Азербайджана античной эпохи и раннего средневековья. Автореф. Дисс. к. и. н. — Баку, 1965. с. 12–13; **Алиев К.** Античная Кавказская Албания, с. 131–132.

29 Azərbaycan tarixi (yeddi cildə). c. 1, səh. 352.

30 **Гошгарлы Г., Мусебли Н., Ашуров С.** Борсунлинский курган. — Баку, 2002. с. 28–30.

31 Там же, с. 30; **Османов Ф.** История и культура Кавказской Албании, с. 255.

32 **Османов Ф.** История и культура Кавказской Албании, с. 255.

33 **Vahidov R. M.** Mingəçevir III–VII əsrlərdə, səh. 90, 130.

34 Ср. сообщение Аристовула, сохранившееся у Страбона: «много индийских товаров привозят вниз по ее [Окса — Р. М.] течению в Гирканское море; оттуда их переправляют в Албанию и через реку Кир и следующие затем местности доставляют [разрядка моя — Р. М.] в Эвксинский Понт» (Strabo XI, VII, 3). Таким образом, все глаголы в сообщении Аристовула, очевидно, указывают на реальное, а не предполагаемое функционирование этого международного водно-сухопутного пути.

(Strabo XI, VII, 3). Таким образом, все глаголы в сообщении Ариостобула, очевидно, указывают на реальное, а не предполагаемое функционирование этого международного водно-сухопутного пути.]

Теперь перейдем к рассмотрению некоторых племен античной Албании, которые обитали вдоль международного водно-сухопутного пути между Востоком и Западом и могли бы принимать участие в этой торговле.

Каспии. Племя каспиев, обитавшее вдоль юго-западного побережья Каспийского моря, упоминается в целом ряде античных и древневосточных источников. В Египте найдены арамейские папирусы ахеменидского времени, датируемые V в. до н.э.³⁵ В папирусах, обнаруженных в Саккаре (Мемфис),³⁶ где находился арсенал по сооружению военных кораблей для персидского флота, имеются сведения о том, что здесь работали и каспии.³⁷

Геродот упоминает каспиев в XI и XV округах Ахеменидской державы, отмечая в XV округе рядом с каспиями и саков (Her., III, 93). Описывая одежду и вооружение каспиев, он сообщает: «Каспии были одеты в хитоны из шерсти, имели туземные луки из тростника и акинаки» (Her., VII, 67).

По данным Страбона, каспии были одним из прикаспийских племен (Strabo XI, IV, 5, 15; XI, VIII, 6; XI, XI, 3, 8). Каспиев Страбон упоминает по соседству с албанами, а также с витиями, занимавшими правобережье Куры (Strabo XI, XI, 3). Страбон также сообщает: «К области албанцев принадлежит и область Каспиана, названная так по исчезнувшему теперь племени, именем которого названо и море» (Strabo XI, IV, 5). Отмеченный выше факт, что каспии находились в далеком Мемфисе в качестве кораблестроителей, является важным для понимания того, почему море, у которого они обитали, было названо именно Каспийским. Очевидно, что каспии, жившие на побережье Каспийского моря и бывшие, как мы знаем из мемфисских папирусов, искусными кораблестроителями, были не менее опытными мореходами.

С упоминанием каспиев мы сталкиваемся также в произведениях римского поэта Публия Овидия Назона (нач. I в. н.э.).³⁸ Особенно интересны сообщения Овидия об одрисском городе-крепости Эгис (Ovid., Ep., I, 8, 11–19; IV, 7, 9–15, pass.; IV, 9, 77, pass.; Notit. Lignit., 39, 9; Itiner. Anton., 226, 2), расположенном в нижнем течении Дуная (у совр. г. Тулча в Румынии). Основание этой крепости, по легенде, бытующей среди местных жителей, было связано с каспием по имени Эгис (Caspios Aegisos). Как кажется, эту эпонимическую легенду можно связать с событиями,

35 Подробнее об арамейских папирусах из Египта см.: Рауф М. Этническая картина Азербайджана в период ахеменидского владычества (VI–IV вв. до н.э.). — Баку, 2003. с. 91, прим. 1.

36 Aimé-Giron M. N. Textes araméens d'Égypte. — Le Caire, 1931.

37 Ibid., pp. 58–62.

38 Подосинов А. В. Овидий и Причерноморье: опыт источниковедческого анализа поэтического текста // Древнейшие государства на территории СССР / Материалы и исследования 1983 г. — М., 1984. с. 36, 40, 41.

имевшими место во время похода Дария I против причерноморских скифов (Her., IV, 1), который датируется 516–512 гг. до н. э.³⁹ В связи с этим представляет интерес упоминание Геродотом племени сигиннов, обитавших у Нижнего Дуная. Геродот сообщает, что они одеваются в мидийскую одежду, разводят низкорослых длинношерстных коней и считают себя потомками мидийских переселенцев (Her., V, 9). Свидетельство Геродота относится к середине V в. до н. э., т. е. по времени относительно недалеко отстоит от скифского похода Дария I. Возможно, эти сведения сигнализируют о существовании каких-то торговых связей между каспиями и населением придунайских районов еще в V в. до н. э.

Ссылаясь на Эратосфена Страбон пишет, что «местные жители называют Кавказ Каспием, может быть от имени [племени.] каспиев» (Strabo XI, IV, 15). Следует также отметить, что в Восточной Грузии с раннего средневековья⁴⁰ и в течение длительного времени в источниках фиксируются крепость и область Каспи. Еще З. И. Ямпольский связывал название города Каспи с этнонимом племени каспиев.⁴¹ Кстати, в конце I – начале II вв. Иосиф Флавий (Ios. Fl., «Иудейские древности», XVIII, 4, 4) и Корнелий Тацит (Tac., Ann., VI, 33) называли Дарьяльское ущелье соответственно «Каспийским проходом» и «Каспийской дорогой». По-видимому, в древности каспии были расселены на более обширной территории, которая к раннему средневековью ограничилась лишь областью Пайтакаран.

Таким образом, по источникам племя каспиев известно с V в. до н. э. Хотя Страбон сообщает, что к его времени племя каспиев уже исчезло, однако еще в конце III в. н. э. в области Пайтакаран существовала страна Казбик (Kaspik), очевидно, связанная с племенем каспиев.⁴² По мнению некоторых историков, еще в VII в. н. э. каспии жили по соседству с утиями в области Пайтакаран (до устья Аракса).⁴³

Данные источников свидетельствуют о существовании в области Каспиана, по крайней мере, одного довольно крупного города. В местности Оренкала в Мильской степи (Бейлаганский район) раскопано Тазакендское городище, расположенное на двух холмах, окруженных рвами. Это городище, датируемое керамикой, монетными и другими находками IV в. до н. э. – I в. н. э., отождествляется с древним городом Пайтакаран,⁴⁴ упоминаемым в источниках начала нашей эры.

Подробные сведения о занятиях каспиев сохранились у Ктесия и Клавдия Элиана.

39 Меликов Р. Этническая картина Азербайджана в период ахеменидского владычества, с. 106–108.

40 См.: Мровели Л. Жизнь картлийских царей / Перевод с древнегрузинского, предисловие и комментарии Г. В. Цулая. – М., 1979. с. 24, 28.

41 Ямпольский З. И. Каспи Грузии и этно-топонимические закономерности // Археологические памятники феодальной Грузии. Т. II. – Тбилиси, 1974. с. 273–274.

42 Eilers W. Geographische Namengebung in und um Iran. Ein Überblick in Beispielen. – München, 1982. S. 18.

43 Neumann K. J. Die Fahrt des Patrokles auf dem Kaspischen Meere und der alte Lauf des Oxos. – «Hermes», Bd. XIX, N. 2, 1884. S. 172–173.

44 Йессен А. А. Из исторического прошлого Мильско-Карабахской степи // МИА, № 125 / Труды Азербайджанской археологической экспедиции. Т. I, 1956–1960 гг. – М. -Л., 1965. с. 33–34; Щерблякин И. П. Части старых колонн, найденные в районе Орен-Кала и Нахичеванской АССР // ДАН Азерб. ССР, № 6, 1946.

Ктесий упоминает рыбу «оксиринос» (в переводе — «остроносая»),⁴⁵ водившуюся в Каспийском море, а также безрогих коз и верблюдов, которых разводили каспии.⁴⁶

Элиан рассказывает: «Я слышал, что в Каспийской земле есть огромное озеро, в котором водятся большие рыбы, называемые «остроносыми». Они достигают восьми локтей длины. Каспии ловят их, посыпают солью и приготавливают соленье или сушат, [затем.] навьючивают на верблюдов и везут в Экбатаны. Вырезав жир из этих рыб, они делают из него мазь, и соленье продают, а рыбьим маслом, очень жирным и не вонючим, мажутся. Внутренности рыб они вынимают, варят и выделывают из них клей, очень годный к употреблению: он все склеивает очень крепко, держится [на всем.] к чему прилипнет, и очень прозрачен на вид. Он так скрепляет все, что им склеят, что если даже мочить его десять дней, он не распустится и не отстанет. Даже мастера изделий из слоновой кости употребляют его и выделывают прекраснейшие вещи» (Элиан. О животных, XVII, 32). Упоминание в сообщении Элиана факта употребления осетрового клея мастерами по слоновой кости свидетельствует о связях каспиев с Индией.

Элиан также сообщает, что в каспийской земле имеется много стад быков и табунов лошадей (Элиан. О животных, XVII, 17). Он сообщает и о разведении каспиями коз: «Козы каспиев очень белы, рогов не имеют, ростом малы и тупоносы» (О животных, XVII, 34). Большое значение в хозяйстве имели верблюды, которых у каспиев «имелось большое количество», но они были малорослыми — «самые крупные из них [достигают величины.] самых больших лошадей». Шерсть этих верблюдов «очень нежна, так что по мягкости не уступает даже милетской шерсти», «жрецы носят одежды [сотканные.] из нее, а также самые богатые и знатные из каспиев» (Элиан. О животных, XVII, 34).

Таким образом, каспии торговали верблюжьей шерстью и сотканной из нее одеждой, вяленой рыбой, маслом и мазью для смазывания тела, осетровым клеем, а также, возможно, бычьей кожей и верховыми лошадьми.

Скифы (саки, сакесины, ортокорибантии). Судя по древневосточным источникам, в 70-е гг. VII в. до н. э. на Южном Кавказе было основано Скифское царство. Источники свидетельствуют о гегемонии скифов в Передней Азии, а в VI в. до н. э., наряду с Урарту, Манной и Мидией, упоминают и царство Ашкеназ.⁴⁷

45 По мнению многих исследователей — осетр.

46 Hermann. Kaspiöi. — RE, S. 2273–2274.

47 **Дьяконов И. М.** Последние годы Урартского государства по ассиро-вавилонским источникам // ВДИ, № 2, 1951. с. 32–33; его же: Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту // ВДИ, №№ 2–4, № 68, 1951; его же: История Мидии: от древнейших времен до конца IV в. до н. э. — М. -Л., 1956. с. 242; **Пиотровский Б. Б.** Ванское царство (Урарту). — М., 1959. с. 232; **Алиев И.** История Мидии. — Баку, 1960. с. 222; **Виноградов В. Б.** О скифских походах через Кавказ // Труды ЧИНИИ, IX. — Грозный, 1964. с. 26; **Белявский В. А.** Война Вавилонии за независимость (627–605 гг. до н. э.) и гегемония скифов в Передней Азии // Исследования по истории стран Востока. — Л., 1964. с. 105, сл.; **Алиев И.** О скифах и Скифском царстве // Переднеазиатский сборник, III. — М., 1979. с. 12, сл.

Лишь в 80-е гг. VI в. до н. э. о «властелинах севера» говорится как о погибшем народе (Библия, Книга Иезекииля, 32, 30).

Археологические материалы, хотя и незначительные, со всей определенностью говорят о том, что в этот период в некоторых районах Северного Азербайджана, в частности в Мингечауре, появляются новые, резко отличающиеся от местных, погребальные памятники, ритуалы и инвентарь, которые свидетельствуют о вторжении нового этнического элемента.⁴⁸ В одном из погребений Мингечаурского некрополя среди могильного инвентаря обнаружен перстень-печать, на котором изображен воин, несомненно сак-тиграхауда, в остроконечной шапке и скифском одеянии.⁴⁹ Археологические следы скифов засвидетельствованы также в Малом кургане в Мильской степи, около г. Гянджа,⁵⁰ в Казахском районе,⁵¹ в зоне Шамхорской ГЭС.⁵² Соотнося данные археологии со сведениями письменных источников, можно утверждать, что Скифское царство должно быть локализовано в этих областях Азербайджана.

Геродот в XV округе Ахеменидской державы рядом с каспиями отмечает и саков (Нер., III, 93). Вероятно, названные в этом округе саки — это южнокавказские скифы из области, ядро которой позднее греки именовали Сакасеной.

Геродот указывает, что во время похода Ксеркса на Грецию (480 г. до н. э.) на каждом корабле персидского флота, помимо представителей покоренных народов, находился еще отряд из 30 человек — персов, мидийцев и саков (Нер., VII, 96, 184). Один вавилонский текст, датированный шестым годом царствования Камбиза (524 г. до н. э.), содержит уникальную параллель к приведенному сообщению Геродота. В документе имеется указание на получение довольствия киммерийцами, служившими на кораблях.⁵³ В вавилонских текстах под киммерийцами (гимирри) подразумеваются саки. Из вышесказанного следует, что саки, как и каспии, имели какое-то отношение к морскому делу, а из античных источников мы знаем, что на Каспийском море и на Куре, бывшей в древности более полноводной, было развито судоходство.⁵⁴ Из этого можно сделать вывод, что упомянутые в указанном документе саки, возможно, южнокавказские и они также принимали участие в торговле по международному водно-сухопутному пути, проходившему через Албанию.

О пребывании скифов на Южном Кавказе свидетельствуют как античные, так и средневековые авторы. Геродот пишет о вторжении скифов в Азию через Кавказ

48 **Казиев С. М.** Археологические раскопки в Мингечауре // МКА. Вып. I. — Баку, 1949; **Ионе Г. И.** Археологические раскопки в Мингечауре // ДАН Азерб. ССР, II, 9, 1946. с. 400–404, табл. III, 6, 71; **Ионе Г. И.** Мингечаурская разновидность накопечников стрел «скифского» типа // МКА, III, 1953; **Погребова М. Н.** Памятники скифской культуры в Закавказье // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. — М., 1981. с. 47, 51.

49 **Казиев С. М.** Археологические раскопки в Мингечауре, с. 29, рис. 19.

50 **Крупнов Е. И.** Глиняная головка «скифа» из Закавказья // ВДИ, №№ 3–4, 1940. с. 170.

51 **Нариманов И. Г.** Археологические раскопки на поселении Сарытепе // ИАН Азерб. ССР, № 2, 1959. с. 36–37.

52 Материалы археологических раскопок Гяляндара Асланова (ныне поконийного)

53 **Дандамаев М. А.** Сакские матросы // *Iranica antiqua*, vol. XVII, Gent, 1982. с. 102.

54 **Vahidov R. M.** Mingəçevir III–VII əsrlərdə, səh. 90.

(Her., I, 104), Ксенофонт сообщает об обитавшем здесь племени скифинов (Xen., Anab., IV, 7, 18), о скифских племенах, живущих между албанами и амазонками, пишет Страбон (Strabo XI, V, 1), Тацит рассказывает о скифском царе, царствовавшим где-то рядом с албанами и гениохами (Tac., Ann., II, 68). Ценные сведения о событиях времени вторжения скифов в Южный Кавказ сохранились у раннесредневекового армянского автора Моисея Хоренского.⁵⁵ Данные средневекового грузинского историка Леонти Мровели (XI в.), восходящие к более древним источникам,⁵⁶ подтверждают пребывание скифов у берегов Куры.⁵⁷

О наличии скифского элемента на Южном Кавказе свидетельствует также топонимика. Это, прежде всего, названия, в составе которых имеется основа *saka-*. Среди них следует отметить Сакасену у Страбона (Strabo XI, VIII, 4), насельников сакесины — у Плиния (Plin., Nat. Hist., VI, 29), Шакашен — у раннесредневековых армянских авторов (название области, расположенной южнее реки Куры на запад от Мингечаура),⁵⁸ и название области Сисакан в Сюнике. Некоторые современные исследователи полагают, что название Шаки (совр. г. Шеки) также связано с именем саков. Нет сомнений в том, что основой всех этих топонимов является этноним скифов *saka-*. Область Сакасена должна быть локализована на правом берегу Куры в районе Гянджа–Казах.⁵⁹

У Страбона сохранились сведения о хозяйстве населения Сакасны. Он сообщает, что «Гиркания... весьма плодородна... Доказательства благосостояния этой страны следующие: виноградная лоза производит 1 метрет вина, смоковница 60 мидимнов; хлеб родится из зерна, выпавшего из соломы; пчелы роятся на деревьях, а мед течет с листьев. То же имеет место... и в Сакасене...» (Strabo XI, 7, 2). Судя по этим данным, население Сакасны занималось высокопродуктивным земледелием, виноградарством и, возможно, виноделием, а также пчеловодством. Таким образом, саки, имевшие отношение к морскому делу, могли принимать участие в торговле по Куре, а также экспортировать пшеницу, вино и мед.

Утии. Утии одно из древнейших племен на территории Азербайджана, известное нам из античных источников, трудов раннесредневековых армянских авторов и албанского историка Моисея Каланкатуйского, а также из сочинений арабских географов.

Геродот называет утиев в составе XIV округа Ахеменидской державы, в который входили также мюки (Her., III, 93). Сообщение Геродота об утиях в связи с походом ахеменидского войска во главе с царем Ксерксом на Грецию в 480 г. до н. э.

55 **Капанцян Гр.** Хаяса — колыбель армян. — Ереван, 1948.

56 **Цулая Г. В.** Предисловие к кн.: Леонти Мровели. Жизнь картлийских царей. — М., 1979. с. 4.

57 **Ковалевская В. Б.** Скифы, Мидия, Иран во взаимоотношениях с Закавказьем по данным Леонти Мровели // Вестник АН Груз. ССР, серия истории, археологии, этнографии и истории искусства, № 3, 1975.

58 Атлас Армянской ССР. — Ереван-М., 1963. с. 103.

59 **Меликов Р.** Этническая картина Азербайджана в период ахеменидского владычества, с. 162–163.

(Her., VII, 68) указывает на то, что утии и мюки входили в состав одной военно-административной единицы и, следовательно, были соседями. И действительно, область Утия (Вития, Отена) располагалась на правом берегу р. Куры; на северо-западе она граничила с Сакасенной, на западе — с Арменией, на юге по р. Аракс — с Атропатеной, в той части, которая примыкала к Мукану, на востоке — с Каспианой.⁶⁰

Утии были вооружены местными луками из камыша, как и каспии, но в отличие от последних, они имели и кинжалы (Her., VII, 68). Подобно каспиям, утии были одеты в козы шкуры. Страбон, описывая народы вокруг Каспийского моря, упоминает витиев (утиев) по соседству с амардами, анариаками, каспиями и скифами (Strabo XI, VIII, 8). Помимо утиев в области Вития обитали также племена энианов, паррасиев и анариаков (Strabo XI, VII, 1; XI, VIII, 8; XI, XIV, 14).

Область расселения утиев подтверждается и археологическими данными. Ареал известной ялойлутепинской археологической культуры (IV в. до н.э. — I в. н.э.), впервые обнаруженной в 1926 г. у села Нидж (Кабалинский район) в 8 км от Кабалы, древней столицы Албании, позволяет предположить, что ее носителями являлись утии. Следует отметить, что расцвет ялойлутепинской культуры исследователи относят ко II—I вв. до н.э., т. е. к периоду функционирования международного торгового пути, проходившего по территории Албании. Вышеуказанные находки привозных изделий относятся к тому же культуре и тому же хронологическому отрезку.

Анариаки (энаррей, парсии). Античные авторы сообщают, что в области Утия обитало также племя анариаков. Согласно Страбону, анариаки обитали на берегу Каспийского моря по соседству с племенами амардов, гирканцев, кадусиев и витиев (Strabo XI, VI, 1; XI, VIII, 8). Он же сообщает о том, что анариаков, живущих в Витии, «теперь называют парсиями» (Strabo XI, VII, 1). Интересно отметить, что раннесредневековый армянский автор Фавст Бузанд (V, 14), рассказывая о событиях IV в. до н.э., упоминает рядом с областью Пайтакаран область Parsk' («страну парсов»), которую, по-видимому, можно отождествлять с парсиями-анариаками Страбона.⁶¹

Появление анариаков (из др.-иран. a-paṛya-ka — «не мужественные») на территории Азербайджана, вероятно, восходит ко времени скифских походов.⁶²

Исходя из этих посылок, а также из более поздних данных, свидетельствующих о существовании обрядов, связанных с культом женского божества плодородия и вещей птицы сизоворонки, некоторые исследователи полагают, что все это долж-

60 Грантовский Э. А. Сагартии и XIV округ государства Ахеменидов по списку Геродота // КСИНА, № 46, 1962. с. 241.

61 Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. — М., 1970. с. 170.

62 Меликов Р. Этническая картина Азербайджана в период ахеменидского владычества, с. 166–168.

но быть увязано с энареями Геродота, называющего их «женоподобными» (Her., IV, 67), и локализовано в албанской области Утия.⁶³

Согласно Страбону в области Вития «находится также город Анариака, где, говорят, показывают оракул для спящих» (Strabo XI, VII, 1), т. е. в этом прорицалище оракул вещал для посетителей, находившихся в состоянии сна. Вероятно, этот город был часто посещаем иностранными торговцами.⁶⁴

Айнианы (энианы). В области Утия обитали также племена айнианов. Страбон сохранил о них следующие сведения: «Передают также, что некоторая часть энианов поселилась в Витии, другая же — над армянами за горами Абом и Нибаром» (Strabo XI, XIV, 14). По поводу этого сообщения Н. Адонц отмечал: «Наряду с Aní встречается у Хоренского, как известно, и форма Hani, совпадающая с Hani Пайтакаранским».⁶⁵

Как отмечает Страбон, энианы в одной из областей Витии «построили укрепленный город, который называется Энианой; здесь показывают греческое [разрядка моя — Р.М.] оружие, медные сосуды и могилы» (Strabo XI, VII, 1). Название Айниана созвучно наименованию области обитания фессалийского племени айнианов. В Фессалии к тому же существовала область, название которой по звучанию близко к наименованию области Утия. Очевидно, именно эти обстоятельства и заставили Страбона или его источники приписать строительство указанного города, который, видимо, назывался Хани (Ханхани), племени айнианов. На деле же этот город был построен албанским племенем хани (ханхани), территория обитания которых — Ханхани (или Халхал) упоминается в «Армянской географии» в составе области Пайтакаран. Халхал, несомненно, входил в состав области Утия.⁶⁶ Точное местонахождение города Эниана (Айниана) нам неизвестно, но, по мнению исследователей, он соответствует средневековому городу Юнан арабских авторов, который обычно локализуется в районе современного г. Агдам.

Что же касается «греческого» оружия в Ханхани (Халхале), то, вовсе не отрицая такую возможность, да и само пребывание здесь греков (о чем, возможно, говорит и его средневековое название Юнан — дословно: «греческий»), исследователи, тем не менее, полагают, что слово «греческое» у Страбона объясняется ошибкой. Однако, очевидно, что этот город был знаменит своими мастерами, изготавливавшими качественное оружие и медную посуду, вероятно, предназначенные для продажи. Ясно и то, что около города были какие-то гробницы, привлекавшие внимание чужестранцев (по-видимому, греческих торговцев).

63 Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии, с. 170.

64 Меликов Р. Этническая картина Азербайджана в период ахеменидского владычества, с. 166–168.

65 Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана. — СПб., 1908. с. 56–57.

66 Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, с. 143.

Раннесредневековые армянские авторы Егише, Лазар Парбский, Себеос и албанский историк Моисей Каланкатуйский (I, 29) сообщают, что близ города Халхал существовала переправа через Куру, а Матвей Эдесский отмечает, что у города через реку был наведен понтонный мост.⁶⁷ Егише уточняет, что город Халхал был зимней резиденцией албанских царей.

Таким образом, вышеприведенные факты позволяют утверждать, что международный водно-сухопутный путь с Востока по Амударье, через Каспийское море, вверх по Куру и далее по Фасису к Черному морю, бывший одним из ответвлений Великого Шелкового пути, в античное время реально функционировал. Важную роль на албанском отрезке этого пути играла Мингечаурская переправа, связывавшая правобережье Куры с Кабалой и другими городами левобережья, бывшая, по-видимому, основным местом перехода через Куру, поскольку остатки древних дорог, идущих от нее, местное население называет «elçi yolu» — «дорогой гонцов».⁶⁸ Однако не только Мингечаур был крупным центром посреднической торговли на этом пути. Другим торговым центром мог быть город Айнана (Эниана, Ханхани, Халхал, Юнан), возле которого также имелась переправа через Куру. Изучение и сопоставление источников с археологическими данными позволяет выявить вдоль этого пути такие крупные города, как Партав (Барда), Анариака, Пайтакаран, а также многочисленные мелкие населенные пункты. Следует отметить, что определенную роль в этой торговле играл и сравнительно далеко отстоявший от Куры крупный город Кабала — столица античной Албании.

Живущие вдоль международного водно-сухопутного пути племена античной Албании — каспии, утии (витии), айнианы (энианы), саки (скифы) и анариаки (энарей), принимали активное участие в международной торговле. Судя по археологическим находкам и данным письменных источников, основными предметами импорта в Албанию были стеклянные изделия, амфоры, подсвечники, серебряные чаши, буллы и геммы-инталии, серьги, бусы, амулеты, шелковые ткани, которые, в основном, поступали из греческих колоний Причерноморья, Сирии, Финикии, Египта, Рима, а также из Индии и Китая. Экспортируемые из Албании товары были представлены оружием, медной посудой, одеждой из верблюжьей шерсти, пшеницей, вином, вяленой рыбой, маслом и мазью для смазывания тела, осетровым клеем, медом, возможно, экспортировались также кожа и верховые лошади.

67 Мамедов Т. М. Кавказская Албания в IV–VII вв. — Баку, 1993. с. 78.

68 Казиев С. М. Археологические раскопки в Мингечауре, с. 10.

О РОЛИ КАСПИЯ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛЕ (ПО СТРАБОНУ)

Один из ярких географов древности Страбон (63 г. до н.э. – 23 г. н.э.) в своей «Географии» представил информацию о международных экономических связях между Востоком и Западом, где среди пунктов на пути следования торговых караванов фигурирует Каспийское (или Гирканское) море.

В рассматриваемой книге Страбона Каспийское море называется иногда и Гирканским морем. Бесспорно то, что здесь речь идет об одном и том же море, поскольку сам автор это и констатирует (Strabo.XI.6.1).

Оба варианта названия моря географ уместно связывает с соответствующими племенами и областями у морского побережья: по имени «каспиев» (и их области Каспиане) море стало называться «Каспийским» (Strabo.XI.4.5); по имени «гирканцев» (и их области Гиркании) — соответственно «Гирканским» (Strabo.XI.7.2).

Здесь заметим, что Гекатей Милетский (Hekat.169), Геродот (Herod.I.202–203), Дион Кассий (Cass. Dio.XXXVII.5) знали именно Каспийское море, да и сам Страбон чаще называл море Каспийским. Тем не менее, ряд авторов знают это море под двумя названиями: Плиний (Plin.VI.35–36), Арриан (Arr.VII.16.2), Птолемей (Ptol.V.8).

Каспийское море упоминается в письменных источниках начиная с IX–VIII вв. до н.э. В частности, в правление Адад-Нерари III (811–781 гг. до н.э.) и его матери Шаммурамат ассирийское войско доходило до «моря, где восходит солнце», т. е. по мнению В. А. Якобсона до Каспия¹. Причем, известность этого моря должна была быть столь широкой, что в разное время разные авторы, например, Геродот (Herod.I.202), Поликлет и другие (Strabo.XI.7.4), считали необходимым вносить уточнения о том, что море это на самом деле озеро. Бесспорно то, что это уточнение стало возможным в процессе знакомства с круговой береговой линией моря. Видимо, на этом основании наш эксперт Страбон, опираясь на сведения Эратосфена, сообщал о том, что грекам был известен путь вокруг этого моря (Strabo.XI.6.1). Несмотря на все вышеизложенное, сам Страбон считал, что Каспийское море представляет собой залив, простирающийся от океана к югу (Strabo.XI.6.1). Для Страбона-географа Каспийское море являлось рубежом, местом разделения

¹ Якобсон В. А. Новоассирийская держава // История древнего мира / под ред. И. М. Дьяконова и др. Т. 2. — М., 1989. С. 31.

Азии на две части (Strabo.XI.6.1). Отсюда получается, что это море было заметным пунктом в географии Азии.

Сам Страбон, увы, у берегов Каспия не бывал. Однако он пользовался информацией и книгами людей, которые были осведомлены об этом море, либо здесь побывали.

Среди многих источников географа в информации региона от Индии до Черного моря, следующие авторы упоминаются им с указанием именно на Каспийское (Гирканское) море. Это: 1) *Евдокс* (Strabo.XI.7.4) из Книда (IV в. до н.э.), ученик Платона², крупнейший представитель до-эратосфеновской географии; 2) *Поликлет* (Strabo.XI.7.4) из Ларисы, историк (IV в. до н.э.) [10.911]; 3) *Аристокл* (Strabo.XI.7.3), спутник Александра III Македонского (IV в. до н.э.)³, 4) *Патрокл* (Strabo.XI.7.1), полководец Селевка I, по его поручению — глава экспедиции по изучению территорий, в том числе и Каспия (III в. до н.э.)⁴ [1.69; 3.94; 8.378]; 5) *Эратосфен* (Strabo.XI.6.1) из Кирены, автор «Географии» (III в. до н.э.)⁵. Таким образом, база источников Страбона по интересующему нас вопросу не выглядит слабой. На этом основании рассмотрим фрагменты книги самого Страбона.

В одном фрагменте своей книги географ писал (Strabo.XI.7.3), что река Гиркании Окс, впадающая в море, судоходна и «множество индийских товаров свозят вниз в Гирканское море» («λολλα των Ινδικων φορτιων καταγειν εις την Υρκανιαν θαλαττην»).

Есть еще один фрагмент (Strabo.II.1.15) с похожим сюжетом, различие в том, что в нем при указании «εις την Υρκανιαν» по-гречески нет слова «море». Отсюда, из этого второго фрагмента (Strabo.II.1.15) нам сложно сказать, что имелось в виду под «εις την Υρκανιαν», море ли Гирканское или область Гиркания. По видимому, на основании схожести информации двух рассматриваемых фрагментов, Г. А. Стратановский при переводе второго фрагмента (Strabo.II.1.15) добавил слово «море».

Здесь же дополнительно укажем, что схожий сюжет о перевозке индийских товаров от реки Бактры, впадающей в Окс, а с реки Окс через Каспийское море, обнаруживает О. Д. Лордкипанидзе у Плиния Старшего (Plin.VI.52)⁶.

Во всех этих фрагментах нет возможности уточнить, какие конкретно товары перевозили, но есть основание говорить о возможном существовании направления движения товаров из Индии к Гирканскому (Каспийскому) морю. В целом, извест-

² **Ботвинник М. Н.** Греческая культура VII–IV вв. до н.э. // История древнего мира / под ред. И. М. Дьяконова и др. Т. 2. — М., 1989. С. 269–270.

³ **Стратановский Г. А.** Страбон и его «География» // Страбон. География / Пер. Г. А. Стратановского. — М., 1994. С. 785–911.

⁴ **Алиев И.** Очерк истории Атропатены. — Баку, 1989. С. 69; **Бикерман Э.** Государство Селевкидов. — М., 1985. С. 94; **Лордкипанидзе О. Д.** О транзитно-торговом пути из Индии к Черному морю в античную эпоху // Сообщения АН Груз. ССР. Т. XIX. № 3. 1957. С. 388.

⁵ **Стратановский Г. А.** Указ. соч., с. 778, 782.

⁶ **Лордкипанидзе О. Д.** Указ. соч., с. 378.

но, что вывоз из Индии составляли пряности, благовония, лекарства, красители, рис, сахар, хлопок, жемчуг, камни и др⁷.

Как видно из текста Страбона, доставка товаров непосредственно к морю осуществлялась водным путем по реке, названной Страбоном Оксом, которая впадала в море в пределах Гиркании (Strabo.XI.7.3; 11.5). Факт впадения р. Окс в Каспийское море упоминают и другие античные авторы (Plin.VI.52; Arr.III.29.2; VII.16.3).

Давно известно, что в античности Оксом (ο Ωξος) называли нынешнюю реку Аму-дарью.⁸ Однако, поскольку современная география ставит под сомнение впадение Аму-дарьи в это море, то и факт впадения в древности Аму-дарьи в Каспий в науке принят неоднозначно. Не имея специальных знаний для оценки всех точек зрения, укажем лишь то, что исследования изменений уровня Каспия,⁹ движения реки Узбоя¹⁰ позволяют прислушаться к мнению о возможности впадения Окса-Аму-дарьи в Каспий в эпоху древности.

В представленных двух фрагментах Страбона важным для нас является указание автора именно о реке, впадающей в море, название которой Страбон мог передать и неверно. Просто река под названием Окс стала особо популярной в античной историографии после походов Александра III Македонского, поскольку считается, что он ее переходил (Arr.III.29.2–6). На наш взгляд, под названием Окс у Страбона могла фигурировать как Аму-дарья периода античности, так и любая другая река, впадающая в юго-восточную часть моря у берегов Гиркании.

Принимая во внимание наличие направления торговли от Индии к Каспию, получим, что конечным пунктом международной торговли с Востока у Страбона фигурирует Индия, а не Китай, как это принято считать в случае с функционированием Великого Шелкового пути. Как кажется, до появления регулярного торгового пути из Китая на Запад, существовал путь из Индии на Запад. Это и нашло отражение в книге Страбона.

В том же рассмотренном нами первом фрагменте (Strabo.XI.7.3) речь идет и о том, что далее те же индийские товары «оттуда же (от Гирканского моря — И. Н.) переправляются в Албанию и через [реку] Кир (совр. р. Кура — И. Н.) и следующие местности свозятся вниз в Эвксин[ский Понт] (совр. Черное море — И. Н.)» (εντευθεν δ' εις την Αλβανιαν περαιουσθαι και δια του Κυρου και των εξης τοπων εις τον Ευξεινον καταφερεσθαι).

7 **Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф.** Индия в древности. — М., 1985. С. 454.

8 **Дворецкий И. Х.** Древнегреческо-русский словарь. Т. 1–2. — М., 1958. С. 11, 9; **Юсупов Х. Ю.** Древности Узбоя. — Ашхабад, 1986; Окс // СИЭ. Т. 10. — М., 1967.

9 **Стратановский Г. А.** Указ. соч.

10 **Юсупов Х. Ю.** Указ. соч.

И вновь схожий сюжет из второго рассмотренного нами фрагмента (Strabo.II.1.15), что те же индийские товары от Гиркании (или Гирканского моря?) свозятся вниз «и последующие местности вплоть до Понта по рекам» (καὶ τοὺς ἐφεξῆς τολοὺς μεχρὶ τοῦ Ποντοῦ διὰ τῶν ποταμῶν).

Известно, что под «Понтом» (ο Ποντος) фигурирует либо Черное море, либо Средиземное море, либо страна Малой Азии¹¹. Если принять во внимание схожесть сюжетов двух фрагментов (Strabo.II.1.15; XI.7.3), речь во втором фрагменте (Strabo.II.1.15) идет все же о Понте-Черном море, либо о Понте-стране, которая, кстати, располагалась у Черного моря.

Здесь вновь дополнительно укажем, что схожий сюжет о движении индийских товаров через Каспийское море вверх по Куре и по суше до р. Фасис (совр. Риони), которая впадает в Черное море, обнаруживается и у Плиния Старшего¹².

В первом фрагменте Страбона (Strabo.XI.7.3) указана река Кир как речной этап пути. Реками же в том же направлении торгового пути, не указанными Страбоном по названию во втором фрагменте (Strabo.II.1.15), могли бы быть уже известная выше река Кир с ее притоками. Факт впадения реки Кир в Каспий в древности подтверждает как сам Страбон (Strabo.XI.1.5; 3.1), так и другие авторы (Plin.VI.26; Plut. Pomp.34). Кроме того, во фрагменте (Strabo.XI.7.3) мы имеем важное для нас указание о включении территории Кавказской Албании, одного из государств на территории древнего Азербайджана, в торговый путь из Индии к Черному морю. Однако по территории Албании проходил не только речной этап рассматриваемого международного торгового пути, но и сухопутный¹³. В этой связи возрастает роль столицы Албании — города Габалы, в котором в разное время были найдены как привозные предметы, так и монеты, а также раковины каури, бывшие одним из мерил стоимости до появления чеканной монеты. Раскопки Габалы возобновились в 2005 года при поддержке Ассоциации СЕБА под общим руководством И. Бабаева.

Подводя итоги этому разделу и возвращаясь к тексту Страбона, укажем, что могло иметь место направление доставки индийских товаров от Каспия к Черному морю по реке Куре и ее притокам.

Итак, мы имеем указания направления торгового пути до Каспия и от Каспия. А как же сам Каспий? Он фигурирует как водный путь или как береговой сухопутный? Легче всего подумать, что если до Каспия товары шли по реке Окс (см. раздел IV) и от Каспия по реке Кир (см. раздел V), то удобнее объединить этот заметный водный путь и предположить, что товары шли водным путем и по Каспию. Однако вновь вернемся к тексту Страбона.

11 Дворецкий И. Х. Указ. соч., с. 11.

12 Лордкипанидзе О. Д. Указ. соч., с. 378.

13 Алиев К. Античная Кавказская Албания. — Баку, 1992. С. 109–118.

Согласно Страбону, индийские товары из Гиркании попадали в Гирканское море, оттуда их переправляли в Албанию (Strabo.XI.7.3). На наш взгляд, именно это указание «в Гирканское море» («εις την Υρκανίαν θαλάττην») может предполагать наличие водного пути по морю, в частности, в направлении из Гиркании в Албанию.

Дополнительным аргументом может служить и то, что по разным поводам описывая около-каспийские территории, Страбон использовал следующие ориентиры: «если войти в Каспийское море» (Strabo.XI.6.2), «при входе в Каспийское море» (Strabo.XI.7.1), «вход в Гирканское море» (Strabo.XI.11.7). Для установки таких ориентиров получается, что кто-то когда-то в это море «входил», т. е. по нему плавал? Возможно, поэтому Плиний Старший писал, что был путь по Каспийскому морю (Plin.VI.52).

Спасением для нас в решении этого вопроса стал Геродот, который еще в своем V в. до н. э. уже знал (Herod.I.203) о том, что «длина (Каспия — И. Н.) 15 дней **плава-**ния» весельного судна, ширина же, в самом широком его [месте], 8 дней» («εουσα μηκος μεν **πλοου** ειρεστη χρεομενω λεντεκαιδεκα ημερων, ευρος δε τη ευρυτατη εστι αυτη εωυτης, οκτω ημερων»). Т. о., море было судоходным, а поэтому мог существовать морской, в том числе и торговый, путь по Каспию.

Фрагмент Страбона (Strabo.II.1.15) где указано, что товары доставляются в Гирканию («εις την Υρκανίαν»), а в переводе Г. А. Стратановского «до Гирканского моря», а оттуда по рекам в Понт (Strabo.II.1.15), может поколебать наш предыдущий тезис о морском торговом пути, тем более, что есть еще одно неожиданное для нас сообщение Страбона. Неожиданно оно тем, что географ писал (Strabo.XI.7.2), что море гирканцев несудоходно и остается неиспользованным (?!). Как кажется, этот фрагмент (Strabo.XI.7.2) и предыдущие два (Strabo.II.1.15; XI.7.3) разошлись в историческом времени. Исторически моря бывают когда-то кем-то неиспользованные и использованные, несудоходные, пока не умеют строить суда, и судоходные, когда их уже строят.

Как кажется, сведения о несудоходности Каспия Страбон мог взять у историков Александра Македонского, поскольку известен факт, что царь послал кораблестроителей в Гирканию, велел рубить лес и строить корабли (Arr.VII.16.1). Чуть позже, при Селевкидах уже имеются эскадры в Каспийском море как часть их морского флота¹⁴ (Plin.VI.58; 152). Также есть и ранние сведения о том, что каспии умели строить корабли еще при Ахеменидах¹⁵.

Возможно, это замечание Страбона позволяет говорить скорее о существовании какого-то периода несудоходности Каспия, нежели неиспользовании моря (по разным причинам, например, непогоды¹⁶, недостаток географических зна-

14 Бикерман Э. Указ. соч., с. 94.

15 Алиев И. Указ. соч., 1989, с. 10.

16 Лордкипанидзе О. Д. Указ. соч., с. 381.

ний — одно дело плыть по реке, другое по морю; речные суда могли быть не приспособлены к морскому пути и т. д.). Тогда надо предполагать наличие и сухопутного пути вдоль южного берега Каспия из Гиркании до Албании (от Окса к Киру), чтобы все те же товары из Индии достигли бы Албании и Черного моря.

Принимая во внимание вышеизложенное можно сказать, что Страбон описал вполне возможный торговый путь из Индии к Черному морю. Путь этот, на наш взгляд, мог состоять из двух вариантов:

1. *вариант водного пути*: путь речной (Окс) — морской (Каспий) — речной (Кир-притоки)
2. *вариант смешанного пути*: путь речной (Окс) — сухопутный (вдоль южного берега Каспия) — речной (Кир-притоки).

Как видно, Каспий являлся *заметным звеном* в торговом пути из Индии до Черного моря и поэтому должен был играть *заметную роль* в международной торговле Востока и Запада на рубеже н. э. и ранее.

Источники

- Strabo. Geography. vol. I. books 1–2; vol. V. books 10–12 / Tr. by H. L. Jones. (Loeb Classical Library edition). Harvard University Press. 1917, 1928
- Herodotos / Ed. K. Abicht. Bd. 1. Hf. 2. Buch II. Leipzig 1869

- **Арриан**. Поход Александра / Пер. М. Е. Сергеенко. — М.–Л., 1962
- **Гекатей Милетский**. Землеописание // Алиев К. Античные источники по истории Азербайджана. — Баку, 1986
- **Геродот**. История / Пер. Г. А. Стратановского. — М., 1993
- **Дион Кассий**. Римская история // Алиев К. Писатели античности об Азербайджане. — СПб.–Баку, 2001
- **Плиний Старший**. Естественная история // Алиев К. Писатели античности об Азербайджане. — СПб.–Баку, 2001
- **Плутарх**. Помпей // Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. 2. — М., 1963
- **Птолемей**. Географическое руководство // Алиев К. Писатели античности об Азербайджане. — СПб.–Баку, 2001
- **Страбон**. География / Пер. Г. А. Стратановского. — М., 1994

СТРАБОН И ОХ: некоторые замечания по рекам античной Центральной Азии

Среди древних источников, упоминающих реку **Ох** (греческое *Ochos*, латинское *Ochus*), наиболее информативным является Страбон из Амазии. Проблема идентификации **Оха** является особенно наглядным примером заблуждений, довлеющих в исторической географии Центральной Азии и Ирана. Он идентифицировался с **дюжиной водных** потоков в обширной области от Гургана в северо-восточном Иране до Узбекистана и Афганистана. Пытаясь решить загадку месторасположения **Оха**, немецкий историк А. Геррманн почти сто лет назад указал, что существовали две реки с этим названием: одна в Бактрии (Рам Гуль Тагао/Сангалак/Аб-и Андхуй в западном Афганистане), другая в Гиркании (Атрек в северо-восточном Иране).¹ Некоторые ученые приняли гипотезу А. Геррманна о двух реках под названием **Ох**, но вопрос об их месторасположении остается дискуссионным. К примеру, И. Маркварт идентифицировал классический **Ох** с двумя реками — Зариаспом и Тедженом.² И. Н. Хлопин видел гирканский **Ох** как Атрек, а бактрийский **Ох ассоциировал** с Тедженом.³

Большая часть информации об **Охе** исходит от Страбона, несмотря на то, что использованные им источники содержат противоречивые сведения. Страбон заимствовал достаточно обширные и ценные данные о реке из работы Аполлодора из Артемиды, парфянского историка I в. до н. э. Поскольку Аполлодор был известным и эрудированным ученым, он считается первоисточником в области географии Ирана и Средней Азии (Страбон 2.5.12).

Особенно важен фрагмент Страбона (11.7.3) о реке: «**Ох** — не упоминался вообще древними авторами. Однако Аполлодор из Артемиды, написавший «Парфянскую историю», неоднократно упоминает **Ох**, подразумевая, что он течет очень близко к стране парфян». Таким образом, **Ох**, должно быть, протекал около Парфии. Аполлодор однозначно имел в виду собственно Парфию, поскольку вышеприведенные сведения являются частью описания Гиркании и соседней с ней Парфии. Парфия — это регион между Каспийскими Воротами рядом с областью Рея до Герируда в западном Афганистане (Страбон 11.9.2, 11.8.1–3). Иными

1 **Herrmann**, *Alte Geographie*, 31–35. Для идентификации бактрийского Оха Геррманн ссылается на K. J. Neumann's arud **Behr**, *De Apollodori*, 16. Ср. **Ольбрихт**, Проблемы исторической географии Туркменистана; *The Ochos river*.

2 **Markwart**, *Wehrot*, 3–4.

3 Например, **Хлопин**, *Историческая география*, 37.

словами, это современный Хорасан в северо-восточном Иране, в центре которого расположены обширные горы. Термин «очень близко» (*engytato*) подразумевает, что **Ох** протекал вне Хорасана. Уже по этой причине нельзя согласиться с концепцией **Ох**=Атрек, обсуждаемой в литературе. Об Атреке говорится как о реке, расположенной в центре Хорасана, а значит она протекала через земли парфян. Скорее всего, **Ох** не может быть идентифицирован и с Тедженом, поскольку последний является слиянием хорасанской реки Кашафруд, пересекающей Парфию поперек, с Герирудом, который течет из Афганистана. Информация Аполлодора становится понятной, если предположить, что **Ох**, протекавший очень близко к Парфии — это Узбой, т. е. древнее русло Аму-дарьи (Окса), впадающей в Каспий.⁴ Существование Узбоя, проходившего через степи и пустыни Туркмении — существенный фактор, который нужно рассматривать при идентификации рек древней Средней Азии. Русло реки проходило точно так же, как Аполлодор описал **Ох**, а именно очень близко к землям парфян.

В другом фрагменте, также основанном на сведениях Аполлодора, Страбон пишет (11.8.1): «Затем идет пустыня, которая отделена от Гиркании рекой Сарний, так как она следует в восточном направлении к реке **Ох**». Эта информация достаточно ясна: Сарний отделяет Гирканию от пустыни и далее вместе с **Охом** течет к северу. В описании имеется в виду, очевидно, современная область Гулистан в северо-восточном Иране (создана в 1997 г. вместо Гурганского и Гонбад-е Кавус/Кабусовского районов). Эта область соприкасалась с древней Гирканией. В свете изучаемой проблемы необходимо выяснить вопрос об идентификации реки Сарний. Она упоминается только у Страбона, причем без указания источника, но, скорее всего, его данные о Сарнии заимствованы у Аполлодора Артемитского. Очень возможно, что река Зоний, известная Плинию Старшему (NH 6.15/36) — это как раз и есть Сарний.

Согласно Страбону/Аполлодору, Сарний в некотором смысле граничил с пустыней. Однако проследить границу между пустыней (греч. *eremos*) и Гирканией по реке Гурган, которая течет к югу от Атрека, было бы трудно. В античности последний обозначал северную границу земледельческой части Гиркании, продолжением которой был Дахистан. К северу от Атрека, кроме Дахистана, находятся также степи и пустыни, простирающиеся до нижнего Узбоя. Поэтому, вероятно, будет правильным идентифицировать Сарний с Атреком. Памятуя о том, что **Ох** протекал на некотором расстоянии от Сарния, можно с большой долей уверенности отождествить первый с Узбоем.

Чтобы проследить русло **Оха**, необходимо выяснить расположение области, известной как Несайя, которую Страбон упоминает при описании Гиркании (11.7.2): «Несайя принадлежит Гиркании, хотя некоторые авторы выделяют ее как самостоятельную страну». В своем описании Гиркании (11.7.3) Страбон воспользовался

4 Ср. Юсупов Х. Древности Узбоя.

сведениями Аполлодора Артемитского — авторитетного источника по географии этого региона, а также данными историков Александра.

Несайя Страбона (иранск. Нисайя) лежит как будто бы на границе Гиркании и собственно Парфии. Где мы должны искать её? Древние авторы довольно точно описывают южные и западные границы Гиркании, но ни один из них не упоминает о существовании Нисайи на этой территории. Очевидно, упомянутая область располагалась в менее известном на тот момент северном или северо-восточном крае Гиркании. В таком случае возможно допустить, что наиболее вероятное месторасположение гирканской Несайи/Нисайи — это к северу от Атрека, вероятно в области Мешхед-Месрианской равнины, т. е. в Дахистане и смежных с ним территориях, которые чрезвычайно редко становились объектом описаний древних источников, за исключением Аполлодора из Артемиды. В эпоху античности граница Гиркании преимущественно обозначалась по Атреку, но наши источники часто относят к этой области земли, расположенные до Окса, т. е. есть Узбоя. Итак, Страбон (11.6.1) после Эратосфена и Патрокла считает, что Гиркания простирается до Окса. В другом отрывке Страбон сообщает, что Окс пересекал Гирканию (11.7.3 — согласно Эратосфену?). У Птолемея Гиркания является землей между Мидией и Оксом, впадающим в Каспий (Geogr.6.9.1).

В древности область к северу от Атрека не была областью, занятой только кочевниками. На Мешхеде-Месрианской равнине (известной в источниках как Дахистан), а также в устье Узбоя периодически селились скотоводческие племена. Кажется, что гирканская Несайя должна быть расположена где-нибудь между Атреком и Балханскими горами ниже по течению Узбоя, включая и Дахистан. Неуверенность Страбона в географии Гиркании сказывается в использовании ее названия в двух смыслах: как собственно Гиркания, т. е. область Гурган (современный Гулистан), так и большая Гиркания, включавшая Несайю/Нисайю.

Другой древний автор, Клавдий Птолемей, знает народ несайев, живущий в Гиркании. Его информатором, по-видимому, также являлся Аполлодор Артемитский. Сведения Птолемея представляют собой серьезную интерпретационную проблему. Описывая область у Герируда в совр. западном Афганистане, Птолемей (6.17.) размещает на севере этого региона, следом за народом астауэнов, другой народ, названный несайями. Никакой другой источник не сообщает о проживании в данной области этих двух народов. Очевидно, они были неправильно размещены на его карте. Тем не менее, Птолемей прав в одном: они были соседями. Александрийский географ сделал подобную ошибку и для Маргианы — области в долине реки Мургаб, где он разместил несколько народов, на самом деле обитавших вне ее территории, включая дербиков, массагетов, парнов и дахов. Однако это неверное на первый взгляд их размещение на карте Птолемея отражает вполне реальный факт, что эти народы были соседями, но не в пределах небольшой Маргианы, а на обширном пространстве современного Туркменистана.

В главе (6.9.5) своей «Географии» Птолемей в приморской части Гиркании упоминает народ максеров как соседей астауэнов. Максеры были, очевидно, жителями долины гирканской реки Максер (Ptol.6.9.2). Из рек в Гиркании Птолемей знает две: Максер и Окс, которые, вероятно, соответствуют Гургану и Узбою. Плиний знает в Гиркании пограничную реку Сидерис и далее на юге — реки Мазирис и Стратор (6.18/46). Мазирис — это определено Максер Птолемея, т. е., Гурган — главная река Гиркании, в то время как Сидерис — Атрек.

Точность данных Птолемея подтверждается Исидором из Харакса (Mans. Parth.11). Он размещает область Астауэну с ее столицей Асааком между Гирканией и Парфией (Парфиеной), расположенной по среднему и верхнему течению Атрека. Народ несайи, упомянутый Птолемеем, граничил с Астауеной на севере, и, очевидно, занимал Дахистан и другие области между Атреком и Большими Балханскими горами и нижним течением Узбоя.

Использование Страбоном данных Аполлодора Артемитского и Аристобула привело к тому, что он спутал **Ох** с главной рекой Бактрии — Оксом (Аму-дарьей). Это подтверждается в пассаже Страбона (11.7.3), в котором Аполлодор и Аристобул упоминаются как источники его информации. Страбон пишет: «Гиркания пересечена реками **Ох** и Окс до их стока в море; и из них **Ох** также течет через Нисайю, но некоторые говорят, что **Ох** впадает в Окс». Кроме того, Страбон подчеркивает, что, согласно Аристобулу, Окс является самой большой из рек, которые он видел в Азии, за исключением тех, что в Индии. Что касается **Оха**, то он упомянут Аполлодором. Откуда исходит такая неопределенность у Страбона? Страбон знает хорошо Окс как реку, текущую с индийских гор (11.7.4) до Гирканского моря, т. е., Каспия (11.6.1; 11.7.3–4; 11.11.5). Эта реальная картина, так как Аму-дарья была тогда связана с Узбоем и впадала в Каспий. Возможно, в этом случае гирканский **Ох**, о котором писал Аполлодор, был Узбоем. Однако у Страбона (11.11.5) появляется бактрийский **Ох**, известный от историков Александра, принадлежавших к традиции Вульгаты и позже воспринятой некоторыми римскими авторами (Плиний, Птолемей, Аммиан Марцеллин). Имея, прежде всего, данные Аполлодора о гирканском **Охе** (Узбое) и Аристобула об Оксе (Аму-дарье–Узбое), а также об **Охе** в Бактрии, Страбон не смог разрешить противоречие, вытекающее из использования одного названия для обозначения различных рек и неполного понимания его источников, а в целом и гидрогеографии Средней Азии.

Согласно Страбону (11.7.3 и 11.11.5), бактрийский **Ох** впадал в Окс. Наиболее вероятным источником этой информации был Аристобул.

Курций Руф (7.10.15), описывая поход Александра, располагает **Ох** недалеко от Окса и Маргианы. Такое месторасположение подтверждает автор «Эпитомы Меца» (14), который в связи с кампанией Александра в Средней Азии упоминает **Ох**: *Deinde per agrum: Sogdianum agmen duxit. ex eo porro in Bactriam pervenit*

et Bessum adduci iussit eum que suspensum more Persarum Persarum fundis necavit. Deinde post diem undecimum ad flumen Ochum pervenit. Id transit. inde ad Oxum flumen devenit.

В свете приведенных сведений Курция и автора «Эпитомы Меца» можно предположить, что **Ох** был около Окса и недалеко от Маргианы (Мервского оазиса).⁵

О присутствии македонцев в Маргиане свидетельствует Плиний (6.18/46), когда пишет об основанном там городе, названном Александрией. В 329–328 гг. до н. э. Александр проводил активные военные действия против Спитамена в Западной Бактрии и Согдиане. Одна из главных баз македонской армии была расположена в Бактрах/Зариаспе. Политико-военный контекст этих данных указывает, что **Ох** надо искать на западе Бактрии, около Маргианы, т. е., в западной части совр. Афганского Туркестана.

Плиний приводит достаточно подробностей о бактрийском **Охе** (6.18/48): *Bactri quorum oppidum Zariasta, quo postea Bactra, a flumine apellatum est. Gens haec optinet aversa montis Paropanisi exadversus fontes Indi; includitur flumine Ochus.* Из данного сообщения следует, что **Ох** был границей области. Это хорошо согласуется с информацией, согласно которой Окс протекал недалеко от Маргианы, а значит поблизости от западного края Бактрии. Плиний (31.75) упоминает **Ох** и Окс как реки Бактрии: *praeterea et apud Bactros amnes Ochus et Oxus ex adpositis montibus deferunt salis ramenta.* Эта информация дополняет доказательство в пользу расположения реки **Ох** в Северо-Западном Афганистане.

Некоторые вполне содержательные данные о реках Бактрии приведены Птолемеем (Geogr.6.11.2–4), который знал о впадении рек **Оха** и Даргомана в Окс, подобно Зариаспу, Артамису и Даргоидасу. Согласно координатам Птолемея, **Ох** тек далее к западу от бактрийских рек. Это согласуется с данными Плиния относительно **Оха** как бактрийской границы. Аммиан Марцеллин (33.6.57) пишет о двух парах рек в Бактрии: Артамис–Зариасп и **Ох**–Оргомане, которые, сливаясь, впадали в Окс. Список Аммиана, не включавший Даргоидас, явно позаимствован у Птолемея.

Если **Ох** тек в западной части Бактрии, то его вероятная идентификация — с рекой Аб-е Кайсар, пересекающей районы Меймены и Андхоя.⁶ Даргоман, который, как говорит Птолемей, сливался с **Охом**, вероятно, является совр. рекой Ширин Тагао. Действительно, Аб-е Кайсар, возможно, была границей Бактрии, как и писал Плиний. Там заканчивались освоенные земли и начиналась степь, а далее простиралась пустыня. Возможно также, что бактрийский **Ох** впадал в Келифский Узбоя, т. е., в гидросистему Окса (Аму-дарьи).

5 **Olbrycht**, Alexander, 211–222; **Кошеленко, Гаилов, Бадер**, Александр.

6 **Herrmann**, Alte Geographie (у него, Аб-и Кайсар/Ширин Тагао это Рам Гул Тагао/Сангалак).

Основываясь на данных В. Томашека и И. Маркварта, К. Рапен и Ф. Грене предложили гипотезу, по которой вся информация известных источников относительно бактрийского **Оха** на самом деле относится к Вахабу (совр. Пянджу). Такое их заключение в перспективе ведет к переоценке географии военных действий Александра в Средней Азии в 328 г. до н. э.⁷ Однако анализ источников, проведенный выше, делает идентификацию **Оха** с Пянджем маловероятной.

Подводя итоги отметим, что, на наш взгляд, исследование данных Страбона и других античных авторов показывает, что название **Ох** использовалось ими по отношению как к Узбою (на периферии Гиркании), так и к реке Аб-е Кайсар (Андхой) в Западной Бактрии (совр. Афганском Туркестане).

Литература

- Behr A.** *De Apollodori Artamiteni reliquis atque aetate*, Strasburg 1888.
- Хлопин И. Н.** Историческая география южных областей Средней Азии. Античность и раннее средневековье, Ашгабад 1983.
- Grenet F., Rapin C.** Alexander, Ai Khanum, Termez: Remarks on the Spring Campaign of 328, *Bulletin of the Asia Institute* 12, 1998, 79–89.
- Herrmann A.:** *Alte Geographie des unteren Oxusgebiets* (=Abh. der Königl. Ges. der Wiss. Zu Göttingen, Phil.-hist. Klasse N. F. Bd. XV, Nr. 4), Berlin 1914.
- Юсупов Х.** *Древности Узбоя*, Ашгабад 1986.
- Кошеленко Г. А., Гаибов Б. А., Бадер А. Н.** Александр Македонский в Маргиане, Вестник древней истории, 1, 2000, 3–15.
- Markwart (Marquart) J.:** *Ērānšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i* (=Abh. Königl. Ges. der Wiss. Göttingen, phil.-hist. Klasse, N. F. III, No. 2), Berlin 1901.
- Markwart J.** *Wehrot und Arang*, Leiden 1938.
- Ольбрихт М. Я.** Проблемы исторической географии Туркменистана в эллинистический и аршакидский периоды // Мерв в древней и средневековой истории Востока III: Мерв и парфянская эпоха, Ашгабад 1992, 21–22.
- Olbrycht M. J.** *Alexander the Great and the Iranian world*, Rzeszow 2004.
- Olbrycht M. J.** The Ochosi river in the classical sources: a study in the historical geography of northeastern Iran and Middle Asia // Центральная Азия. Источники, история, культура. Под редакцией Т. Мкртычева. Москва 2003, 114–117.
- Пьянков И. В.** Античные источники о Средней Азии и их интерпретация (по поводу двух работ Ф. Грене и К. Рапэна), Вестник древней истории, 1, 2004, 96–110.
- Rapin C.** L'incompréhensible Asie centrale de la carte de Ptolémée. Propositions pour un décodage, *Bulletin of the Asia Institute*, 12, 1998, 201–225.
- Tomaschek W.,** *Centralasiatische Studien: Sogdiana*, Wien 1877 (Sitzungsberichte der phil.-hist. Klasse der kais.-koenigl. Akad. der Wissenschaften 87).

7 Grenet/Rapin, Alexander; Rapin, L'incompréhensible Asie centrale. Ср. Пьянков И. В. Античные источники.

Шокир Пидаев
(Узбекистан)

ТОРГОВЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ БАКТРИИ-ТОХАРИСТАНА С ХОРЕЗМОМ ДРЕВНОСТЬ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Древняя Бактрия — один из самых ранних очагов цивилизации — благодаря своему географическому расположению и экономическому потенциалу была вовлечена в теснейшее политическое и этнокультурное взаимодействие со многими странами и народами древнего мира. Известно, что через территорию Бактрии проходили основные трансконтинентальные торговые и стратегические пути, соединяющие Восток с Западом, Север с Югом. Интенсивное развитие культурных и торговых взаимосвязей прослеживается в исторические периоды, когда Бактрия находилась в составе могущественных империй Александра Македонского, Селевкидов, Кушан. Для Бактрии того времени характерен быстрый рост новых городов и дальнейшее развитие старых, расцвет городской культуры. Видимо, поэтому многие античные авторы описывали Бактрию как «страну тысячи городов». Новейшие археологические открытия свидетельствуют, что в Бактрии в этот период происходили сложные этно-культурные процессы, отразившиеся на материальной и духовной культуре народа.

Не менее развитым и своеобразным историко-культурным регионом Средней Азии является древний Хорезм. Как известно, в V–IV вв. до н. э. древнехорезмийская цивилизация поднимается на качественно новую, более высокую ступень своего развития. Начиная с этого времени, в области идет интенсивный процесс урбанизации. Появляются десятки больших и малых городов, складываются монументальные культовые центры, отмечается дальнейшее развитие ремесленного производства, идет активная культурная интеграция, закладываются основы государственности, формируются принципы внешне-экономической и торговой деятельности.

Необходимо отметить, что и Бактрия, расположенная в верховьях Аму-дарьи, и древний Хорезм, занимающий ее дельтовую часть, своей развитой экономикой были обязаны Аму-дарье. Еще Страбон писал 11.1.14: что «в Бактрии растет все, кроме оливкового дерева».¹

Водные артерии Аму-дарьи были основными источниками сложения и развития в этих регионах древнеземледельческой и городской культуры. Не случайно, сре-

¹ **Страбон.** География в 17 кн. (пер. Г. А. Стратановского). — Л., 1964. с. 11.1.14

ди населения Бактрии и Хорезма был широко распространен культ Вахша, божества Аму-дарьи. В честь него строились монументальные храмы. Один из таких культовых сооружений обнаружен на городище Тахти-Сангин, расположенном прямо на берегу Аму-дарьи. В одном из залов этого храма найден votивный алтарь на каменном постаменте, на фронтальной плоскости упомянуто божество Вахш. Его имя по сей день носит одна из рек, которая вливается в Аму-дарью.

В Хорезме аналогичным культовым комплексом является Елхарас, расположенный в дельтовой части Аму-дарьи, у входа Туямуюнской теснины. Кроме того, изображение этого божества найдено на памятнике Калалы гыр II,² его имя упомянуто в надписях, обнаруженных на этом же памятнике и на Топрак кале.³

Бактрия и древний Хорезм поддерживали широкие культурные и торгово-экономические контакты, которые осуществлялись как по суше, так и водным путем. Расширение и развитие этих связей приходится на греко-бактрийский и кушанский периоды. В это время в большинстве случаев они осуществлялись водным путем, по Аму-дарье, чему способствовали не только краткость безопасного пути, но и изменение гидрографической ситуации в системе вод Аму-дарьи: река в это время была более полноводной. Это положение подтверждают и сведения античных источников. В частности, Страбон, ссылаясь на Ариостоула, участника похода Александра Македонского на Восток, пишет, что «... Окс самый большой из виденных им в Азии рек, кроме индийских. По его словам, это река судоходна (и он, и Эратосфен заимствовали это известие у Патрокла) и много индийских товаров перевозят вниз по ее течению в Гирканское море; оттуда их переправляют в Албанию и через реку Кир и следующие затем местности доставляют в Евксинский Понт (Страбон, II, VII, 2). В другой части своего труда, он отмечает, что «... река Окс, отделяющая Бактриану от Согдианы, как говорят, отмечается такой судоходностью, что индийские товары, подвозимые к ней через горы, можно доставлять вниз по ее течению до Гирканского моря и оттуда по рекам в соседние области вплоть до Понта» (Страбон, II.I.15). Наличие судоходства в период II–I вв. до н. э. подтверждают и сведения китайской хроники. По данным Перикла, в I в. до н. э. китайские товары попадали на Ближний Восток и в греко-римский мир через Бактрию и Индию.

Исходя из этих письменных источников можно утверждать, что Бактрия и Хорезм являлись транзитным регионом, через который товары следовали как из Китая и Индии в греко-римский мир, так и в обратном направлении. Часть этих предметов естественно оседала как в Бактрии, так и в Хорезме. Находки на Калалы гыре II импортного сосуда с налетом в виде типичной головы Марсия, ритона с фигурой Ахелея, каменных и керамических чаш и коробочек, характер-

2 Лившиц В. А. Надписи и документы // Калалы гыр 2. Культовый центр в Древнем Хорезме. — М., 2001

3 Лившиц В. А. Документы // Топрак-кала. Дворец. — М., 1984. с. 258

ных для греко-римской культуры, наглядное тому подтверждение.⁴ На тесные торгово-экономические контакты Бактрии с Хорезмом в эллинистический период указывают и монеты греко-бактрийских правителей на археологических памятниках, появление которых способствовало возникновению и развитию денежной системы древнего Хорезма. Не случайно в качестве образца для чеканки собственных монет хорезмийские правители выбрали тетрадрахму Евкратида.⁵ Следующий этап оживления торгового пути по Аму-дарье относится к кушанскому периоду древней истории (II–III вв. н. э.). Об этом убедительно свидетельствуют находки значительного количества медных кушанских монет на памятниках Хорезма. Большинство найденных монет имели надчеканы с хорезмийской царской тамгой. Судя по всему, они выполняли функции мелкой разменной монеты.⁶

В настоящее время трудно однозначно говорить, из каких городов Бактрии отправлялись в Хорезм античные торговые суда с бактрийскими, индийскими и китайскими товарами. По мнению Б. И. Вайнберг, в эллинистическое время основным морским городом был Айханум, расположенный у впадения реки Кокча в Аму-дарью, на левом его берегу.⁷ Однако нам хотелось бы отметить, что в верховьях Аму-дарьи, где расположен Айханум, судоходство затруднено из-за сильного течения реки. По всей вероятности, в этой части реки можно было переправляться лишь на небольших надувных лодках-бурдюках из бараньих шкур. К тому же в районе Айханум отсутствовал лес, пригодный для строительства судов. Историко-топографическое исследование побережья верховьев Аму-дарьи показывает, что реальным городом, через который могли отправляться торговые суда в Хорезм был Тармита-Термез, локализуемый как Александрия на Оксе, или Антиохия — Тармита.⁸ Во-первых, в этом районе Аму-дарья выходит на равнину и течение реки становится более спокойным и благоприятным для судоходства. Во-вторых, в эллинистический период Тармита-Термез являлся самым крупным городским центром на берегу Аму-дарьи, после Айханум.⁹ В-третьих, Тармита-Термез был расположен на переправе. Кроме того, через Тармиту-Термез проходила кратчайшая дорога, соединяющая Бактрию с Согдианой. Функции портового города мог выполнять и Кампыртепа, расположенный также на одной из главных переправ на правом берегу Амударьи. Тармита-Термез в кушанский период превратился в самый крупный портовый город Бактрии площадью более 350 га. Очевидно, в раннем и развитом средневековье Тармита-Термез сохранил за собой те же функции. Не случайно, на реверсе монет раннесредневекового Тармита-Термеза изображена тамга в виде якоря. Арабо-персидские авторы

4 **Вайнберг Б. И.** Водный торговый путь по Амударье и культовые центры вблизи него // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 15. Москва-Магнитогорск, 2005. с. 15.

5 **Вайнберг Б. И.** Монеты древнего Хорезма. — М., 1977. с. 12–17.

6 Там же, с. 87–89

7 **Вайнберг Б. И.** Указ соч., 2005

8 **Пйдаев Ш. Р.** К вопросу локализации Александрии на Оксе // ИМКУ, вып. 26. Ташкент, 1992. с. 46–59; **Грне Ф., Рапэн К.** К вопросу о согдийской находке Александра Македонского в 328 г. до н. э. // Термез шаҳри рининг жа қон цивилизациясида тутган ўрни. Тошкент-Термез, 2001. с. 119

9 **Pidaev Sh. R.** Termez during the Greco-Bactrian period // Silk Road Art and archaeology. N 9. Kamakura, 2003. P. 1–44.

X-XII вв. также характеризуют Термез как главный портовый город, расположенный на Аму-дарье. В частности, Истахри отмечал, что Термез служил пристанью на Джейхуне.¹⁰ Другой автор, Мукаддаси, писал, что «Термез являлся основным городом на Джейхуне, куда пристают суда, приплывающие со всех сторон».¹¹

Сведения средневековых авторов подтверждаются и материалами историко-топографического изучения городища Старого Термеза. В юго-восточной части городища, у реки был расположен квартал лодочников-матросов, обслуживавших военные и торговые суда, плавающие по Аму-дарье. Здесь также жили ремесленники-кештибананы, специализирующиеся на строительстве речных судов различных типов, в частности, таких как каюк или киме. Судя по данным Мукаддаси они являлись одним из предметов экспорта Термеза.¹² Кроме лодочников Термеза в Мавераннахре славились своим мастерством и лодочники Хорезма и Ханабада (Чач). Еще одним и весьма веским доказательством в пользу Термеза как самого крупного портового города являются сохранившиеся части пристани, построенной во второй половине X в. Она функционировала до 1220 г., вплоть до разрушения города войсками Чингисхана. Насколько нам известно, это единственное сооружение такого типа, сохранившееся до наших дней.

Как выглядели суда, плавающие по Аму-дарье? Ответить на этот вопрос однозначно довольно трудно. В письменных источниках, где речь идет о мореходстве, как правило, отсутствует их описание, а сами суда до наших дней не сохранились, за исключением одной лодки, обнаруженной на дне Сыр-дарьи и относящейся, судя по всему, к средневековому периоду. В свете сказанного, большой интерес представляют найденные при археологических работах изображения судов. К сожалению, их немного, тем не менее, они дают возможность получить представление о конструкции судов, плававших по Аму-дарье в древности и средневековье. Среди них наскальное изображение в Бешташе (Хорезм), датируемое серединой I тысячелетия до н. э.¹³, сохранность которого оставляет желать лучшего. Тем не менее здесь довольно определенно улавливается схематичное изображение двух фигур и основные конструктивные детали парусного судна. Рисунок находит параллели с изображениями судов на памятниках архаического Египта. Другая находка также связана с Хорезмом. Это изображение судна, оттиснутое на глине, найдено на Койкрылган кале. К сожалению, детали корабля очень трудно разобрать. Найдка датируется IV–III вв. до н. э. Топография этих древних изображений судов указывает на широкое распространение судоходства еще в середине I тысячелетия до н. э. и на довольно высокий уровень развития судостроения, что подтверждают и письменные источники. Геродот описывая поход ахеменидского царя Кира II против массагетов отмечал, что «... для переправы войска царь

10 **Истахри.** BGA., vol. I. Lugduni Batavorum, 1870. P. 297.

11 **Мукаддаси.** BGA., 1906. с. 291.

12 Там же, с. 98.

13 **Толстов С. П.** Древний Хорезм. — М., 1948. с. 76, рис. 14.

приказал построить понтонные мосты через реку [Аракс.], а на судах, из которых состояли мосты, воздвигнуть башни».¹⁴

Более подробную информацию о конструкции судов, плававших по Аму-дарье — Окс дает изображение на булле, найденное в Каратепа (Старый Термез). Булла относится к кушанскому времени. «Днище корабля имеет правильные округлые очертания и обозначено мощным валиком. В изображении бортовой части судна прослеживается пять горизонтальных линий, идущих от кормы к носу, и десять вертикальных линий, соединяющих днище судна с верхней частью борта. Вертикальные линии в местах пересечения с горизонтальными смещены, создавая обшитую поверхность. Под днищем судна прослеживаются изображения 18 гребных весел, а в кормовой части — большое рулевое весло».¹⁵ Над бортовой частью отчетливо читаются изображения пяти воинов в анфас с копьями. Впереди судна изображена небольшая лоцманская лодка с двумя матросами. По мнению Б. Г. Петерса, на каратепинской булле изображено своеобразное аму-дарьинское военно-транспортное судно, плывущее вниз по течению реки.¹⁶ Изображение судна находит довольно близкие аналогии с вавилонскими транспортными судами типа куфе.¹⁷ Сходство выражается в продольной округлости днища, плетении и в обивке стенок судна кожей. Однако имеются и некоторые отличия. В частности, в изображении вавилонского судна носовая и кормовая части ясно не выражены, отсутствуют также рулевое весло и гребные весла с бортов.¹⁸ Отметим также, что судно на каратепинской булле обнаруживает параллели с судами на монетах позднеримского времени. Так, в частности, схожее изображение судна можно увидеть на римской монете IV в. н. э. Их объединяет округлая форма днища, высокая, отогнутая наружу носовая и кормовая части судна.¹⁹ Отличительной чертой римского судна на монете является наличие мачты с парусами. Другой близкой аналогией для каратепинского судна может служить изображение судна на монете из Южной Индии. У них схожая форма корпуса, носовая и кормовая части судна.²⁰ Такие параллели дают основание считать, что морские и речные торговые суда на имели одинаковую конструкцию и отличались лишь размерами. Несколько к более позднему времени относится изображение речного судна, сохранившегося в росписях Афрасиаба, на северной стене приемного зала дворца самаркандского ихшида Вархумана.²¹ Еще одно судно представлено на керамике Афрасиаба

14 Геродот. История в девяти книгах. (Пер. Г. А. Стратановского). — Л., 1972

15 Петерс Б. Г. Морское дело в античных государствах Северного Причерноморья. — М., 1982. с. 215.

16 Петерс Б. Г. Изображение корабля на булле из Кара-тепе // Буддийские комплексы Кара-тепе в Старом Термезе. — М., 1996. с. 215.

17 Белявский В. И. Вавилон легендарный и Вавилон исторический. — М., 1971, рис. на с. 14; Nadja Wrede. Ein neubabylonisches Schiffsmadell in der Heidelberger. Uruk-Warka Sammlng. Lyx Orientis Archöologie zwischen Asien und Europa. Verlag Marie Leidorf GmbH. Rahden/Westf, 2001. P. 428–431

18 О характере вавилонских речных судов см. Геродот I, 194.

19 Cassol L. Ships and Seamanhips in the ancient Wold. Baltimor, L. 1995. fig. 169, p. 109

20 Schilingloff D. Ludische seeparht in römischer Zeiti Zur geschistlichen Bedeutung der frühen seeparht kollagriem rur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie. Bd. 2. — München, 1992. P. 57, bb. 4

21 Альбаум Л. И. Живопись Афрасиаба. — Ташкент, 1975. с. 64, рис. 21, табл. XXXVIII.

десятого века.²² Это штампованное схематичное изображение судна, вписанного в круглый медальон. Судно имеет округлое днище. Носовая и кормовая части высоко подняты и заканчиваются скругленными рельефами, возможно указывающими на то, что они были оформлены сюжетными изображениями. Судно было однопарусным. В изображении хорошо читается высокая мачта с горизонтальной реей для крепления паруса. Рулевое и три гребных весла изображены в виде рельефа справа под днищем судна. Отметим схожесть конструкции судна на афрасиабской керамике и изображенного на булле из Каратепа. Оба они имеют округлое днище, носовая и кормовая части их высоко приподняты и оформлены рельефным изображением. Это, с одной стороны, указывает на выработанность иконографии в изображении судов, а с другой — на существовавшую в данной отрасли консервативность. Суда в течение нескольких столетий практически не видоизменялись. Это лишний раз подтверждает мнение многих исследователей, занимающихся историей судоходства, что конструкция морских торговых судов, и в данном случае и речных, сложившаяся в позднеримское время, оставалась по существу неизменной до развитого средневековья.²³

И наконец, хотелось бы сказать несколько слов о самой Аму-дарье-Окс. Как известно, течение Аму-дарьи, особенно в ее верхней горной части, очень сильная: в три раза превышает течение Нила и в десять раз — течение Волги.²⁴ От Бактрии-Тохаристана до Хорезма река имела много перекатов глубиной до 0,7 м. К тому же Аму-дарья имела очень изменчивый фарватер, что исключало ночное плавание. Трудности судоходства требовали от экипажа судов, плавающих по реке больших профессиональных навыков и знания.

22 **Вишневецкая Н. Ю.** Штампованные фигуративные изображения на среднеазиатской керамике X-XIII вв. (из коллекции государственного музея Востока) // РА, № 2. — М., 2007. с. 120–121

23 **Cassol L.** Ships and Seaman'ships in the ancient World. Baltimor, L. 1995. P. 175; 20. **Dembshi G.** Non olef. Das Geld der Romer. Wien, 2000. P. 62

24 **Петерс Б. Г.** Указ. соч., 1996, с. 216

Клод Рапэн
(Франция¹)

ТОРГОВЫЙ ПУТЬ ИЗ ИНДИИ К ПОНТУ У СТРАБОНА: МЕЖДУ КАРТОГРАФИЧЕСКИМ МИРАЖОМ И АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТЬЮ

Как и историческая география, античная картография является важной дисциплиной для изучения периферии греко-римского мира или же регионов, лежащих за его пределами, которые в силу своего географического положения не нашли широкого отражения в письменных источниках. Значение этой дисциплины тем более велико, поскольку, как это будет показано в данной статье, историки Античности гораздо чаще использовали карты для подкрепления своих нарративов, чем нам это ранее представлялось. Вместе с тем, эти карты, существовавшие или в виде описаний, или в виде графических схем, не отражали реального состояния географических объектов, являясь скорее продуктом фантазийной географии, где мифологические факты нередко компенсировали слабость реальных знаний.

Хотя Средняя Азия находится в центре между степным миром, иранским плато, Средним и Дальним Востоком, она долгое время оставалась в числе регионов, наименее доступных для западных путешественников и, соответственно, наименее изученных, будучи в этом отношении сопоставима с территорией у истоков Нила. Именно поэтому, несмотря на тот факт, что уже во II веке н. э. географ Птолемей завершил составление своей детальной *Географии*, на протяжении столетий представления об этом регионе в картографическом плане оставались чрезвычайно противоречивыми, сохраняя за Средней Азией характеристику одной из самых туманных частей греческой Ойкумены. Лишь только в конце XVII – начале XVIII веков реальное открытие Аральского моря позволило дистанцировать реки Аму-дарью и Сыр-дарью от Каспийского моря и уточнить картографический образ этой *terra incognita*, одной из последних на планете.

Как позволяет предположить структура списков областей Ахеменидской империи (как в частности список Накш-и Рустама), Ахемениды к VI веку до н. э., вне сомнений, уже создали относительно верную общую карту Азии. Несмотря на то, что греки, как в частности Гекатей, наверняка были знакомы с этим документом,

¹ Я хотел бы выразить благодарность Светлане Горшениной за перевод этой статьи с французского языка на русский, а также Францу Гренэ за его комментарии, высказанные в ходе подготовки этой статьи. Перевод античных источников на русский язык был осуществлен, опираясь на французскую версию статьи, так как существующие антологии древних текстов на русском языке не дают перевод всех цитируемых здесь отрывков; переводы отрывков книги IX Страбона опираются на французский перевод Lasserre, 1975.

мы не знаем ни одного произведения, предшествующего эллинистической эпохе, начиная с *Historiae* Геродота и заканчивая *Cyropaedia* Ксенофонта², которое давало бы логичное описание азиатского континента далее Месопотамии.

Фантазийная география «Вульгата» и среднеазиатский маршрут Александра Великого

Противоположно распространенной точке зрения античная география развивалась скачкообразно, чередуя периоды регресса, отмеченные серьезными утратами информации, и этапы прогрессирования географических знаний. Описание маршрута Александра Великого по Азии, отразившееся в многочисленных противоречивых сведениях письменных источников, является наилучшим примером этого непоследовательного развития (рис. 1). Предприняв попытку точно зафиксировать в картографической форме данные историков так называемого «Вульгата», мы можем констатировать, что полученный таким образом маршрут македонца далек от реально существовавшего пути. Начиная с эпохи Александра, картография страдала от ряда амальгам, в том числе между горными отрогами реального Кавказа и Кавказа-Гиндукуша в Афганистане. Помимо этого, известный по письменным источникам маршрут Александра Македонского от своего начала в 330 г. в Персополисе, ведущий затем в Гирканию и другие реально существовавшие регионы, пересыпан упоминаниями целой серии мифических образов, таких, как амазонки, Аримаспы, скала Прометея и Аракс Медийский, которые практически все связаны с регионом Черного моря реального Кавказа (Rapin, 2005) (рис. 3). С другой стороны, регионы, которые в реальности являются частью Афганистана, приведены в этих описаниях как находящиеся на побережье Понта Черного моря. Особенно явно это проявляется по отношению к Арахозии и Бактрии. Так, Яксарт перепутан с Танаисом/Доном Черного моря и скифы, живущие на другом берегу этой реки представлены как находящиеся в Европе. Эта картографическая репрезентация, созданная историками в нарративах и более чем вероятно зафиксированная в виде графической схемы, в течение веков негативно влияла на понимание маршрута Александра Македонского в Азии. Даже Арриан, традиционно цитируемый как модель для подражания в смысле точности излагаемых сведений, нередко дает весьма путанные картографические объяснения.

В течение последних лет мои совместные с коллегами усилия были направлены на анализ текстов античных авторов. Результаты этих интерпретаций, вкуче с археологическими раскопками, проводимыми в районе «Железных ворот» Согдианы, находящихся рядом с Дербентом, что на пути от Самарканда к Термезу, позволили не только реконструировать более правдоподобный маршрут Александра Великого,

² Как другие авторы классической эпохи, Ксенофонт располагает Гирканию и Бактрию в западной половине Азии. Мы находим также локализацию Гиркании на запад от Каспия как в фантазийной географии «Вульгата» (*infra* и рис. 3), так и в повествовании Плутарха об экспедиции Помпея по Кавказу (*Помпей*, XXXVI–XXXIX, *infra*).

но и разрешить ряд крупных проблем греческой географии Средней Азии (Рапэн, Бо, Гренэ, Рахманов, 2006; Sverchkov, 2008).

Наиболее важные из сделанных идентификаций — реки Оха с Дарьей-и Панджем и верхнего течения Окса с Вахшем — позволили нам зафиксировать по Вахшу и Аму-дарье реальные очертания границы между Бактрией и Согдианой³ (рис. 1 и 2), а также с достаточной вероятностью определить древние названия города Термеза⁴ и городища Ай-Ханум⁵. Как представляется в свете этих новых данных, верхнее течение Окса не пролегало ни по Памиру, ни по Гиндукушу, но следовало по отрогам Алая в Таджикистане. Что касается Яксарта, который традиционно цитируется в античных источниках в паре с Оксом, то на сегодняшний день никакое серьезное исследование не в состоянии обнаружить древнее русло этой реки, которое огибало бы Арал и впадало бы в Каспийское море. Если же согласиться, что Яксарт всегда нес свои воды только в Арал, то это означает, что древние картографы амальгамировали его с какой-то другой рекой в тот момент, когда Яксарт упоминался в контексте Окса, текущего в сторону Каспия.

Таким образом, наиболее известная античная кощепция карты Бактрии с источниками Окса по центральной оси Афганистана и двумя основными среднеазиатскими реками — Аму-дарьей и Сыр-дарьей — впадающими в Каспийское море, находится в противоречии с реальным положением вещей.

Именно в этой перспективе, отражающей непоследовательность античной картографии, я попытаюсь показать в данной статье, почему нельзя говорить о существовании упомянутого Страбоном и Плинием коммерческого водного пути между Индией и Черным морем вне контекста античной картографии и почему эти сведения не могут быть расценены как объективная констатация факта вне серьезного критического анализа. Подобный подход должен показать, в какой мере эти данные представляют собой не что иное как результат интеллектуальных спекуляций античных авторов, основанных на искаженной карте Средней Азии. Последняя была создана в III веке до н.э. Эратосфеном, который частично опирался на сведения о Каспийском море, собранные по инициативе Селевка и Антиоха в 285–280 гг. до н.э. усилиями Патрокла, одного из их стратегов (рис. 4).

3 Grenet, Rapin, 2001. См. также синтез теорий, касающихся Окса, а также упоминание точки зрения, согласно которой Бактрия простирается к северу от Аму-дарьи вплоть до Железных ворот Дербента: Пьянков, 1982, р. 34–54.

4 *Tarmantis, Alexandria Oxiana, Antiochia Tarmita*.

5 **Oskobara*: этот топоним можно обнаружить в имени *Scobaru* (*Карта Пейтингера и Космограф из Равенны*), а также в наименовании народов скордов/*Skordai* (Птолемей VI, 11), фармакотрофов/*Pharmacotrophi* (Помпониус Мела I, 2.13) и гарматотрофов/*Harmatotrophi* (Плиний VI, 48): Rapin, 2005, р. 172. Последние два этнонима *Pharmacotrophi* и *Harmatotrophi* не что иное как слияние двух других этнонимов *Ouarnoi/Tharnoi* {регион Кундуза} и *Skordai* Птолемея: Пьянков, 1997, р. 288. У Ороза этот топоним *Oskobara* использован для обозначения горы (гора Оскобар). В эпоху Евкратиды город носил имя Евкратидия (*Eucratidia*): Bernard *et alii*, 1980, р. 38. Напомним, что Ай-Ханум никогда не назывался *Alexandria Oxiana*.

Таким образом, я не предполагаю привлекать здесь к анализу всю сумму различных данных, таких как археологические, литературные, нумизматические и эпиграфические, которые находятся на сегодняшний день в нашем распоряжении, для реконструкции истории трансконтинентальной торговли (Callieri, 2003). Я сознательно ограничусь упоминанием трех наиболее известных маршрутов, объединивших Дальний Восток и мир Средиземноморья начиная главным образом с I века н.э.: 1) сухопутный путь через иранское плато с двумя большими перекрестками в Бактрах и Самарканде; 2) морской путь через Индийский океан; 3) степной путь, пролегающий на север от Каспия. Водный путь, состоящий из нескольких речных сегментов и якобы пролегающий от Индии до Черного моря, должен был бы быть четвертым вариантом этих трансасиатских магистралей.

Эти перечисленные торговые трассы отличны от разветвленной сети коммерческих обменов, часто определяемой как «Великий Шелковый путь», который появился в контексте прямых и регулярных обменов между Средиземноморьем и Средней Азией. Эта торговая сеть является относительно поздним феноменом по отношению ко времени существования империи Александра и его греко-бактрийских и индо-греческих наследников.

При эллинистической власти торговые обмены со Средней Азией были относительно малочисленны, судя по редкости наличествующих на Западе источников, которые повествуют об отдаленных сатрапиях, и единичности находок средиземноморской продукции, обнаруженных в отдаленных регионах Востока. Исследования, проведенные на греко-бактрийском городище Ай-Ханум в Афганистане и показавшие отсутствие активного коммерческого диалога, очень важны в этом отношении (Rapin, 1992, p. 295–299). В то время как город находился под сильным греческим культурным влиянием вплоть до своего уничтожения в 145 году до н.э., находки предметов западного происхождения чрезвычайно редки. Изделия индийского производства, которые не менее уникальны в Ай-Ханум, появились здесь как результат военных походов Евкратиды I в Индию. То есть, трансконтинентальная и трансасиатская торговля не играла значительной роли в экономике греко-бактрийцев.

Развитие обмена по оси Восток-Запад начинается вслед за падением греко-бактрийского царства и усиливается после появления в Средней Азии крупных империй, имеющих кочевнические корни⁶. В частности, речь идет о Кушанской империи, которая простиралась от «Железных ворот» Согдианы до Индии. На севере скифо-сарматские народы традиционно более активно участвовали в обмене с Китаем, как это подтверждает, наравне с другими находками, открытие царской гробницы, сделанное нами в районе Самарканда и датируемое началом I века н.э. (Rapin, Isamiddinov, Khasanov, 2001; Rapin, 2007).

6 О трансконтинентальной торговле, проходящей через Среднюю Азию в этот период, см. La Vaissière, 2004.

Два водных северных пути от Индии до Средиземного моря

В годы, последовавшие за экспедицией Александра Великого, география Средней Азии предположительно должна была бы быть относительно хорошо известна. К 285–280 гг. Селевкиды якобы организовали путешествие вдоль всего побережья Каспийского моря под руководством Патрокла, чьи свидетельства заняли впоследствии почетное место во всех источниках, говорящих о Средней Азии (Плиний, *Hist. nat.* VI, 58); вместе с тем, вопрос о том, действительно ли эта экспедиция имела место, остается открытым. Одной из причин последнего является масса неверных наблюдений, переданных Патроком. В любом случае, признаем ли мы это путешествие реальным или нет, письменные наблюдения Патрокла привели к созданию искаженной, нелогичной карты Азии, от которой последующие поколения географов никак не могли избавиться. Пытаясь вычислить различные гипотетически возможные дороги между средиземноморским миром и Индией, Патрокл способствовал выработке ряда концепций, наиболее сильно искажающих историческую и географическую реальность.

С одной стороны, воображая существование морского пути между Индией и Каспием, Патрокл заложил основы целой школы географов, которые будут утверждать, что Каспий не что иное как залив, открытый в предполагаемый Северный океан (Страбон XI, 11.6: «Факт, говорящий о том, что навигаторы могли бы пройти от Индийского до Гирканского моря, следуя по побережью, не принят всеми, но Патрокл говорит о нем как о возможном»). С другой стороны, собирая практически в непрерывное единое целое различные сегменты речных путей от Индии до Понта, эти географы вслед за Патроком придерживались схемы, согласно которой Окс и Яксарт впадают в Каспийское море. Первая ошибка, связанная с Каспийским заливом, исчезнет не ранее эпохи Возрождения и возвращения в интеллектуальный оборот *Географии* Птолемея. Вторая ошибка, связанная с впадением двух основных среднеазиатских рек в Каспий, будет исправлена на картах не ранее конца XVII – начала XVIII веков, когда Аральское море будет окончательно отделено от Каспийского⁷.

1) От Индии до Каспия по морскому пути

Проблемы, связанные со сведениями, появившимися после путешествия Патрокла по Каспийскому морю, стали объектом многочисленных исследований начиная с XIX века (Callieri, 2003). Несмотря на то, что его путешествие задумывалось как проходящее по всему периметру побережья этого моря, Патрокл скорее всего придерживался южной его части, по-видимому не углубляясь на восток далее устья Атрека и на запад далее региона расположения нынешнего Баку, которое он оценил как место сужения «Каспийского залива» (Neumann, 1884; Lasserre,

⁷ Подробнее об истории открытия Средней Азии и ее картографировании см. Gorshenina, 2007.

1975, p. 74, 164–165). Литературное описание Каспия как залива, открытого к северу, присутствует у таких географов как Страбон (XI, 6.1)⁸, Помпониус Мела (*De Chorographia* III) или же на *Карте Пейтингера* (рис. 5), что соответствует картографической схеме, которая прочно утвердилась в географической традиции под влиянием Эратосфена. Следуя логике этой устоявшейся традиции, вся территория на западе между Танаисом/Доном и Каспием была расценена как мыс, ориентированный на север (Страбон XI, 1.5). Эта ложное видение сохранило свою актуальность даже после II века н.э., несмотря на нововведение Птолемея, представившего Каспий не как залив, но как изолированное море, закрытое на севере землями степных народов (рис. 6)⁹.

2) Речной путь согласно Страбону и Плинию

В отличие от больших магистралей, хорошо известных благодаря как письменным так и археологическим источникам, понимание гипотетического промежуточного маршрута через Каспийское море, лежащего между царским путем иранского плато и степными трассами, зависит прежде всего от письменных данных, которые, как я покажу далее, находились под сильнейшим влиянием картографического материала.

Говоря о маршруте от Индии до Понта, Страбон и Плиний отсылают к двум различным периодам, первый из которых соотносится со временем плавания Патрокла по Каспию в начале III века до н.э., а второй соответствует времени, отмеченному экспедицией, предпринятой Помпеем в 65 г. до н.э. по Кавказу, или же походом Канидия (P. Canidius Crassus) в тот же регион, осуществленном в 36 г. до н.э. (Callieri, 2003).

Отрывки нарративов, повествующие о транскаспиской трассе, подразделяются на три группы: две находятся в тексте Страбона (А и Б), источники которого восходят соответственно к Патроклу и Помпею, и одна — в тексте Плиния, касающегося периода Помпея (В).

А) Для наиболее древнего периода самое полное упоминание этого маршрута фигурирует в главе, которую Страбон посвятил описанию Гиркании (XI, 7.3): «{Аристобул} также говорит {что Окс} может быть судоходным; подобное он заключает, как и Эратосфен, из {свидетельств} Патрокла; он уверяет, что эту реку используют, чтобы доставлять по ней к Гирканскому морю множество индийских товаров, которые впоследствии пересекают это море вплоть до Албании и которые транспортируются до Понта по Киру и через по-

8 «Каспийское море не что иное как залив, который уходит от океана к югу, начинаясь в виде достаточно узкой шейки и постепенно расширяясь по мере углубления в сушу, особенно сильно к своему завершению, где оно достигает ширины около пяти тысяч стадий».

9 Следы древнего картографического лимита на севере можно распознать в горизонтальной линии, изображающей Яксарт, который отмечает предел известного в эпоху Страбона (рис. 6) мира.

следующие за ним этапы». Видимое с востока в этом отрывке Каспийское море носит название «Гирканское».

Несмотря на то, что пересечение Каспия описано не столь ясно как в предыдущем отрывке, тот же маршрут фигурирует в более кратком изложении — без упоминания Албании и Кира и указания источников информации — в другом параграфе, говорящем о климате севернее горных трансконтинентальных хребтов (II, 1.15): *«Добавим, что Окс, который формирует границу между Бактрией и Согдианой, известен как настолько удобный для судоходства, что товары из Индии, транспортируемые по этому пути, спускаются без всяких трудностей вплоть до Гиркании, откуда они впоследствии распространяются речным путем во все близлежащие страны вплоть до Понта»*.

Эти два отрывка, составленные по комментариям Патрокла, имеют общие детали: они упоминают индийское происхождение товаров, их транспортировку через Окс и распространение в Понте¹⁰.

Б) В двух последующих отрывках, абсолютно иных по характеру и восходящих, по-видимому, к эпохе Помпея (хотя он в них и не упоминается), тот же самый путь описывается с точки, расположенной на западе. Таким образом, путь развивается в противоположном направлении, с запада на восток.

В следующем отрывке Страбона (II, 1.11) Каспий, видимый с запада, фигурирует под названием «Каспийского моря»: *«Переезд через море {по Понту} реально осуществим от Амиса (Amisus) в Колхиде по направлению прямо к восходу, доказательством чего является тот факт, что повсюду по этой линии можно наблюдать одни и те же ветра, сезоны, дары земли, восходы солнца. По этой же линии располагается перевал, выходящий к Каспийскому морю, и дорога в Бактры, которая является его продолжением»*. В отличие от описаний, восходящих к Патроклу, этот отрывок не говорит ни о каких товарах; вместо упоминания Индии приведены данные о Бактрах.

Этапы сухопутного пути, следующего от реки Фасиса (*Phasis*) до реки Кира (*Cyrus*), отсутствуют в отрывках, соотносимых с более древним периодом и связанных с Патроком. Однако они подробно (указана длина пути в днях) описаны в отношении двух непоследовательных этапов в главе, где Страбон повествует о Колхиде (XI, 2.17). Информация особенно детальна в отношении продолжительности промежуточного сухопутного путешествия между водными путями. В этом отрывке, во многом непоследовательном по причине разнохарактерности источников, описанные маршруты начинаются от города Фасиса, на берегу Понта со сто-

¹⁰ Тарн (Tarn, 1901) противопоставляет эти два отрывка с тем, чтобы подчеркнуть, в плане коммерции, изначально гипотетический характер этого маршрута. См. также Тарн, 1985, р. 488–490 (глава «The supposed Oxo-Caspian trade-route»).

роны Колхиды, развиваясь сначала на восток, вплоть до реки Кир, затем на запад, вдоль Понта до Синопы: «{Колхиду} пересекает река Фасис {...}. По ней можно подняться на лодке до Сарапана {...}. Оттуда можно добраться до Кира за четыре дня пути по колесной дороге. На берегах Фасиса расположен город, носящий то же имя, что и река. Будучи торговым портом колхидцев, город защищен с одной стороны водами реки, с другой — озером и с третьей — морем. Оттуда до Амиса и Синопы надо считать три или четыре дня плавания».

Несмотря на то, что ранее Страбон в своем описании Гиркании упоминает о плавании по Каспийскому морю, в другом отрывке он дает противоположную характеристику, согласно которой это море не судоходно (XI, 7.2).

Та же информация содержится и у Помпониуса Мелы (*De Chorographia* III, 5.38): «{Каспийское море} все в своей массе плохое, дикое, лишённое портов, продуваемое со всех сторон ветрами и наполненное более чем другие {морья} морскими чудовищами, то есть наименее удобное для судоходства».

Вместе с тем, надо принять к сведению, что, несмотря на подобные негативные характеристики, Патрокл все-таки смог осуществить путешествие по этому морю, следуя вдоль его берегов (Плиний VI, 58).

В) Третья группа упоминаний этого пути представлена, в основном, данными Варрона, пересказанными Плинием Старшим (VI, 52) и Солином (*infra* п.1): «М. Варрон {...} написал, что при Помпее было признано, что в течение семи дней можно доехать до Бактрии из Индии по реке {Vactrus}, которая впадает к Окс, и что товары из Индии, пребывающие оттуда через Каспийское море в Кир, могут быть транспортированы по суше, в течение пяти дней максимум до Фасиса, который впадает в Понт».

Сведения, содержащиеся в этом отрывке, касаются не только экспедиции Помпея, но и дополняют более ранние данные, которые фигурируют только у Страбона в отрывке, связанном с Патроплом, там, где упоминается Индия как отправная точка пути, где говорится о товарах, переходе через Кир и прибытии в Понт. Вместе с тем, он уточняет продолжительность двух этапов сухопутного пути, теоретически необходимых в рамках этого маршрута: семь дней для перехода из Индии в Бактрию и пять дней для путешествия между реками Кир и Фасис. Однако в рассматриваемом отрывке Плиния индийские товары вместо того чтобы следовать по Оксу до Гиркании, как это происходит в первой группе текстов (тексты группы А у Страбона), оказываются на Оксе, пройдя через реку Бактры (Vactrus) вне всякого упоминания Гиркании¹¹.

¹¹ В некоторых картах римского времени Гиркания локализована скорее на юге от Каспийского моря (как, например у Помпониуса Мелы) или даже на западе от него (см., в частности, описание Плутархом маршрута Помпея); подобную локализацию можно видеть и позже, в эпоху средневековья.

В ходе анализа этого отрывка можно заключить следующее. Данные, связанные с длительностью сухопутных путешествий, отсутствуют в отрывке, восходящем к Патроклу (тексты группы А у Страбона), но представлены в текстах, датированных эпохой Помпея (Плиний и тексты группы Б у Страбона)¹². Однако здесь присутствует упоминание об Индии, существующее только у Страбона (тексты группы А). Таким образом, можно констатировать, что это исчерпывающее описание путешествия от Индии до Понта является синтезом гетерогенных данных, сформулированных в двух первых группах описаний этого пути — более древних (тексты группы А у Страбона, связанные с Патроплом) и менее древних (тексты группы Б у Страбона и тексты Плиния, связанные с Помпеем)¹³ становится мирным и судоходным только в Сарапане, в пяти днях пути от Кира, который течет с тех же гор, но следует в противоположном направлении и теряется в Каспийском море. Близость этих двух рек сделала возможным существование пути для ценных товаров из Индии, которые ранее следовали по этому маршруту, в отношении которого древние как минимум оставили план. Груз спускался по Оксу, пересекал Каспийское море, поднимался по Киру, после чего волны Фасиса несли его в Понт и в Средиземноморье» (см. сноски в Létolle, 2000, p. 196–197).]. Если быть более детальным, то можно утверждать, что версия Варрона была более чем вероятно написана под влиянием данных Патрокла и что текст Плиния, который передает слова Варрона, не что иное как монтаж двух групп источников (А и Б), повторенных отдельно Страбоном¹⁴. Открытым, однако, остается вопрос об источниках сообщения о роли реки Бактры в транспортировке товаров, хотя и можно предположить, что эта деталь описания восходит к графической схеме, где река Бактры заняла место Окса в его верхнем течении, служа продолжением русла реки Инда.

Видя искусственно-сконструированный характер этого текста, можно задаться вопросом, каковы были здесь взаимоотношения между географической и исторической реальностью и описанием транскаспийского маршрута древними авторами. Гипотеза о впадении Окса в Каспийское море является единственным

12 Разница в один день между продолжительностью маршрута у Страбона (четыре дня, чтобы пройти от Фасиса до Кира) и у Плиния (пять дней, чтобы пройти от Фасиса до Кира) не означает, что эта информация восходит к двум различным источникам: нередко продолжительность пути в днях включает в себя также день отправления и день прибытия, что может привести к тому, что путешествие в «двадцать четыре часа», которое началось в полдень и закончилось уже на следующий день может быть расценено как путешествие двух дней. У Солина, *De mirabilibus mundi* XX, который перефразирует текст Плиния, соответствующие дистанции равняются восьми дням, необходимым для перехода от Индии до Бактрии, и пяти дням в случае транспортировки судов по суше между Фасисом и Киrom.

13 Начиная описание этого пути во время царствования Юстиниана в VI веке в своей *Истории упадка и разрушения Римской империи* (глава XLII, 1788), Эдвард Гиббон предлагает объединить тексты Страбона XI, 2.17 и Плиния VI, 52: «[Фасис.] становится мирным и судоходным только в Сарапане, в пяти днях пути от Кира, который течет с тех же гор, но следует в противоположном направлении и теряется в Каспийском море. Близость этих двух рек сделала возможным существование пути для ценных товаров из Индии, которые ранее следовали по этому маршруту, в отношении которого древние как минимум оставили план. Груз спускался по Оксу, пересекал Каспийское море, поднимался по Киру, после чего волны Фасиса несли его в Понт и в Средиземноморье» (см. сноски в Létolle, 2000, p. 196–197).

14 У Плутарха, *Помпей* XXXVI–XXXIX, рассказ об экспедиции Помпея пересыпан анахронизмами, в частности, финальная часть повествования об экспедиции дополнена элементами, заимствованными из рассказа о встрече Александра и амазонок, с большей долей несоответствий, свойственных географии «Вульгата» (*supra*). Ассимилирование Помпея с Александром Великим также заметно у Аппиана, *Митридат* 103, в отрывке, повествующем о посещении Помпеем скалы Прометея и обнаружении амазонок среди побежденных в Албании.

сегментом этого маршрута, который стал объектом детальных исследований. Начатые С. П. Толстовым, автором теории большого Хорезма, работы были сконцентрированы на изучении впадины Сарыкамыша и реки Узбоя, определенного как старое русло Окса, некогда впадавшее в Каспийское море¹⁵.

Вместе с тем, противоречивые сегменты этого пути гораздо более многочисленны. Как показывают современные исследования, реальное русло Окса не соответствует тому, что мы привычно идентифицируем как таковое начиная с XIX века (*infra*). С другой стороны, противоречия отрывку Плиния и традиционной картографической схеме Античности (в частности у Птолемея, реки [Зариасп.]/Бактры и Марг впадают в Окс, рис. 6), невозможно обнаружить в реальности непрерывный речной путь, сформированный при посредстве рек Бактры и Окс, так как практически все реки левого берега среднего течения Окса в ранние исторические периоды никогда не достигали вод этой главной речной магистрали (за исключением реки Кундуз-Даргоман (*Dargomanes*); напомним, что расположенная восточнее река Кокча-Даргойд (*Dargoïdos*) впадает в Пандж-Ох а не в Окс, как это часто принято думать¹⁶). И что в конечном счете надо думать о более западной траектории Окса в его нижнем течении, если в своих рассказах стратег Патрокл и географ Эратосфен против всякой географической реальности заставляют Окс течь через Гирканию, то есть размещают его русло гораздо ближе к югу, чем существующее устье Узбоя, впадающего в Каспий? Даже если у Помпониуса Мелы (*De Chorographia* III, 5.42)¹⁷»,], как позже и у Птолемея, Окс впадает гораздо более севернее в Каспийское море, в так называемый Скифский залив¹⁸, должны ли мы принять традиционную античную географию Эратосфена как достоверное отражение реальности?

Ох и Окс

Конфигурация путей на восток от Каспия не может быть понята без изучения рек и без разведения их в различных источниках.

Как то подсказывает первый отрывок Страбона (XI, 7.3: текст группы А, *supra*), информация Аристобула и Эратосфена восходит к свидетельствам Патрокла. Возможно, именно благодаря ему, но в интерпретации Эратосфена, Античность унаследовала картографическую концепцию, согласно которой Окс и Яксарт впадают в Каспийское море параллельно друг другу (Страбон XI, 11.5): «*Яксарт с самого начала и до конца представляет особую от Окса реку, но впадает в одно*

15 Состояние вопроса и историю противостояния защитников и противников этой теории, см. Callieri, 2003.

16 Как мне устно сообщил Ф. Гренз, в начале VIII века н.э., согласно Табари, существовал канал между реками Бактры (*Bactrus*) и Окс.

17 «*Яксарт и Окс, текущие из Согдианы через пустыни Скифии, впадают в Скифский залив; первая река велика уже у своих истоков, но вторая еще больше, благодаря своим притокам [...]».*

18 В течение нескольких лет между царствованием Евтидема и Евкратида (приблизительно в первой половине II века до н.э.) и особенно после смерти Евкратида в 145 г. территории, лежащие на север за Железными воротами, включая и регион Зерафшана, находились под властью скифов. Именно поэтому Политимет (Зерафшан) у Птолемея обозначен как река скифов, соседями которых были кочевники сакаравки, завоевавшие Самарканд к 145 г. до н.э. (Rapin, 2007).

с ним море; устья их удалены одно от другого [приблизительно.] парасангов на восемьдесят, как сообщает Патрокл»¹⁹.

Однако прежде чем говорить о роли Патрокла в этом картографическом генезисе, необходимо сначала попытаться понять в античных текстах организацию рек (как реальных, так и вымышленных), которые расположены на востоке от Каспия. Помимо Окса и Яксарта, реконструкция античной схемы восточного берега этого моря усложнена присутствием третьей реки, Оха (*Ochus*). Именно от ее идентификации зависит понимание всей античной географии региона и отдельных эпизодов его истории, включая маршрут Александра Македонского в 328 г.

Согласно Страбону XI, 7.3, «Гирканию пересекают большие реки Ох и Окс, которые орошают ее земли вплоть до их впадения в море». Однако, несмотря на кажущуюся ясность этого заявления, локализация первой из этих рек, Оха, вызывает сомнения уже у самих античных авторов.

В последних исследованиях мне совместно с коллегами удалось показать, что наименование «Ох» соответствует в реальности двум различным рекам, из которых одна (А) достигает Каспия, а вторая (Б) сливается с Оксом²⁰. Первая река, тесно связанная с историей парфян и более известная по древним источникам, может быть идентифицирована как Атрек (*infra*). Вторая, цитируемая исключительно в контексте похода Александра Великого в Бактрию, может быть определена как Дарья-и Пандж. Эта последняя идентификация строится на этимологии топонима Вахан, одного из наименований Панджа в его верхнем течении: наименование *Ochos* является не чем иным как эллинизированной формой иранского по происхождению топонима *Wakh / Вахан* согласно форме этого слова с суффиксом (Стеблин-Каменский, 1978; Grenet, Rapin, 2001; Rapin, 2005; Рапэн, Бо, Гренэ, Рахманов, 2006). Таким образом, Окс по всему своему течению может быть описан в виде нескольких сегментов: верхнее течение Окса (верхний Окс) известно в наши дни под названием Вахш; среднее течение Окса соответствует течению Аму-дарьи между городищем Тахти-Сангин у слияния Вахша и Панджа и южной оконечностью Гиссарских хребтов; и, наконец, нижнее течение — Аму-дарье вплоть до Арала. Согласно этой идентификации, верхний Окс-Вахш берет свое начало в горной гряде Алая; и этот верхний Окс-Вахш трансформируется в Окс-Аму-дарью на уровне Тахти-Сангина (рис. 1 и 2). То есть, Пандж не является верхним Оксом, как думалось ранее, а соответствует Оху.

Двойственный характер Оха проявляется в параграфе Страбона, посвященном рекам Бактрии и Согдианы (XI, 11.5)²¹: «Некоторые авторы утверждают,

19 По поводу соответствия дистанции в 80 парасангов между двумя руслами, о которой упоминает Патрокл, и дистанции в 2400 стадий, о которой пишет Strabon XI, 6.1, см. Lasserre, 1975, p. 74, 99.

20 Ох также был идентифицирован с Узбоем, с Зерафшаном (см. Lasserre), с Тедженом и с рекой города Анхоя в Афганистане (Holt, 1988, p. 23–24).

21 Этот текст описывает в беспорядке реки Политимет (*Polytimetus*, Зерафшан), Ох и Яксарт. Подробные детали о Оксе расположены в отрывке, посвященном Гиркании.

что Ох протекает через Бактрию (этот Ох должен быть определен как Пандж: Б), по словам других он ее оконтуривает (Ох-Атрек: А), следующие предпочитают говорить, что он течет отдельно от Окса вплоть до своего устья и несколько южнее его, и что обе реки изливаются в море в Гиркании (Ох-Атрек: А); иные же уверяют, что Ох является отдельной рекой исключительно в своем верхнем течении [...] (Пандж: Б)». В том же духе Страбон продолжает свои наблюдения и в другом отрывке XI, 7.3, уточняя, что «Ох также пересекает Несею (Атрек: А), в то время как некоторые авторы пытаются доказать, что он впадает в Окс (Пандж: Б)».

Эти две реки, носящие одно и то же название Ох, не были представлены в истории одновременно. Река Бактрии (Дарья-и Пандж) соотносится с рекой, берегами которой Александр Великий поднялся в Среднюю Азию и которую он пересек в 328 г. в момент начала повторного завоевания Согдианы в ходе широкого обходного маневра через Ай-Ханум, затем район современного Душанбе, где он до этого пересек Вахш (высокий Окс), чтобы потом, пройдя через «Железные ворота» в Гиссарских горах, достигнуть Самарканда (Квинт Курций V, 10.15; Рапэн, Бо, Гренэ, Рахманов, 2006). Этот Ох не что иное как та самая река, которая «пересекает Бактрию» и которая имеет «отдельное русло {от Окса} только в своей верхней части».

Другой Ох, река Каспия, был наиболее известен в рамках парфянской истории. Александр не пересекал эту реку, как минимум в ее нижнем течении, по той причине, что его маршрут начиная от Гургана в Гиркании повернул прямо на восток. Именно в этом контексте мы можем понять другой отрывок текста Страбона, согласно которому Атрек не упоминался древними авторами, то есть историками Александра, повествовавшими, как Аристобул, в основном об Охе-Дарье-и Пандже (Страбон XI, 7.3): «[...] древние авторы вовсе не упоминают²² имени Оха, в отличии от Аполлодора, автора истории парфян, который постоянно говорит о нем и делает из него реку, чье течение проходит поблизости от территории этого вышеупомянутого народа».

Единственный сегмент Оха-Атрека, который пересекает экспедиция македонца, совпадает с территорией, где его русло протекает через Несею (Страбон XI, 7.3). Однако сложно сказать, восходит ли эта информация к историкам Александра, таким как Поликлет или Аристобул, или же она является более поздней. С точки зрения географии, отрывок, в котором Поликлет описывал речную систему Средней Азии, недостаточно точен (XI, 7.4): «Танаис впадает в Каспийское море [...] постольку поскольку [...] с тех же гор Индии спускаются Ох, Окс и многочис-

22 Некоторые современные переводы с греческого говорят, что большинство древних авторов лишь «поверхностно» упоминали Ох за исключением Аполлодора, который часто употреблял этот топоним. Однако подлинное положение дел скорее определяется выражением «вовсе не упоминали» (см. перевод на французский F. Lasserre, *Strabon*, t. VIII, 1975, p. 79). Этот нюанс здесь очень важен.

ленные другие реки, в частности Яксарт, который, будучи наиболее северной из всех рек, впадает как и все прочие в Каспий»²³.

Этот отрывок отнюдь не означает, что абсолютно все эти «многочисленные другие реки» должны были впадать в Каспийское море параллельно, независимо друг от друга. Подразумеваемая здесь картографическая схема может быть похожа на схему Бактрии, графически представленную Птолемеем (рис. 6)²⁴, на которой Ох и все другие бактрийские реки сливаются с Оксом, который является единственной рекой, достигающей Каспия. Можно предположить, что описание Поликлета было одним из источников Птолемея, у которого Ох графически представлен в своеобразной синкретической манере: одновременно и как Дарья-и Пандж, которая сливается с Оксом, и как Атрек, узнаваемый благодаря своему расположению поблизости от западной границы Бактрии (несмотря на то, что здесь он не достигает Каспия).

Согласно этой схеме, которая была известна историкам, скорее всего Ох/Атрек никогда не существовал в античной картографии в качестве реки, впадающей в Каспийское море, как это происходит в реальности. В то же время, у Страбона в начале главы VII, 1.3, посвященной Гиркании, существует упоминание о Охе/Атреке и Оксе, которые впадают в Каспий. Однако подобное видение сложно приписать Аристобулу или же другим соратникам Александра, которые пересекли вместе с ним страну. Эта противоположная Эратосфену и Птолемею концепция, переданная Страбоном, скорее похожа на теоретический монтаж в том виде, в каком он мог быть сформирован в ходе написания истории парфян в I веке до н. э.

Патрокл

Разведение двух рек, носящих название Ох — Пандж и Атрек — и история их вхождения в литературу соответственно двум отдельным историческим периодам, III и I веков до н. э., позволяет разрешить важнейшие противоречия источников.

Даже если согласиться с тем, что Патрокл действительно посетил восточный берег Каспийского моря, то надо признать, что оставленный им текст является частичным описанием региона, который он мог наблюдать исключительно следуя вдоль побережья, без всякого экскурса вглубь территории. Его наблюдение о наличии на берегах Каспия устьев только двух рек — Окса и Яксарта, впоследствии нашедшее себе место на карте Эратосфена (Страбон XI, 11.5), позволяет предположить, что, противоположно описанию Гиркании Страбоном XI, 7.3, факт впаде-

²³ Этот отрывок дополняет картину, представляющую защитников теории, согласно которой Каспий является озером и что это озеро не что иное как озеро Меотида. Для усиления этой идентификации античные авторы добавили замечание, согласно которому Каспий и Меотида связаны подземными переходами, а Танаис не что иное как Яксарт (см. дискуссию в Pearson, 1951).

²⁴ В карте Птолемея графическое изображение Оха позволяет одновременно определить его как Дарью-и Пандж, так как он впадает в Окс, и как Атрек, так как он протекает рядом с западной границей Бактрии, т. е. вблизи от изначального месторасположения Атрека.

ния Оха в это море восходит не к Патроклу или Аристокбулу, а к более поздним источникам I века до н. э.

Вместе с тем, можно предположить, что река, определенная Патроплом как Окс (название Ох было ему неизвестно), может соответствовать реальному Атреку. Таким образом, второе устье, которое он идентифицировал как устье Яксарта, находящееся на расстоянии 2400 стадий или же 80 парасангов севернее Окса (Страбон XI, 6.1 et XI, 11.5), могло соответствовать в реальности заливу Красноводска (сегодня Туркменбаши), куда впадало древнее русло Окса-Узбоя (Lasserre, 1975, p. 99, 164–165).

Таким образом, в ходе синтеза сведений, собранных Патроплом по побережью Каспия, с данными о более отдаленных регионах Бактрии-Согдианы, происходящими из источников подобных Аристокбулу, сформировалась искаженная концепция, согласно которой две основные реки Средней Азии, Окс и Яксарт, впадают в Каспийское море. Сконструированная большей частью после экспедиции Патрокла, эта концепция «Месопотамии» утвердилась в виде картографической схемы благодаря Эратосфену. В то же время концепция бактрийских притоков Окса, представленная Поликлетом (Страбон XI, 7.4), оставалась невостребованной в картографии вплоть до Птолемея. Единственная верная информация по поводу речной системы Средней Азии происходит от Аристокбула, который засвидетельствовал наличие притока Оха-Панджа, впадающего в Окс-Вахш. Все другие данные, установленные в рамках экспедиции Патрокла, такие, как Окс, проистекающий из гор Индии или впадающий вместе с Яксартом в «Гирканский залив», относятся к фантазийной географии.

Арал и Аракс

Несмотря на то, что дистанция, указанная между каспийскими устьями Окса и Яксарта, подталкивает сегодняшних исследователей проецировать эти сведения на Арал, в античной географии упоминание этого последнего моря остается более чем проблематичным.

Известный отрывок Страбона (XI, 8.6), казалось, дает точное описание течения Окса и Узбоя: *«Аракс более чем другие наводняет эту страну, разделяясь на многочисленные рукава и направляя свои воды к другому, не Каспийскому, но Северному морю, куда впадают все его устья, за исключением одного, которое открывается в Гирканский залив»*. Вместе с тем, описание Северного моря, которое дает Страбон, не отражает знания эллинистической эпохи, но возвращается к путанному описанию, существовавшему уже у Геродота (*Истории* I, 202): *«Река Аракс вытекает из земли матиенов, откуда также берет свое начало река Гинд (Gyndes), которую Кир разделил на триста шестьдесят каналов. У нее сорок устьев, которые все, за исключением одного, впадают в заболоченные места, переполненные грязью, где якобы живут люди, питающиеся сырой рыбой»*

и одевающиеся в тюленьи шкуры. Единственный из рукавов, о котором я говорил [как об исключении], впадает в Каспийское море через чистый и ясный канал».

Повествуя об экспедиции Помпея на Кавказ, Плутарх (*Помпей XXXVI–XXXIX*) дает похожее описание одной реки с многочисленными рукавами и устьями, но в данном случае речь идет о реке Кир, в которую впадает Аракс до того как эта река вливается в Каспий: «*Кир [Cyrpnus=Cyrus], берущий свои истоки в горах Иберии и получающий воды Аракса, который спускается из Армении, впадает ниже двенадцатью устьями в Каспийское море».* Однако Плутарх знает также и реальную конфигурацию Аракса, который в античности достигал Каспия отдельно от Кира: «*Согласно другим авторам, Аракс не впадает в Кир; русло Кира протекает поблизости, но отдельно [от Аракса.] и изливается в то же море».*

Нередко современные исследователи в отдельных упоминаниях Аракса Геродотом видели другие реки Средней Азии — Окс, Яксарт или даже Волгу. Вместе с тем, как показывают контекстуальные анализы отрывков, где был зафиксирован этот топоним, Аракс первоначально был представлен как реальная река северной границы Ахеменидской империи, но затем стал символической рекой-границей, сравнимой с другой рекой, которая под наименованием Кир очерчивает четкий лимит между территорией Ахеменидов и землями массагетов; при этом практически невозможно определить реальный исторический фонд повествования (Геродот, *Historiae* I, 209–211; III, 36).

Возможно, что проблема географической локализации Аракса зарождается еще в эпоху Гекатея, одновременно с первыми этапами формирования картографической концепции Азии, в центре которой практически находится Каспийское море (см. карту Геродота, *Historiae* IV, 40). Идентификацию Аракса с иными реками Прикаспия и Приаралья в нарративах других авторов надо признать не более как спекуляциями, опирающимися на текст Геродота, лишенными исторической основы и намного более поздними по времени.

Заключение

Система ошибок созданной в эпоху Селевкидов карты Эратосфена не ограничивается исключительно противоречиями, восходящими к отчету Патрокла, но отражает также определенное количество характерных правил составления карт в Античности. Эта карта, в основном, является результатом компиляции данных, предоставленных селевкидской администрацией дальних сатрапий. Вместе с тем, как я показал в других исследованиях, все античные карты, включая и карту Птолемея, были реализованы по принципу пачворка на базе композитных данных, представленных как списками наименований народов, городов, гор, так и немymi схемами, дающими форму провинций и рисунок течения рек (Rapin, 2001 и 2005). Ориентация по сторонам света у этих схем скорее всего отсутствовала, до-

казательством чего выступает тот факт, что у Птолемея определенное количество регионов было повернуто на 180 градусов²⁵.

Картографическая схема, которая локализует источники Окса в Гиндукуше и которая графически устоялась благодаря Эратосфену и Птолемею, является результатом ротаций этого жанра. Однако именно это искаженное видение определило характер всей картографии вплоть до момента открытия Арала и реальных устьев Аму-дарьи и Сыр-дарьи, впадающих в это море. Несмотря на географическую реальность сегодняшнего дня, определенное доверие данным античной географии и, в частности, принятие на веру факта впадения двух самых больших среднеазиатских рек в Каспийское море, привело к поискам в пустыне Каракумов следов старых русел рек, которые когда-то выстраивались в единую коммерческую речную магистраль от Индии до Каспия. Парадоксальным образом эта концепция неправильно понятой гидрологической системы Окса, якобы впадающего в Каспий, давно подтолкнула ученых к детальному изучению пространства вокруг этого моря с подчеркнутым вниманием по отношению к Узбою, где были обнаружены свидетельства западно-восточной торговли (Staviskij, 1995; Létolle, 2000; Yagodin, 2005), как впрочем и на территории Кавказа (Callieri, 2003).

Несмотря на то, что эти археологические свидетельства существуют, необходимо все же признать, что редкие сегменты судоходных рек никогда не были сопоставимы с более важными традиционными средствами перемещения, какими были спины вьючных животных. Помимо этого, морские плавания по Каспию не отличались стабильностью. Как это уточняет Страбон в ином по отношению к разобранному отрывкам контексте, в его время по Каспию никто не плавал. Ситуация однако изменится несколькими веками позже, когда по каспийскому побережью были выстроены порты в рамках большой торговли по «Шелковому пути», включавшей сасанидов, кочевников степей и согдийских купцов (Callieri, 2003; La Vaissière, 2004).

В заключение отметим, что в свете детальной критики письменных источников становится ясно, что тексты, говорящие о транскасписком пути, не были составлены как верная калька реальной ситуации. Их генезис протекал в тиши кабинетов, где эрудиты перетасовывали географические карты, обнаружили существование единой непрерывной линии рек, протянувшейся между Индией и Понтом (рис. 4), не задумываясь о том, какова была доля вымысла в этих изначальных конструкциях. Как это показывают многочисленные примеры, античные карты представляют собой результат своеобразной операции по любительской сборке на ско-

²⁵ Это, в частности, касается Бактрии, которая как у Птолемея, так и у его предшественников-картографов, подверглась многочисленным ротациям. *Карта Пейтингера* чрезвычайно показательна для понимания системы построения карт, в частности, благодаря наличию схемы, где Ганг берет свое начало в Паропамисе (рис. 4). Эта репрезентация на деле является результатом ротации на 180 градусов оригинальной схемы Окса, созданной Эратосфеном, согласно которой его истоки были размещены в Паропамисе, а его течению был придан сильный изгиб в сторону запада на уровне городищ *Scobaru* (Оскобара)-Ай-Ханум и *Antiochia Tarmita* (Антиохия Тармита)-Термез.

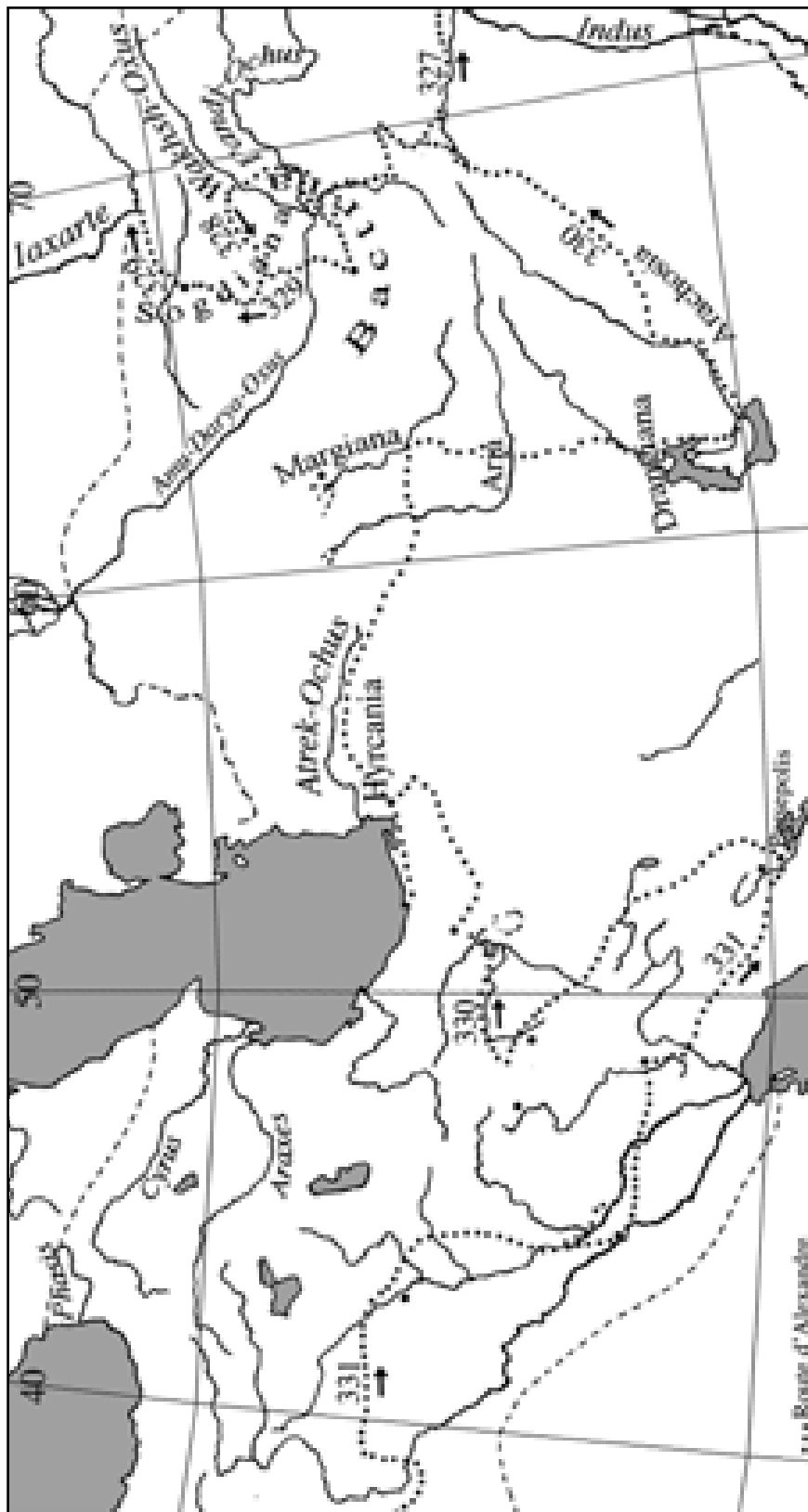

Рисунок 1. Маршрут Александра Македонского на Восток.

Рисунок 2.
Карта Средней Азии в эллинистическую эпоху.

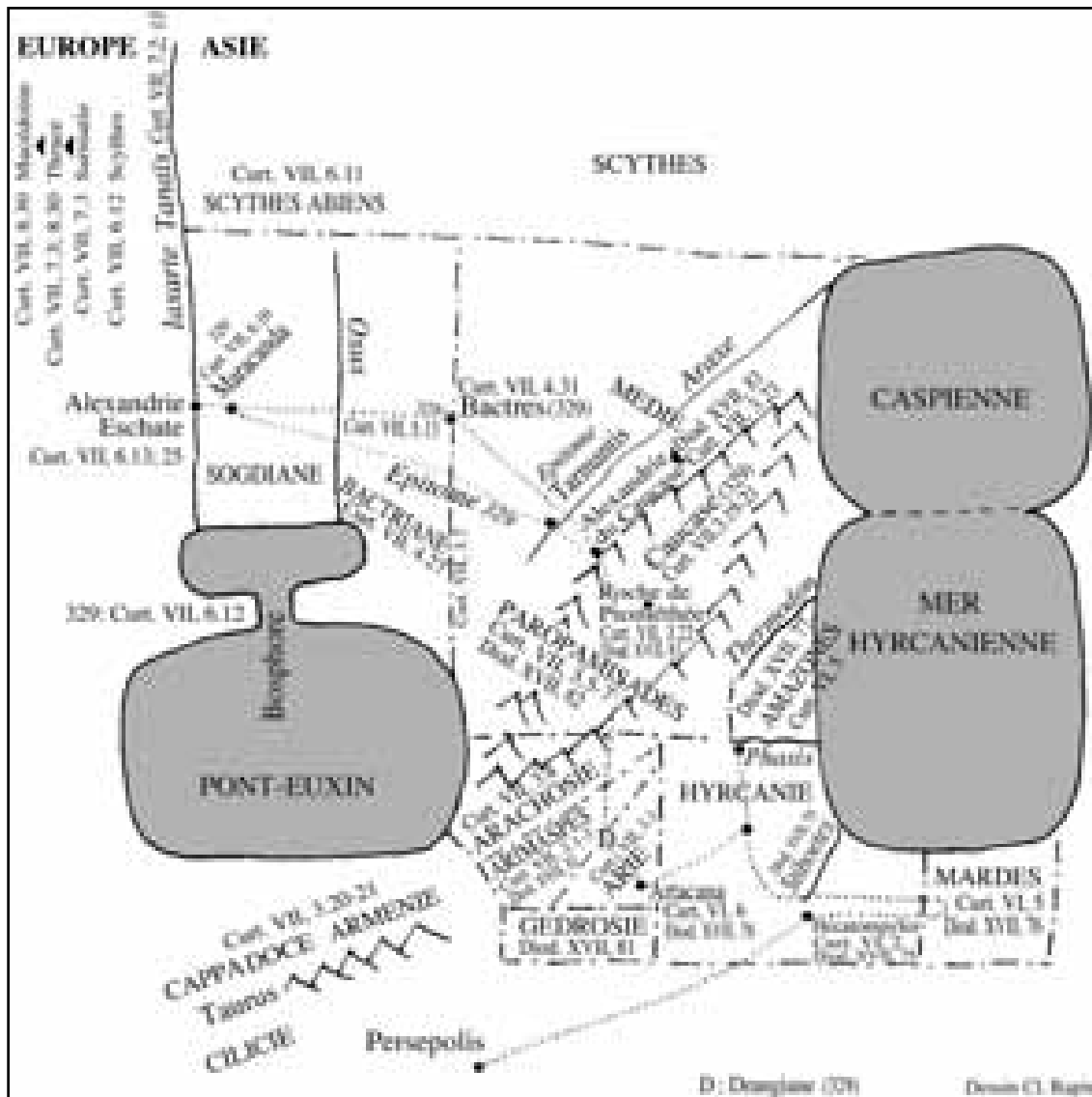

Рисунок 3.
Маршрут Александра Великого в Средней Азии согласно событию 329 г. в изложении «Вульгата».

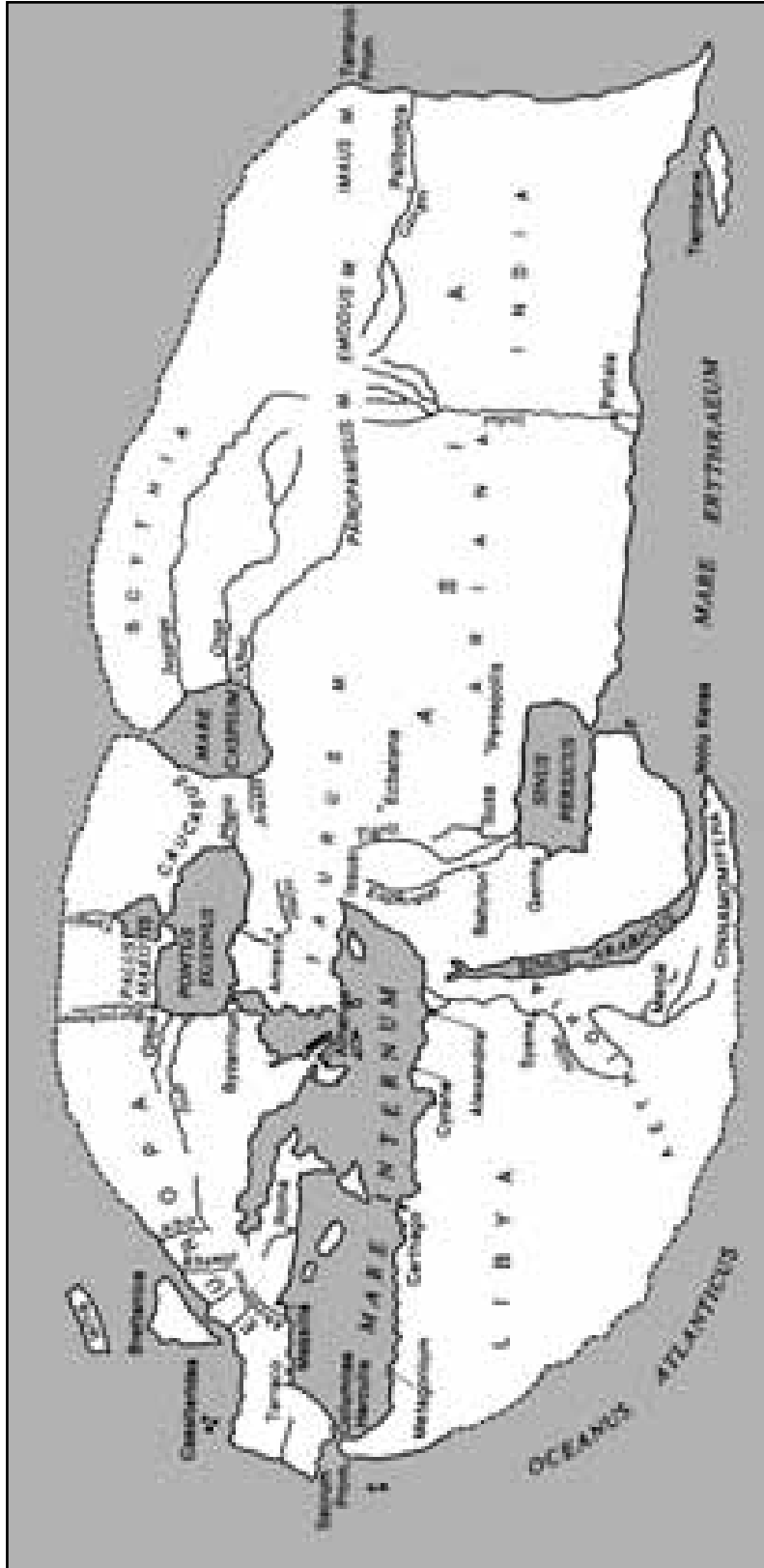

Рисунок 4.
Карта Страбона (по Е. Н. Вунбургу, в *The History of Cartography*, Vol. 1.
ed. J. В. Harley and D. Woodward, Chicago & London, 1987, p. 175.)

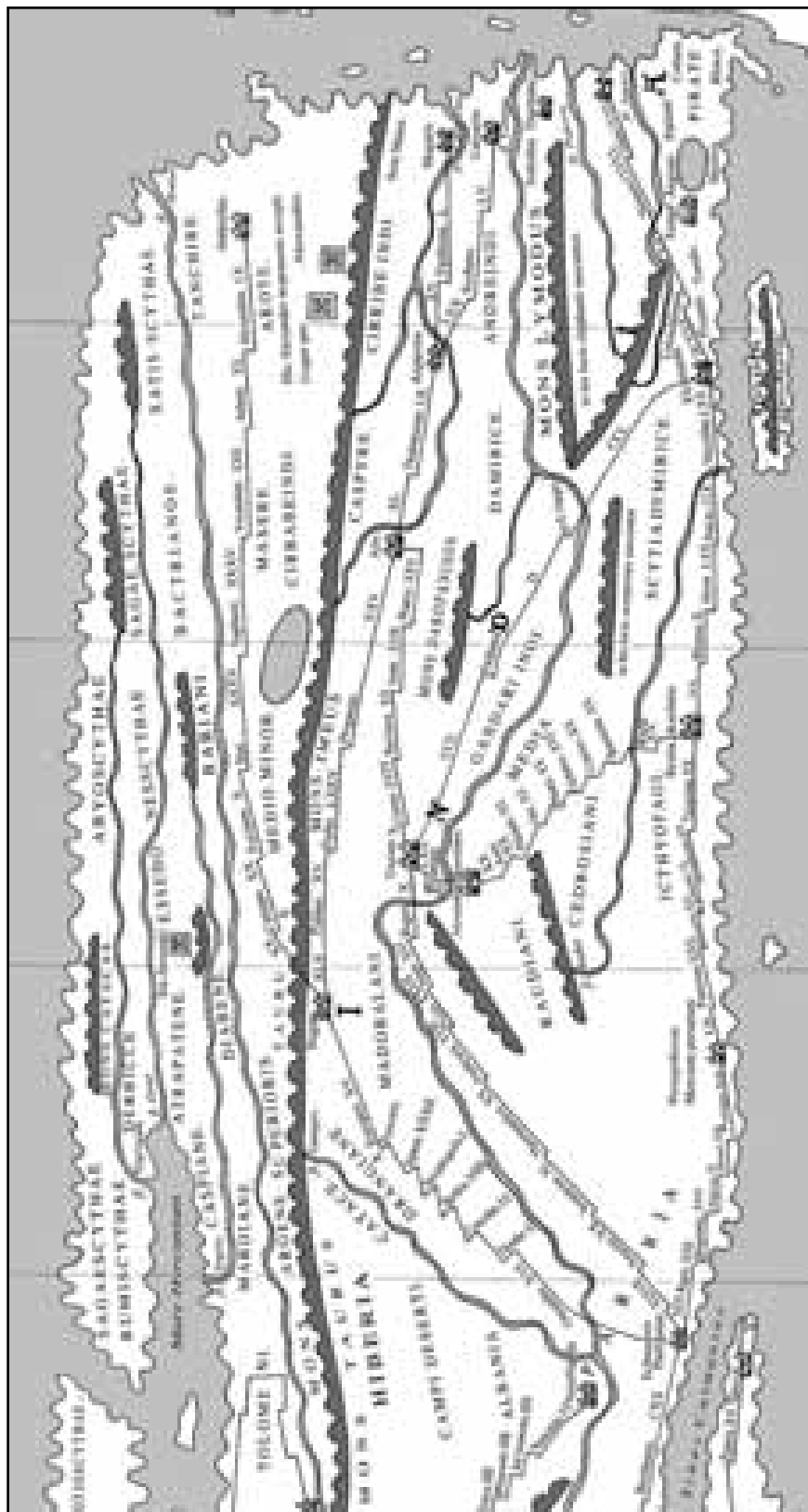

Рисунок 5.
Карта Пейтингера, восточная часть.

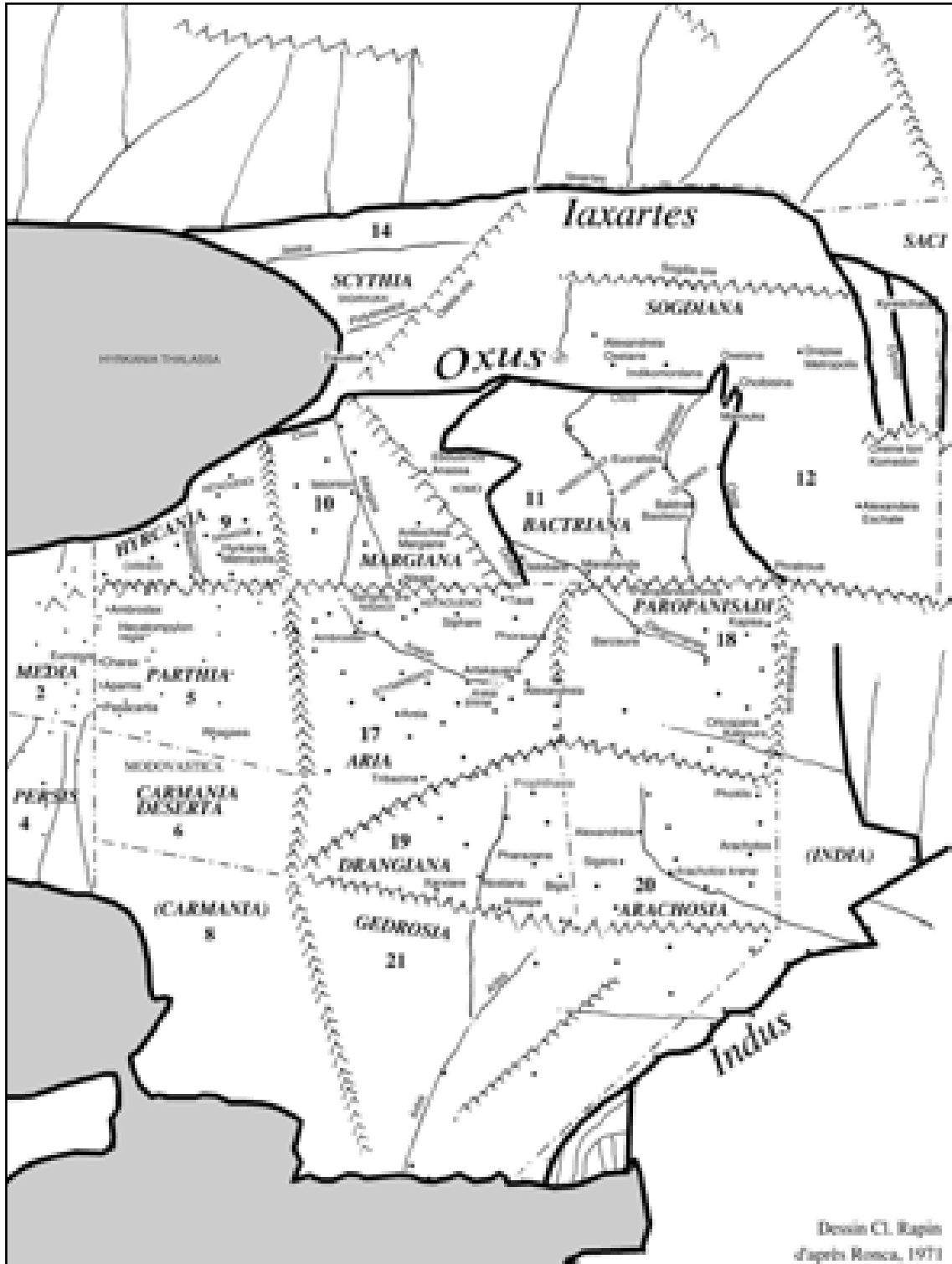

Рисунок 6.
Карта Средней Азии Птоломея.

рую руку, где картографы, включая и Птолея, кажется, никогда не привлекали исторические тексты для уточнения своих данных. С другой же стороны, историки Античности гораздо чаще и охотнее чем мы могли бы предположить, прибегали к картам явно выраженного спекулятивного характера, чья роль оказалась решающей в понимании истории Средней Азии. В частности, таковыми являются две карты, одна из которых спровоцировала ошибочные интерпретации маршрута Александра Великого по Средней Азии историками «Вульгата» (рис. 3), а другая вдохнула жизнь в конструкцию фантастического речного пути в странах, которые традиционно пересекались караванами верблюдов (рис. 4).

Литература

3. **Bernard et alii**, 1980, «Campagne de fouille 1978 à Aï Khanoum (Afghanistan)», *Bulletin de l'École Française d'Extrême-Orient*, 68, p. 1–103.
4. **Callieri P.**, 2003, «La presunta via commerciale tra l'India e Roma attraverso l'Oxus e il Mar Caspio. Nuovi dati di discussione», *Topoi* 11 (2001), p. 537–546.
5. **Gorshenina S.**, 2007, *De la Tartarie à l'Asie centrale: le coeur d'un continent dans l'histoire des idées entre la cartographie et la géopolitique*, Thèse de doctorat, Université Paris I — Sorbonne, Université de Lausanne.
6. **Grenet F., C. Rapin**, 2001, «Alexander, Aï Khanum, Termez: Remarks on the Spring Campaign of 328», in *Alexander's Legacy in the East. Studies in Honor of Paul Bernard*, éd. O. Vopearachchi, C. A. Bromberg and F. Grenet, *Bulletin of the Asia Institute*, 12, 1998 (2001), p. 79–89.
7. **Holt F.L.**, 1988, *Alexander the Great and Bactria: the formation of a Greek frontier in central Asia*, Leiden.
8. **Lasserre**, 1975: см. Страбон, *Géographie*.
9. **La Vaissière, E. de**, 2004, *Histoire des marchands sogdiens*, Paris.
10. **Létolle R.**, 2000, «Histoire de l'Ouzboï, cours fossile de l'Amou Darya: Synthèse et éléments nouveaux», *Studia Iranica*, 29/2, p. 195–240.
11. **Neumann**, 1884, K.J., «Die Fahrt des Patrokles auf dem Kaspischen Meere und der alte Lauf des Oxos», *Hermes*, 19, p. 165–185.
12. **Пьянков И. В.**, 1982, *Бактрия в античной традиции*, Душанбе.
13. **Пьянков И. В.**, 1997, *Средняя Азия в античной географической традиции*, Москва.
14. **Pearson L.** 1951, «Notes on two passages of Strabo», *The Classical Quarterly*, N. S., Vol. 1, p. 80–85.
15. **Rapin C.**, 1992, *La Trésorerie du palais hellénistique d'Aï Khanoum. L'Apogée et la chute du royaume grec de Bactriane*, Fouilles d'Aï Khanoum VIII, Mémoires de la Délégation archéologique française en Afghanistan XXXIII, Paris.
16. **Rapin C.**, 2001, «L'incompréhensible Asie centrale de la carte de Ptolémée. Propositions pour un décodage», in *Alexander's Legacy in the East. Studies in Honor of Paul Bernard*, éd. O. Vopearachchi, C. A. Bromberg, F. Grenet, *Bulletin of the Asia Institute*, 12, 1998, p. 201–225.

17. **Rapin C.**, 2005, «L'Afghanistan et l'Asie centrale dans la géographie mythique des historiens d'Alexandre et dans la toponymie des géographes gréco-romains. Notes sur la route d'Herat à Begram», in *Afghanistan. Ancien carrefour entre l'Est et l'Ouest. Actes du Colloque international organisé par Ch. Landes et O. Vopearachchi au Musée archéologique Henri-Prades-Lattes du 5 au 7 mai 2003*, éd. O. Vopearachchi et M. -Fr. Boussac, Turnhout, p. 143–172.
18. **Rapin C.**, 2007, «Nomads and the Shaping of Central Asia: from the Early Iron Age to the Kushan period», in *After Alexander. Central Asia before Islam*, ed. J. Cribb & G. Herrmann, *Proceedings of the British Academy*, 133, Oxford Univ. Press. p. 29–72.
19. **Рапэн К. (Rapin C.), А. Бо (Baud), Ф. Гренэ (F. Grenet), Ш. А. Рахманов**, 2006, Исследования в районе «Железных ворот»: краткое состояние проблемы в 2005 г. // *История материальной культуры Узбекистана (ИМКУ)*, т. 35, p. 91–101 = «Les recherches sur la région des Portes de Fer de Sogdiane: bref état des questions en 2005», *ibidem*, p. 102–112.
20. **Rapin C., M. Isamiddinov, M. Khasanov**, 2001, «La tombe d'une princesse nomade à Koktepe près de Samarkand», *Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres (CRAI)*, p. 33–92.
21. **Staviskij B. J.**, 1995, «Central Asian Mesopotamia and the Roman World. Evidence and contacts», in *The Land of the Gryphons. Papers on Central Asian archaeology in antiquity*, ed. A. Invernizzi, Turin, p. 191–202.
22. **Стеблин-Каменский И. М.**, 1978, Река иранской прародины / *Ономастика Средней Азии*. — М. С. 72–74
23. **Strabon**, *Géographie, Tome VIII (Livre XI)*, texte établi et traduit par F. Lasserre, Paris, «Les Belles Lettres», 1975.
24. **Sverchkov L. M.**, 2008, «The Kurganzol Fortress (on the History of Central Asia in the Hellenistic Era)», *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia* 14, p. 123–191.
25. **Tarn W. W.**, 1901, «Patrocles and the Oxo-Caspian Trade Route», *Journal of Hellenic Studies*, 21, p. 10–29.
26. **Tarn W. W.**, 1985, *The Greeks in Bactria & India*, Chicago (3rd ed. by F. L. Holt).
27. Yagodin V.N., 2005, «The Medieval Aral Sea crisis», *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan*, 37, p. 307–322.

Майя Расулова
(Азербайджан)

НУМИЗМАТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О ТРАНСКАВКАЗСКОЙ МАГИСТРАЛИ ИНДИЯ — ПОНТ

Одним из самых оживленных был торговый путь, связывавший страны Востока с Западом — из Индии, через Центральную Азию к Каспийскому морю и далее через Южный Кавказ к портам Черного моря. В научной литературе на протяжении длительного времени вопрос о функционировании этой магистрали был предметом острых дискуссий. Однако в последние два-три десятилетия все больше ученых высказываются не только в пользу функционирования этой торгово-транзитной магистрали в античное время, но и подчеркивают ее важную роль в международной торговле Запада и Востока, аргументируя это археологическими артефактами.¹ Цель настоящего сообщения показать роль и значение нумизматических данных в исследовании указанной темы.

Следует отметить, что отдельные участки этой большой торговой трассы, имевшие сначала локальное значение, существовали, однако, еще в доэллинистическое время. С эллинистического же периода, когда торговля приняла «мировые» масштабы, складывается единый большой путь из Индии к Понту. Оживленные контакты начинаются с Колхиды, располагавшейся у Черного моря. Подтверждением служит обилие находок эллинистических монет-золотых статеров и тетрадрахм Александра Македонского, золотых статеров и серебряных монет Лисимаха, афинских тетрадрахм «нового стиля», золотых статеров и тетрадрахм Митридата Евпатора, обнаруженных на территории Колхиды. Сама же Колхида поддерживала торговые контакты с Синопой, о чем свидетельствует клад синопских монет, обнаруженный в Кабулети-Пичвнари. Связи Восточной Грузии-Ибетии с эллинистическим миром также подтверждаются нумизматическими данными — золотыми стратерами и драхмами Александра Македонского, монетами Синопы и Амастрии; бактрийскими и парфянскими монетами². По-видимому, эти монеты поступали по торговой магистрали Индия-Понт.

Среди монет, найденных в Азербайджане, самыми ранними остаются пока серебряные монеты Александра Македонского, драхмы и тетрадрахмы в Барде, най-

1 **Расулова М. Н.** Торгово-экономические и культурные связи Кавказской Албании с античным и эллинистическим миром: IV в. до н.э. — III в. н.э. — Баку, 2008. с. 67–71

2 **Лордкипанидзе О. Д.** О торгово-транзитном пути из Индии к Черному морю в античную эпоху / Сообщение АН Груз. ССР, т. 19, 1957, № 3. с. 377–384

денные при земляных работах и в составе клада вместе с селевкидскими монетами (№ 640). Единичные находки их известны в Шамкире (№ 650),³ а также в составе небольшого клада близ села Гюлистан,⁴ в Ордубаде и в значительном количестве они обнаружены в Кабалинском кладе.⁵

Начиная с III в. до н.э. в денежном обращении наряду с монетами Александра Македонского были и селевкидские. Обращает на себя внимание любопытный вывод В. М. Массона: «Есть все основания считать, что в Бактрии чеканились селевкидские монеты в первой половине III века до н.э.»⁶ Вероятно, это обстоятельство было вызвано оживлением во времена селевкидов торговли по маршруту Индия-Понт. Если же учесть не только значение этой торгово-транзитной магистрали в указанное время вообще, но и вовлеченность в нее Каспийского моря и Южного Кавказа, то можно полагать, что с III века до н.э. часть селевкидских монет проникала в Кавказскую Албанию из Бактрии по Оксу и Каспию. Об этом свидетельствуют, в частности, находки в кладах Кавказской Албании монет греко-бактрийских правителей второй половины III – первой половины II веков до н.э. При этом, селевкидские монеты проникли в Албанию вначале, вероятно, в небольшом количестве, а со II века до н.э. они обнаружены в этой стране целыми группами, образующими клады от нескольких штук до сотен экземпляров: это — монеты Антиоха IV Эпифана (175–164 годы до н.э.), Антиоха V Эвпатора (164–162 годы до н.э.), Деметрия I Сотера (162–150 годы до н.э.), Антиоха VII Эвергета (138–129 годы до н.э.), тетрадрахмы Антиоха IV, Деметрия I, Александра I Бала (150–145 годы до н.э.), Антиоха VII, Александра II Зебина (128–123 годы до н.э.), Антиоха X Эвсевия (94–83 годы до н.э.), Филиппа I Филадельфа (92–83 годы до н.э.), а также тетрадрахмы селевкидских царей, правивших со 187 по 129 годы до н.э., то есть от Селевка IV до Антиоха VII.⁷

Обращает на себя внимание также обнаружение на территории Кавказской Албании монет Лисимаха. Они известны из большого Кабалинского клада II века до н.э. и из Хыныслинского клада I в. до н.э. Монеты Лисимаха имели хождение в причерноморских городах, откуда они на рубеже III–II веков до н.э. по Рионо-Квирильской торговой магистрали, вниз по Куре попадали в Албанию. Таким же путем проникали и тетрадрахмы царей Вифинии Никомеда II (149–91 годы до н.э.) и Никомеда III (91–74 годы до н.э.) и афинские тетрадрахмы так называемого «нового стиля». В Хыныслинском кладе вместе с ними была и тетрадрахма Понтийского царя Митридата VI Эвпатора (121–63 годы до н.э.). Вышеизложенное свидетельствует о торгово-экономических связях между Албанией, Иберией и Колхидой, а через них — с припонтскими владениями Митридата VI Эвпатора.

3 Пахомов Е. А. Монетные клады Азербайджана, других республик и областей Кавказа, вып. III, № 640; № 650. — Баку, 1940

4 Пахомов Е. А. Монетные клады Азербайджана, других республик и областей Кавказа, вып. IV. Баку, 1947

5 Казиев С. М., Бабаев И. А. Раскопки древней Кабалы // Сб. Археологические открытия 1969 г. в СССР. — М., 1970. с. 319

6 Массон В. М. Денежное хозяйство древней Средней Азии по нумизматическим данным // ВДИ, № 2. 1955. с. 39

7 Казиев С. М., Бабаев И. А. Указ. соч., с. 319

Это тем более вероятно, если иметь в виду большую заинтересованность понтийского правителя в нормальном функционировании важной торгово-транзитной магистрали Индия-Понт, проходящей через его владения, и значительный рост торгового оборота, достигшего высшей точки именно в его царствование.⁸

Весьма интересно и обнаружение в составе Кабалинского клада тетрадрахм греко-бактрийских царей Диодота I (256–248 годы до н. э.) и Эвкратида I (171–155 годы до н. э.). Чекан первого, как известно, не был особенно, как полагает В. М. Массон, обильным. Следовательно, большую ценность и значимость приобретает обнаруженная на территории Албании тетрадрахма Диодота I. Для Эвкратида I же, выдающегося военного и политического деятеля Бактрии, согласно В. М. Массону, характерна обильная и разнообразная монетная эмиссия.⁹ Обнаружение в Кабалинском клада тетрадрахм греко-бактрийских царей вместе с единичной Тбилисской находкой¹⁰ свидетельствует о возможности обращения этих монет на Южном Кавказе и о связях этого региона с Греко-Бактрийским государством.

Необходимо также отметить, что пестрота в денежном обращении Кавказской Албании не случайное явление. Это — свидетельство оживленного функционирования торговых маршрутов, которые связывали города Албании с античным миром и среди этих торгово-транзитных трасс — транскавказская магистраль, именуемая «дорогой Страбона», играла довольно важную роль.

8 **Максимова М. И.** Античные города юго-восточного Причерноморья. — М. -Л., 1956. с. 211

9 **Массон В. М.** Указ. соч., с. 39–40

10 **Пахомов Е. А.** Указ. соч., 1947, с. 110–111

«КАСПИЙСКИЕ ВОРОТА» В АЛБАНСКОЙ ОБЛАСТИ ЛПИНИЯ

Применительно к северо-западной области Албании античные и раннесредневековые авторы употребляют название Лпиния, «страна Лепон» (*Patria Lepon, Liponis*) от имени племени лпинов. Пределы расселения лпинов впервые указаны Плинием, который сообщает, что «от границ Албании, по всему челу гор обитают дикие племена сильвов, ниже лупении, затем дидуры и соды» (*Naturalis Historia*, VI, 29). Лупении соответствуют этнониму *Lupones* на карте Певтингера (*Tab. Peut.*, XI, 5), что сопоставляется с «деревней Лубион» на карте Птолемея у южного подножия Кавказских гор между Иберией и Албанией (*Geogr.* кн. V, гл. X, 2). Эти соответствия отмечаются С.Т. Еремянном, К. Миллером, К. Тревер, М.С. Гаджиевым (1; 2, с. 483, 3, с. 148–149; 4, с. 624). Этнотопоним Лпин фигурирует также в арабских источниках — «Баб Либан-шах» у Ибн Хордадбеха и «садд Либин» у ал-Балазури (5, с. 109; 6, с. 505). «Стена Лбин» у ал-Балазури, которую построил Кубад шах (488–531 гг.) «между Ширваном и Аланскими воротами», отождествляется с «Закатальской длинной стеной» между Кахским и Закатальским ущельями (7, с. 68–90; 8, с. 123).¹

Сведения античных авторов об иберах, албанах, лпинах связаны с походами Помпея, Канидия, Нерона, отражающими как стратегические, так и торговые интересы Римской империи. Лпиния находилась на важном отрезке торговой трассы из Бактрии к Понтийскому морю. Античные авторы сообщают о водно-сухопутном пути из Гиркании по Оксу в Каспий, оттуда в Албанию и по Куре и через следующие затем местности в Евксинский Понт (*Strab. Geogr.*, XI, VII, 3; *Plin. Nat. Hist.*, VI, 52). У Страбона имеется сообщение о походе Помпея «против иберов и албанов, обитающих между морями с обеих сторон — Каспийским и Колхским» (*Strab.* XI, I, 6), что определяет линию торговой трассы от Каспия к Черному морю и роль албанов и иберов в этой торговле. Страбон пишет, что «расстояние от моря до моря через Албанию и Иберию, с южной стороны которых протекает Кир, составляет 3000 стадий, что имеет вид перешейка».² Описывая западные подшвы Кавказа, Страбон отмечает, что «эта гора возвышается над обоими морями — Понтийским и Каспийским, перегораживая как бы стеной разделяющий их перешеек. Гора огораживает с юга Албанию и Иберию, а с севера — сарматские равнины... По словам Эратосфена, местные жители называют Кавказ Каспием» (*Strab.*

¹ В дороге через с. Катех можно увидеть остатки этой стены, которую называют «Пери джебир».

² Однако он критикует авторов, которые чрезмерно суживают перешеек, в том числе Посидония, который написал историю Помпея (*Strab.* XI, I, 5, 6).

XI, II, 15). В этой связи представляет интерес, что арабские источники иногда называют Черное море Хазарским, «по причине связей между их обитателями» (9, с. 179). Плутарх сообщает, что Помпей после покорения иберов и албан двинулся к Гирканскому морю (*Плутарх*. Помпей. гл. 36), что определяет не восточное (к Дербенду или Абшерону), а юго-восточное направление пути Помпея. Гиркан в юго-восточном Каспии играл важную роль в транскаспийской дороге, которую, видимо, и пытались контролировать римляне.

Реальное функционирование торгового пути через Каспий подтверждается обилием предметов античного производства и нумизматики, выявленных на территории Азербайджана, Дагестана и Грузии, а также археологическими исследованиями как на правом берегу и левом берегу Куры, так и в зоне Узбоя (Окс). Более того, раскопки, доказавшие обводнение и функционирование Узбоя в VII в. до н.э. – IV в. н.э. (10, с. 179–197), а также Мингечаурские поселения, датированные VII в. до н.э. – I–II вв. н.э. (11, с. 205) свидетельствуют о сложившихся еще в ахеменидский период связях Центральной Азии и Кавказа, что также может подтвердить информация арамейских папирусов (V в. до н.э.) о каспиях в числе военных колонистов занимающихся кораблестроением в Мемфисе (12, с. 10). Геродот помещает каспиев в 11-ой сатрапии Ахеменидской державы в юго-западной части Прикаспия, а также в 15-ой сатрапии (*Her. Hist.*, III, 92, 93), которая локализуется в юго-восточном Прикаспии в районе Узбоя. С ними связывают город Каспапир (Каспатир) у границы с Бактрией, который Гекатей называет «берегом скифов» (13, с. 43–46; 14, с. 108). Бартольд утверждает, что каспии жили также у верховьях Инда (15, с. 654), что соответствует «области выше Гирканского моря до скифов, живущих вблизи Индии» в сообщении Страбона (*Strab.* XI, I, 7). И.М. Дьяконов также отмечает прикаспийских и припамирских каспиев — каспиры. Он отождествляет каспиев с кадусиями в Гиркании и полагает, что они родственны древним кутиям и касситам (16, с. 103).³

Следы этих древних народов сохранились в названиях Отена (Утия) на правом берегу Куры и Баласакан-Каспиана на юго-западном побережье Каспия. М.С. Гаджиев в контексте торговой деятельности каспиев рассматривает появление этнотопонимов Казвин — на территории исторической Мидии, близ Нехавенда и Каспи — на левом берегу Куры, недалеко от Мцхеты (14, с. 107, 108). Страбон со слов Эратосфена говорит, что «местные жители называют Кавказ Каспием, может быть от имени (племени) каспиев» (*Strab.* XI, II, 15).⁴ В этой связи между Иберией и Албанией следует отметить множество топонимов — *Касс*, *Кац-бина*, *Кациб*, *Цоор-кац*, *Кацуда*, *Кособ*, *Кусур*, *Къессер*, *Касуби*, *Кизик*, *Ксани*, *Кацарети*, *Кацети*, *Кацхи*, *Кацховети* и гидронимов — *Касс*, *Кэсий*, *Оказан*, *Касрис цкали*, *Кесер гьер* с основой «кац» (мн. ч. «кацби»), означающей на закатальском диалек-

3 М.А. Дандамаев считает, что уже в I тысячелетии до н.э. термин «кути» или «Гутиум» являлся анахронизмом и употреблялся в качестве синонима севера или северо-востока (17, с. 271); о каспиях, сираках и аорсах см.: 18, с. 43–46

4 В этой связи можно отметить «ксанфиев» у Страбона, которых он наравне с «апарнами» причисляет к «даям» — скифам восточного Прикаспия (*Strab.* XI, VIII, 2).

те аварского языка «ущелье», «проход», «прорубь».⁵ Говоря о крупном набеге алан в Закавказье в I в. н. э., Иосиф Флавий пишет, что «аланы вступили в переговоры с царем гирканцев, который владел проходом». Это сообщение вызывало недоумение, пока ясность в него не внес С. Т. Еремян, указав, что у античных авторов названием *Hirkania* (арм. *Virkan*) обозначалась Иберия (2, с. 126). Но Валерий Флакк, говоря о событиях, связанных со сбором войск перед битвой Кира,⁶ отмечает и Гирканию и Иверию. Лагерем Кира представляется Алазанская равнина, где отмечается «течение замерзшего Алазона». В начале идет описание «Меотийской рати» из «Рипейского мира», наполняющей «обеих Медведиц».⁷ Затем описываются мужи из «Гирканских пещер», «вышедшие из ущелий Каспиады», рать «от Гирканских лесов» под предводительством Святого пророка Вана, воспевающего «мужественных мисиев».⁸ Далее следует описание вооруженных отрядов «разноцветной Иверии», «рати Кессейской» (*Валерий Флакк*. *Аргонавтика*, VI, vv. 33–167). Исходя из этого, можно предположить, что между Колхидой, Иберией и Албанией находился важный проход с «Кессейской ратью», откуда совершались грозные походы в Закавказье, и поставить вопрос о возможности нахождения Гирканской колонии на территории Лпинии, которая простиралась до правобережья Куры. Более сильные укрепления гирканцев-каспиев могли находиться в Каспиане, куда дальше не рискнул идти двинувшийся к Гирканскому морю Помпей, который «возвратился в Армению не дойдя трех переходов до моря» (*Флор.* кн. 1, гл. 40, 28). В «Истории албан» и армянских источниках персидским оплотом на Куре представляется албанский город Пайтакаран (Шахастан), где сидели спасеты маскутского или хионитского происхождения (18, с. 47).

О проходе между албанами и иберами, через который совершались набеги скифов и сарматов, сообщают Иосиф Флавий и Тацит. Иосиф Флавий говорит, что иберы и албаны, «склоненные императором Тиберием, направляли против парфянского царя Артавана скифов, разрешив им пройти через их страны и открыв Каспийские ворота». Тацит также сообщает, что иберы и албаны «владея местностью», впускали сарматов «Каспийской дорогой» в Армению, где находилось отправленное Артаваном парфянское войско». Для локализации «Каспийских ворот» или же «местности», откуда проходила Каспийская дорога, обратимся к Плинию, который описывая «от границ Албании, по всему челу гор сильвов, ниже лупени-

5 кавк. «каци», «к'юти» — *рассекать*, «к'язе» — *затворять*, как и тюрк. «кес» — *резать* можно связать с семитской основой, иногда с и. -е. суффиксацией (арабск. «гасса» — *резать, рубить*; «гаса», «гаср» — *разрыв, предел*, «касара» — *разбить, громить*), к которой, видимо, восходят социальные термины «касак» («кашак») — *пограничники, разбойники*, «кацап» — *разбойник*, «морской волк», превратившиеся в этнические, как казах-шерикес, казак-черкасы, косог-черкес и т. д. (19, с. 39–42).

6 Видимо, здесь говорится о втором походе Кира на скифов, что описано у Юстина (*Ivniian Justin*. I, §4, 8). Перечисляя тех, кто пришел на войну из Меотийской стороны — Колхиды, Валерий Флакк упоминает Дарапа, который получил рану в «Ахеменидской битве» и потому послал Датия (*Валерий Флакк*. *Аргонавтика*, VI, vv. 33–167). Рану Дарап мог получить в первом походе.

7 Греки, как и арабы под созвездием Большой Медведицы помещают Тавр и Кавказ (21, с. 204, 227). Здесь автор упоминает историю колхов из воинства египетского царя Сезостриса (Сукаким). В этой связи интересно отметить библейское название воинства Сукакима — «сукхитов», с которыми он устремился на Иерусалим. «Сукхитов» считают «троглолитами из гористой страны близ Черного моря» (20, с. 682), что можно соотнести со скифами.

8 Птолемей перечисляя города и деревни Албании, отмечает «Мисию» под координатами: 81°–46°20' «между Албаном и рекой Кэсием», где-то в районе Албанских ворот: 80°–47° (гл. XI, 6).

ев, затем дидуров и содиев» (*Nat. Hist.* VI, 29) за ними помещает Кавказские ворота, многими ошибочно называемые Каспийскими» (VI, 30). Значит, так называемые Каспийские ворота находились в горах Лпинии. По этой дороге, видимо, собирался бежать к скифам ссыльный царевич Вонон — брат и соперник Артавана еще до начала войны между Тиберием и Артаваном. Тацит говорит, что после поражения в борьбе за власть (19 г. до н.э.) он пытался «бежать к армянам, оттуда к албанам и хениохам и к сроднику своему царю скифскому». ⁹ «Царству махелонов и хениохов» или «Махелонии» античных авторов соответствует «Мукания» арабских источников и «Мовакан» грузинских летописей, которые отождествляются с Эрети и Лпинией (25, с. 58–59).

В надписи сасанидского царя Шапура в перечислении стран Закавказья Махелония стоит между Иберией и Албанией. В парфянской версии надписи вместо Махелонии написано *Sykn*, что с согдийского переводится как «военный лагерь», «замок». ¹⁰ Судя по сведениям разновременных источников, Лпиния представляется местом скопления военных сил — будь то «сборное место римских войск около теснин Каспийских ворот» или «военный лагерь» гуннских орд. «История албан» сообщает, что «на полях Лпинии» расположился «великий полководец» князь гуннов Алп ел-Тебер, куда на переговоры с ним прибыл албанский царь Вараз Трдат. Через Лпинию и «страны чильбов» проходило отправленное Вараз Трдатом к гуннам посольство Исаела (681 г.), которое в «городе лпинийцев» совершило «празднество Богоявления Господня», после чего «у подножья великой горы» перешло в «страну чильбов» и с «помощью молитв и креста» перевалило через гору «Варде Груак». «Варде Груак», учитывая арабск. «варда» — роза, можно соотнести с «горой Баараб» («Красная гора») в «Джарской летописи», что отмечается на Диндинской дороге между Голодой (Баб Шоб) и Кациб (26, с. 31). Эта дорога из Голоды идет через Хунсвери («перевал хонов»), затем через Кодорский перевал в Кусур (Кессер, Кесерух), ¹¹ где находится Сары даг («желтая гора») у горы Гутон в верховьях Самура. В этом случае маршрут посольства соответствует предполагаемому С. Т. Еремянном и К. В. Тревер трудному пути через Кодорский перевал («великой горы?»): Партав — Мингечаур — Кабала — Нуха — Закаталы — Кодорский перевал и т. д. (2, с. 261, 265). С «Красной горой» («Баараб») можно отождествить гору Сарыбаш («желтая вершина»), через которую из Мухахского ущелья Диндинской дорогой можно выйти в Присамурье и ниже — в Рутул. М. С. Гаджиев предполагает путь посольства епископа Исаела, в определенной степени повторивший путь просветителя Григориса, через Шеки и затем через один из горных перевалов

⁹ Это родство, как и родство между армянским царем и маскутским царем Санесаном аршакидского происхождения, подтверждает сообщения античных авторов о происхождении парфян от скифов. Юстин, говоря о славе и подвигах скифов, отмечает, что они были «родоначальниками парфян и бактрийцев. А жены их основали царство Амазонок» (Юстин. кн. II, с. 1).

¹⁰ Согдийское название не случайно. Арабские источники говорят о Сугдабиле напротив Тифлиса, где были помещены согдийские гарнизоны. «О воротах Сугд» сообщает также Мунаджимбашы (см.: 18, с. 45, 49–50). Согдийцами можно соотнести и «содиев», которых Плиний отмечает рядом с сильвами, лупениями и дидурами, за которыми помещает Кавказские или Каспийские ворота (*Nat. Hist.* VI, 29).

¹¹ Семь горных селений в верховьях Самура, в том числе Кусур (Гъочо в «Джарской летописи») входили в состав Джаро-Белоканских обществ, из которых в 1839 г. образовали Горный махал в составе Джаро-Белоканского округа (27).

в верховья р. Самур и сопоставляет его с известным по Мукаддаси торговым путем из «Тифлиса в Дербенд через Теблу, Шекки и Лакзан» (28, с. 162–170). Лекетскую дорогу в народе также называют «Елчи йолу» («путь послов»). О взаимосвязях миссионерства и торговли свидетельствует то, что везде, где проходят горные дороги, стоят церкви, на что обратила внимание А. Карахмедова, которая исследовала находящиеся на Лекетской дороге храмы в Ляките, Куме, Верхнем Чардахларе (29).¹² Остатки церквей имеются также в Кабиздаре, Меседулор, Катехе, Белокане (Цалбан), откуда идет известная дорога через Моуров даг и перевал Маал Росо.

Лпинов и чильбов (джигбы) на пути Исраела связывают с проживающими в настоящее время на этой территории аварцами (*гьалби, солу*) и цахурами (*йихъ-бы*). Предлагается (Трубецкой, Бехерт Ю. Юсифов, Гаджиев) также тождество этнонимов *албан* — *гьалби, гьалби* — *лбин* (1, с. 7–41). Следует отметить, что если Каланкатуйский называет Алазанскую долину, где располагался лагерь гунских или хазарских войск — «поле Лпинии», то намного позже в российских источниках Алазанская долина, откуда до Нухи тянулась «лезгинская кордонная линия», называется «Алванское поле» (30). Покорив джарцальцев Цора, которые владея важными проходами вместе со спустившимися с гор дагестанцами совершали набеги на юг, Российские власти преследовали цель блокировать «Алванское поле» и установить торговлю с внутренними провинциями России. Россия признавала права джарцев на владения (*ульке*),¹³ выданные им на «кормление», по словам Ханвея, «издавна отпускаявшиеся им шахами за их якобы сторожевую службу на окраине государства» (31, с. 166). При этом повторялись условия османских фирманов, где требовалось предотвращать совершаемые с гор набеги, служить оплотом России (55; 56, с. 199–209), за что «сверх предоставляемых им выгоде» обещалось «право давать билеты соседям на свободный проезд в Грузию для торговли» (32, с. 544).¹⁴ Эта линия прослеживается и в политике предшествующих завоевателей — монголов, Тимура, Шах Аббаса. Заняв Алазанскую долину и заручившись поддержкой Джара и дагестанских правителей, Шах Аббас рассчитывал обрести надежный тыл в борьбе с Портой и установить контроль над северокавказской военно-торговой трассой, соединяющей Каспийское побережье Кавказа с Черноморьем. Эта трасса, нередко именуемая в источниках того времени «Османской дорогой», в Алазанской долине соединялась с известным путем, ведущим через Кумух, Аварию в Крым (33, с. 316).¹⁵

12 Возведенный на крутых скалах чартак (храм огня) в с. Юхары Чардахлар в народе называют Пери-кала, как и остатки проходящего здесь древнего вала — Пери жубур (Закатальская длинная стена).

13 Термин «ульке», означающий право на владение за определенную службу, встречаются у Тимуридах, Сефевидов (83, с. 102–103). Но еще в Древней Передней Азии в хурритской среде отмечается повинность «ильку», связанная с воинским ополчением в обществах «эвро»-«эбуру» (23, с. 432; 34, с. 79, 229, 247). В Джарах имеющий широкое употребление термин «ульке» (26, с. 25, 97) используется также в форме «урькан» (Гурхъи) и помимо значения «мюльк», обе формы (*улка, урка*) означают *граница, предел, окраина* (ср. «гьоркьоб», «гьоркьохъан» — *между, посредник*).

14 Вольные общества Джар-Тала, которые благодаря архаичному статусу «хранителей границ» сохраняли в своем строю архаичные формы и структуры, имели также роль посредников в торговых отношениях между Грузией, Ширваном и Дагестаном. В «Джарской летописи» отмечен факт, что джарцы, не признающие власть османов, брали пошлину — 1 туман с каждого, кто переходил через их территорию (26, с. 26).

15 По сведениям грузинских кинклов, предводитель монголов Ала Тимур «по Белоканской дороге вступил в Гундзетию, оттуда — в свою ставку» (43).

Ал-Куфи и местные источники сообщают, что полководец Марван по пути из Шеки в Сарир завоевал крепость Балал (город Джур или Чор) и Гумик (35, с. 750; 36, с. 112; 37, с. 33, 36). С арабским наместником Марваном ибн Мухаммедом связывают образование Тифлисского эмиратства, которое в остром соперничестве с Византией контролировало беспокойное пограничье, где имелись проходы, обеспечивающие важные коммуникационные пути.¹⁶

До выхода на политическую арену арабов эти горные проходы были вечной проблемой в отношениях между Византией и Персией. Пероз просил денег у Византии, ставя вопрос об охране крепости Юроейпаах, находившейся у Каспийских ворот. Юроейпаах Маркварт расшифровал как «крепость Иверии» (39, с. 53), а относительно «Каспийских ворот» существуют разногласия со времен Плиния. Плиний, исправляя «ошибки многих», называет «Каспийские ворота» («*caspias portas*»), к которым относили «угрозу императора Нерона», Кавказскими воротами. Ошибку же, почему их назвали «Каспийскими», он объясняет тем, что «едва ли возможен другой доступ к Каспийскому морю вследствие облегающих его гор» (Плиний. кн. VI, §41). Плиний отмечает от Понта до Каспийского моря «не более 375 000 шагов» и от Кавказских ворот до Понта «почти достоверно 200 000 шагов» (кн. VI, гл. XV, §32). Птолемей не упоминает Каспийские ворота, но в главе «Положение Азиатской Сарматии» он дает координаты Сарматских ворот: 81°–48°39′ и Албанских ворот: 80°–47° (Птолемей. кн. V, гл. VIII, 15). Относительно Сарматских ворот здесь, возможно, опечатка, так как в этой же главе он отмечает координаты Сарматских ворот на границе Иверии и Албании: 77°–47° (кн. V, гл. VIII, 11.), что кажется более приемлемым и соответствует координатам восточной границы Иверии с Албанией: 77°–47° в главе «Положение Иверии» (кн. V, гл. X, 1). Координаты же Албанских ворот: 80°–47° подтверждаются в главе «Положение Албании» (кн. V, гл. XI, 6). В этой же главе в числе местностей, находящихся за устьем реки Соана, указаны координаты города Гелда: 83°–46°30′ между устьем реки Герра и устьем реки Кэсия (кн. V, гл. XI, 2). Некоторые исследователи связывают птолемеевскую Гелду с разрушенным центром Джара — Голодой (40, с. 33–34; 2, с. 275). В «Гюлистан-Ирам» Голода, которая представляется воротами в горной дороге от Алазани до Присамурья,¹⁷ называется Агзыбир (ср. азерб. *агыз*- «рот», «вход»; авар. *кIал* — «рот», «вход»).¹⁸ Более раннее известие о Голоде содержится в источнике XIV в., где она вместе с Цахуром упоминается в числе данников Гумухского шамхала (41, с. 103). «Сарматские ворота» по Птолемию близки к «горе Корака», а находящиеся восточнее от них «Албанские ворота» — «Керавнским горам» (кн. V, гл. VIII, 14, 15), что можно отождествить с Кодорским перевалом, куда ведет дорога из Голоды через перевал Хунсвери.

16 В этой связи представляет интерес маршрут Саллама ат-Тарджумана, который по указанию халифа ал-Васика (842–844) отправляется в Тифлис, где получает письмо к правителю Сарира. Последний проводит его через свои земли, снабдив сопроводительным письмом к правителю ал-Лана и т. д. (5, с. 129; 38, с. 131).

17 Здесь описывается поход на Джар объединенной Сефевидской армии, которая «от Алазани перешла в Агзыбир (Голоду), отсюда преследовала лезгин до Кесеруха (Кусур) на Самуре» (42, с. 146).

18 Голода принято этимологизировать от авар. *гъвал* (*гъолода*) — «на склоне». Но исходя из названия Агзыбир, можно связать с *кIалIа* («*кIалIу*) — «вход», «в воротах».

Возможно, здесь «у подножия самого Кавказа» («sub ipse Caucaso castris») стоял Помпей, откуда шли пути в разных направлениях.¹⁹

«Албанские ворота», или «Каспийские ворота», которые Иосиф Флавий и Тацит называют «воротами иберов и албанов», объясняют походы Помпея, Канидия и намечавшийся (в 65 г. н.э.) поход Нерона против албан. Из Албании Канидий, видимо, шел упомянутым у Страбона горным проходом «сначала через скалы высеченной в камне тропой, а затем через пойму, образуемую рекой Алазанией» (*Strab.* XI, III, 5). Указанная Страбоном «высеченная на камне тропа» в Албании соответствует «повозочной дороге» («араба йолу») в с. Гереки (Белоканский р-н), которая проходит через Белокан и Кварел.²⁰ Эта высеченная на скалах дорога, над которой также возвышается полуразрушенная церквушка, представляется каменной лестницей, с чем, возможно, было связано название Белокан (ф. «пеллекан»-лестница).²¹ Что касается «поймы, образуемой Алазанью»²² — это «Лекетская дорога» или «Елчи йолу» («путь послов») через Мухахское ущелье.²³ После каменной тропы, выходящей в Гереки, в направлении Албании идет расколотый в горе проход Цоор кац (с. Кац Бина. Белоканский р-н).²⁴ Но для нас представляет интерес начало этой дороги, что представляется границей Албании с Иберией и Сарматией и где находятся Албанские или Каспийские ворота.

Страбон сообщает: «Из области северных кочевников идет трудный трехдневный подъем, после чего следует узкая речная долина вдоль Арага, по которой проходит дорога, равная четырехдневному переходу для одного человека. Конечный участок дороги охраняется неприступным укреплением. Проход из Албании идет сначала высеченной в камне тропой...» (*Strab.* XI, III, 5). Укрепление, откуда начинается Албания или дорога в Албанию, можно отождествить с «Албанскими воротами» Птолемея, а также «Каспийскими воротами» или «Кавказскими воротами» Плиния, которые он помещает «против иверского города Гермаст» (VI, §, 30). Со стороны Албании от «Кавказских ворот», «где находится укрепление Кумания», Плиний отмечает «сильвов, лупениев, дидуров и содиев», а со стороны «Гурдинских гор — валлов и свавов и от них до самого Понта множество инийских, ахейских племен» (VI, §29, 30). Так, по сообщениям Птолемея, Страбона

19 Описывая очередной поход дагестанских войск в Грузию, позднесредневековая «Джарская летопись» говорит, что «часть войск из Нухи вернулась в Дагестан через Шемаху, часть — через Динди, а остальные — через Белокан» (26, с. 56).

20 За информацию об этой дороге и древних памятниках благодарю энтузиаста из Белокана Алгаева Камиля.

21 Не исключается связь с Байлаканом, Баласаганом, которые можно соотнести с согдийским («сугдак») Баласаганом.

22 Береговая полоса через Даначи, Нижний Чардахлар, Нижний Кусур и Кахи, где в рисовом поле завяз убегающий из Грузии пленный наиб Шейх Шамиля — Хаджи Мурат.

23 Этой дорогой, как мы отметили, шла миссия посольства Исаеила (681 г.), как и ранее мученически погибшего юного епископа Григориса. «Лекетский путь» грузинские источники не смешивают с Дарьяльским проходом или «Дарубандской дорогой». В «Летописи Картли» говорится, что «пройдя Лекетский путь хазарский хакан Блучан вступил в Кахетию» (44, с. 47, 79, прим. 3).

24 Проход «Цоор кац», указан в пятиверстной карте Кавказа Д. Д. Пагирева (62). Название означает «Цорский проход», или же «равнинный проход». «Цор» («равнина», «предгорье») — название этой области, «кац» на местном диалекте аварского языка означает как «проход», так и «расщепленное место». Но народная этимология интерпретирует его как «Цохор кац» — «проход разбойников», «Волчи ворота».

и Плиния, определяется граница между Иверией, Албанией и (Азиатской) Сарматией, а также местонахождение «Каспийских ворот».

К. Тревер отмечает, что Тацит говоря о походе Нерона против албан в отличие от Плиния называет Каспийский проход не *porta*, что имеет только значение «ворота», а *claustra* — «пограничная крепость», «вал», «стена», что «к Дарьяльскому ущелью едва ли приложимо» (2, с. 123). Принимая мнение К. Тревер, что термин *claustra* не имел отношения к Дарьяльскому проходу, однако считаем, что под *claustra* («вал», «стена») Тацит имел в виду не Дербентский проход, как считает К. Тревер, а «Албанские ворота» в Лпинии и «садд Либин». Оба термина — как *porta* у Плиния, так и *claustra* у Тацита допустимы к данной фортификационной системе. Лпиния, являясь пограничной областью Албании, обладала некоторой автономией, что было связано с приоритетом персидских марзбанов, гарнизоны и резиденции которых были размещены на ее территории (18, с. 49). Албанский и армянские источники отмечают пограничную область Чор при «пахаке хонов» («пахак стены»), где располагалась ставка персидского марзбана. Эта местность «у берегов реки Лопнас», в «недоступных местах в лесу» представляется лагерем боевых действий, где персам помогают лпинии под предводительством храброго Вурка, брата царя лпинов» (450 г.).²⁵ Здесь же происходила битва персидско-армянского войска против восставшего гарнизона в Албании (459 г.). Войска Пероза выступили против албанского царя Ваче II, который, открыв проход Чор, пропустил через него войско маскутов, хонов (2, с. 214–215, 218). К событиям, связанным с восстанием в Албании и Иберии, относится также сообщение грузинского источника Джуаншериани о битве между войсками Хосро и Вахтанга Горгасара в укрепленном городе Дарпак²⁶ в «долине Лопоти». По источнику, «долина Лопоти» находилась в Кахетии, которая «была сплошным лесом и неприступной для врагов...» (46, с. 92).

Как первое сражение у реки Лопнас, так и третье сражение в долине Лопоти²⁷ (третье сражение можно отождествить со вторым) происходили в Лпинии (25, с. 56–57), где находилось укрепление Дарпак и «пахак хонов» у прохода Чор.²⁸ У Йакуби отмечается местность Бак, откуда Буга отправился против Тифлисского амира Исхака б. Исмаила (59, с. 489). Ибн Хордадбех в «дороге в Армению» называет «...

25 Этот «пахак», который не отождествляется ни Дербентским, ни Дарьяльскими проходами, Тревер связывает с Бармакской крепостью (2, с. 208–210). Артамонов возражает против этой локализации, утверждая, что по указанию Лазаря Парбского «пахак стены» находился между албанами и хонами, а это «явно не соответствует местоположению Бармакской стены» (45, с. 119).

26 Дарпака, видимо, уже название времени автора (XI в.), что можно соотнести с Дарваком или Бабваком в числе мусульманских колоний («амсар») в северных границах Халифата («баб», «дар» — ворота, лагерь; «вак» («вакин») — охрана). Возможно, был построен в правлении халифа Абу Джафара ал-Мансура против санаров на месте разрушенного Марваном ибн Мухаммадом крепости Балал.

27 Г. А. Гейбуллаев и М. С. Гаджиев приводят ряд топонимов и оронимов в Кахетии, связанных с этнонимом «лупении» (1, с.)

28 «Дарпак» и «проход Чор» можно соотнести с «воротами Дарбала» у Леонти Мровели, которые принадлежали «кавказионам Чартала». Это позволяет выявить анахронизм и связать деятельность «грузинского царя Мирвана» в информации Леонти Мровели с Тбилисским эмиратом и Марваном ибн Мухаммедом (25, с. 52–58). Г. В. Цулая связывает этноним Чартал у Мровели с Джар или Джар-Тала. Он вслед за Г. А. Меликишвили считает, что Чартал было более широким понятием, включающим всю Кахетию, и что уже во времена Л. Мровели (XI в.) произошла ассимиляция местного населения — чартальцев картскими-грузинскими племенами (47, с. 30–31, 65; 48, с. 295).

ас-Санарию, ал-Бак, Касал, Абхаз — ал-Джар... » (5, с. 109). Н. Велиханлы соотносит Абхаз-Джар, который у Мукаддаси расположен «на торговом пути из Барды, в 12 фарсах от моста на Самуре», с городком Джар в северо-восточной Кахетии, упоминаемым В. Минорским в связи с племенем *лупиниев* (5, с. 303). Йакут называет ал-Джаром горную область на Кавказе с труднопроходимыми горными тропами и переходом в страну Алан (I, 78). Так, область ал-Джар арабских источников, границы которой простирались от Алазани до верховьев Самура на востоке и до Абхазии на западе, соответствует Лпинии, где находились «Каспийские ворота» («Албанские ворота») или проход Чор при «пахакке хонов». Не случайно, видимо, территория от Алазани до верховьев Самура, где проходила упоминаемая нами древняя дорога, в XVIII в. находилась во владениях военно-политического образования, называемого Джар или Цор.²⁹ На этой территории поныне сохранились остатки древней стены (Закатальская длинная стена), что можно соотнести с «пахакком стены».³⁰

Доказательством локализации прохода Чор при «пахакке хонов» в Лпинии является и то, что один из важных перевалов Джара по сей день называется Хунсвери («перевал хонов»). Можно также привести сведение сирийского источника («Житие Петра Ивера») о живущих рядом с иверами «белых гуннах», с помощью которых «Фарсман воцарился над иверами» (39, с. 37). «Белыми гуннами» латинские и сирийские источники называли хионитов, кидаритов (кушаны) и эфталитов.³¹ К ним же относили проживающих в Нисибии кадусиев-*кудишайе* (39, с. 48; 18, с. 47–48). Учитывая тождество каспиев с кадусиями (16, с. 103), Нисибинских кадусиев, как и хионитов и эфталитов, можно считать преемниками гирканских кадусиев или каспиев. Следы гирканцев прослеживаются в анахронизме у Н. Гянджеви, который в «Искендер-наме» описывает нашествие русов «из страны алан и герков», что соответствует «аланам и сарирцам» или же «аланам и русам» у Мунаджим-башы (61, с. 64–65; 24, с. 35–40). Так, «кавказских хонов», которых не смешивают с гуннами и отождествляют с «маскутами» или «масахуннами»³² (2, с. 192;), можно соотнести с гирканцами, которые имели отношение к военно-торговым колониям на Кавказе.³³

Китайский источник V в. сообщает о купцах из страны «Судэ» (Согд), где правят Хуни — хиониты (45, с. 107; 49, с. 364; 50, с. 260). Гёг-турки завладели Шелковым путем, завоевав хионитов аваров. О. О. Прицак отмечает, что авары (ю-вень), считались

29 Горные села в верховьях Самура входили в состав Джар-Тальских обществ, затем Джаро-Белоканского военного округа до половины XIX в. (27, с. 252–254).

30 «Пахак стены», что отождествляется с «*claustra Caspiarum*» и «сидд Либин» это «горная стена», которая с запада примыкала к Дарьяльскому проходу, с востока — к Ширванскому (Бармак) и Дербентскому валам, образуя общую фортификационную систему — Чор.

31 М. Гаджиев обращает внимание на принадлежность «тамги хионитов» царю албан (Араншаху), Кушаншаху, Керманшаху (Варахран), хионитскому правителю Алхоншаху (66, с. 39–40).

32 Мосохами называли тушин, живущих в верховьях Алазани, которым была «дарована Алвани» (72, с. 73).

33 С гирканцами-сираками можно связать варяжское название Сарира — Серкланд (82, с. 74–88) или же название с. Герек (Белоканский р-н), откуда шла горная дорога к Каспийским (Албанским) воротам на границе Сарматии, Иберии и Албании.

«гегемонами степи» и «хранителями северных границ» (51, с. 70–76). Под «северной границей», видимо, нужно понимать отправной путь северной торговли Китая через Согдиану, который контролировали авары-хиониты. При Сасанидах высокий ранг хионитов, которые считались потомственными марзбанами и спаспетами, определялся их титулом «владельца трона» («сахиб ас-сарир»). Согласно источникам, Хосров Ануширван поместил одного из своих марзбанов в Баб ал-Аббабе, позволив ему садиться на золотой трон. Потомками его являются правители Сарира — Хунзах (8, с. 132–137, 220). Согласно ал-Истахри и Ибн Хаукалю, «Баб ал-Аббаб служил портом для Сарира и иных кяфиров» (53, с. 89, 109). Источники сообщают о ритуале «восхождения на Трон» в Сарире, где хранился «золотой трон Кеййанидов» (57, с. 205–206). По легендам, сохранившимся у Теофана, Низами Гянджеви, этот ритуал в горном Сарире (Хунзах) совершал Кай Хосров (58, с. 466; 52, с. 244). В этой связи представляет интерес, что согласно Флору, после сражения у Алазани Помпей, который «встал лагерем у подножия Кавказа», потребовал от албанского царя спуститься к нему, и албанский царь Оройс отправил Помпею послание вместе с подарками, среди которых имелось «золотое ложе» (2, с. 104).³⁴

Грузинские источники отмечают в Эрети «царя леков Ипаджаджа»,³⁵ или же «главаря леков, родом хузанха и чародея», который отождествляется с «Хозоником из рода Лекана» (46, с. 76; 47, с. 26, 57). «Ипаджадж», как и «сибасиджа» («сийабиджа») арабских авторов, искаженный вариант термина «спасиг» («хранитель границ»).³⁶ Имя *Xwzunk-Xwazenak*, засвидетельствованное в древнехорезмийских памятниках в известной форме парфянских имен, связывают или с корнем *xuz* «подниматься», или *xwazaina* — «с хорошим оружием» (65, с. 38). Так, «главаря леков хузанха» можно считать персидским марзбаном хионитского происхождения. Источники сообщают о поселении хионитов-хонов на Кавказе и в более поздние периоды (60; 61, с. 56–75). Из хионитов были назначены в VI в. византийским императором Юстинианом правители Сарира и Карталинии. К ним возводились Ксанские эриставы, которые, опираясь на «лекское» войско, выступали в оппозиции грузинским царям (67, с. 21). «Хроника Ксанских эриставов» называет этих *голиафов* (*Джалут Ростам*), поселенных в проходе *Исроли*, «Бибилу» и говорит о больших строениях-домах, которые они возводили (68, с. 107, 110, 121). *Бибилу* соответствует старому названию Джара у Вахушти — *Питинети* (69, с. 137) и горе *Питан* в этой области (*об этом*: 70, с. 674; 25, с. 73). Термин «бибилу», вероятно, связан с *бабами* (арабск. «баб» — *ворота*), которые входили в оборонительные комплексы, возве-

34 Ритуал «восхождения на Трон» можно связать с космогоническим культом Большой Медведицы — араб. Арш (Трон) Банат Наш; егип. Исида («Трон»). Под Б. Медведицей (*Арса*) арабы и греки помещали Кавказ (21, с. 204, 227; 63). Культ Трона у хионитов можно сравнить с культом «Таги Масад» у царских скифов и хурритским мифом «Масат хурай»; этимология имен неясно (64, с. 525.277). Но учитывая авар. «месед» — *золото*; «меседу» — *кralича*, «Таги масад» можно перевести как «золотой Трон», «Трон кralичы», что также соответствует содержанию мифа о хурритской царевне Масат хурай и царе диданов Карату, а также мифу «Меседул гьор» в Джарах.

35 Источник называет его также «ериставом Рана», о смерти которого «будет скорбеть вся Персия, словно о собственной гибели» (46, с. 76).

36 Маркварт считает *сибасиджа* от среднеперсидского «спасиг», что означает «воинов-стражников», размещенных Сасанидами вдоль Кавказской границы (8, с. 214).

денные Сасанидами в горных проходах. Их можно соотнести с крепостями «в пределах Бет Даду», о которых сообщает сирийский автор Захарий Ритор (39, с. 165). «Бет Даду» сирийских источников соответствует Сериру арабских авторов (39, с. 82–83; 38, с. 38–39). Посаженные марзбанами в Баб ал-Абвабе правители Сарира управляли *бабами*, с чем можно соотнести термины «нуцал» — титул аварских ханов, груз. «нацвал» — «наместник», учитывая авар. «нуц`а» — *ворота*.³⁷

Грузинский источник, описывая события VIII века, сообщает, что «тушами, хунзами и всеми язычниками тех мест (*Цукети* — Цор) правил эристав Абухосро, потомок правителей нагорья» (46, с. 107; 44, с. 40, 41). В этой связи следует отметить цова-тушинов из *Бабуа*, живущих в Алони (Алвани) между Арагви и Иори. Они строили большие дома и основали в горной Тушетии аул *Царо* (*Цхъуор*), от имени племени, давшего название этим местам — *Цор*» (72, с. 67–69). Обращает внимание сходство топонимов — Алвани, Цахур, Цор, Исроли.³⁸ Цор — аварское название Джара, что, как и Аран на азербайджанском, означает «предгорье», «равнина». В арабском источнике дается разъяснение хорониму Аран — «сахла» («равнина»), что является переводом слова «аран» (25, с. 57).³⁹ Ибн аль-Факих говоря о воротах («абваб»), построенных Ануширваном в «горных дорогах» («туруг фи-л-джабал»), отмечает 25 ворот с каменными укреплениями («касп») в «земле Арран», в том числе «Абваб Шакки, Абваб Дудания, Абваб Дзурдзукия», имея в виду проходы в южных отрогах Кавказа (76, с. 288).⁴⁰

Итак, наиболее важными проходами на Кавказе были Сарматские ворота (Дарьяльские ворота) в Алании; Каспийские ворота в Дербенде; Кавказские ворота между Арменией и Иберией; Албанские ворота в Лпинии, которые античные авторы называют также Каспийскими или Кавказскими воротами. В этих проходах поселялись персидские колонисты, которые не только охраняли границы, обеспечивая безопасность коммуникационных и торговых путей, но и сами доставляли немало хлопот Персидской и Римской империям. Пограничные области периодически пополнялись новыми гарнизонами. Эти миграции сыграли важную роль в этнополитических и этнокультурных процессах на Кавказе и в этногенезе кавказских народов.

37 В «Завещании Андуник-нуцала» (890/1485) нуцал владеет семи воротами (области) Авар. Согласно «Тарих Дагестан» XIV в. нуцал сидит в Тануси (71, с. 322–325), возможно, от *таде нуц`а* — «верхние ворота».

38 Цор можно соотнести с городом Цри, который в «Истории албан» представляется как «большой город Албании в стране чильбов» (22, с. 28) и «главным городом страны Лакзан — Цахуром» у З. Казвини (66, с. 39).

39 Можно предположить, что азерб. «аран» — *равнина*, лакский «ар» («арнил») — *равнина* и чеченский «ари» (р.п. «ариан»), «арс» — *равнина*, восходят к хорониму Ариана, что можно сравнить с арийской рекой Arjos-Ageis, которая соотносится с Герирудом и Гератом (73, с. 8). К этой же основе можно возвести аварское «гъор» — река, а также названия Куры, Иори и окончания ряда гидронимов Алазанской долины — Ур, Рахквор, Хонзиор, Кудор и т.д. Возможно, хоронимы Аран, Эрети имеют отношение к Ege/ia ассирийских текстов, что связывают с племенем Eriahe и локализуют в горах Малого Кавказа, или же Ege/iahe надписи Аргишти I (74, с. 30), а также к Qugiane/Gugiana, которое помещают выше Куры (74, с. 70, 71). Предположение о связи Эриахи (Eria-hi) надписи Аргишти I с албанским племенем эров и Эрети выдвинули Н.А. Бердзенишвили и Г.А. Меликишвили (об этом см.: 1, с. 25–41).

40 Н. Велиханлы определяет границы Аррана (Кавказская Албания) с главным городом Барда по ал-Истахри: Баб аль-Абваб — Тифлис–Хаджаран (Нахчыван) недалеко от Аракса (5, с. 298). Она отмечает, что арабские источники свидетельствуют о вхождении в состав Аррана также Шеки, Лайзан и других областей, расположенных у Кавказского хребта (75, с. 62–66).

Литература

28. **Гаджиев М. С.** Лпиния (исторические факты, локализация, этническая принадлежность) // Дагестан в эпоху Великого переселения народов. — Махачкала, 1998
29. **Тревер К. В.** Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. — М.-Л., 1959
30. **Еремян С. Т.** Моисей Каланкатуйский и посольство албанского князя Вараз-Трдата к хазарскому хакану Алп-Илитверу // Зап. ИВАН СССР, т. VII, 1939
31. **Miller K.** *Itineraria Romana*. — Roma, 1964
32. **Ибн Хордадбех.** Книга путей и стран (перевод, комментарии, исследование, указатели и карты *Н. Велихановой*). — Баку, 1986
33. **Ал-Балазури.** Футуху-л-булдан. т. I. — Каир, 1956
34. **Пахомов Е. А.** Закатальская «Длинная стена» // Труды АзГУ серия истории. Вып. 1, 1950
35. **Минорский В. Ф.** История Ширвана и Дербенда. — М., 1963
36. **Ал-Масуди.** Китаб ат-танбих ва-л-ишраф. — Лейден: изд. Де Гуте, 1967
37. **Юсупов Х.** Древности Узбоя. — Ашхабад, 1986
38. **Гошгарлы Г.** Могильники древнего Мингечаура как показатель международных торговых связей Кавказской Албании / Археология Кавказа, № 1. — Тбилиси, 2006
39. **Алиев И. Г.** Очерк истории Атропатены. — Баку, 1989
40. **Боровкова Л. А.** Запад Центральной Азии во II в. до н.э. — VII в. н.э. (историко-географический обзор по древнекитайским источникам). — М., 1989
41. **Гаджиев М. С.** Между Европой и Азией (из истории торговых связей Дагестана в албано-сарматский период). — Махачкала, 1997
42. **Бартольд В. В.** Соч. II. т. ч. 1. — М., 1963
43. **Дьяконов И. М.** История Мидии. — М.-Л., 1956
44. **Дандамаев М. А.** Политическая история Ахеменидской державы. — М., 1985
45. **Сулейманова С. А.** Торговые колонии на Caspia via между Центральной Азией и Кавказом // Вестник МИЦАИ. Выпуск. 8. — Самарканд, 2008
46. **Сулейманова С. А.** Институт «охраны границ» в северо-западном Азербайджане на фоне историко-типологических параллелей / Сб: Актуальные вопросы Востока. — Баку, 2000
47. Библиейская энциклопедия. Труд и издание Архимандрита Никифора. Москва, 1891. репр. изд. Свято-Троице-Сергиевой Лавры, 1990
48. **əl-Yaqubi.** Tarix (əgəbcədən tərçümə, giriş, şərhlər və qeydlərin müəllifi: S. Ə. Süleymanova). // Gaynaglar. Orta əsr əgəb mənbələrinə Azərbaycan tarixinə dair materiallar. Bakı, 2005
49. **Каганкатвацци Моисей.** История агван (пер. Патканова). — СПб., 1861
50. История Древнего Востока. ч. I. — М., 1983
51. **Сулейманова С.** Пограничная область в северо-западных пределах Албании // Международная научная конференция «Историко-культурные и экономические связи народов Кавказа: прошлое, настоящее, будущее», посвященная 80-летию ИИАЭ Даг. Научного центра РАН. — М., 2004

52. **Сулейманова С. А.** Этнополитическая история северо-западной Албании в свете архетипов в местных источниках // Известия НАНА (серия истории, философии и права), № 4, 2004
53. *Car salnaməsi (əgəbcədən tərcümə, giriş, şərhlər və qeydlər S. Süleymanovonındır).* — Ваки, 1997
54. **М. А. Коцебу.** Сведения о Джарских владениях-1826 г. ИГЭД. — М., 1958; ЦГИА ф. 2, оп. 1, д. 5856
55. **Гаджиев М. С.** Миссия епископа Исраела и вопросы исторической географии Кавказской Албании // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки. — М., 2001
56. **Карахмедова А. А.** Христианские памятники Кавказской Албании (Алазанская долина). — Баку, 1986
57. **Бороздин К. А.** Лезгинское восстание в Кахетии в 1863 г. // Русский вестник, № 7, 1890
58. **Ханвей Дж.** Исторический очерк британской торговли на Каспийском море с прибавлением описания волнений в Персии, т. I. — Лондон, 1762, НАИИ АН Азерб.
59. Предписание ген. Тормасова майору кн. Орбелиани от 31 января 1811 г. № 112 // АКАК. т. IV
60. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. (отв. ред. *Б. Б. Пиотровский*). — М., 1993
61. История Древнего Востока. Ч. II. — М., 1988
62. **Ал-Куфи.** Китаб ал-футух. ч. VIII. — Бейрут
63. **Шихсаидов А. Р.** Дагестанская историческая хроника «Тарих Дагестан» Мухамеда Рафи // Письменные памятники Востока, 1972. — М., 1977
64. **Геничутлинский Хайдарбек.** Историко-библиографические и исторические очерки. — Махачкала, 1992
65. **Шихсаидов А. Р.** Ислам в средневековом Дагестане (VII–XV вв.). — Махачкала, 1969
66. **Пигулевская Н. В.** Сирийские источники по истории СССР. — М.-Л., 1941
67. **Ковалевский С. А.** Карта Птолемея в свете исторической географии Прикаспия // Известия Всесоюзного Географического общества, т. 85, вып. 1, 1953
68. «Тарих Дагестан» Мухаммедрафи // *А. Р. Шихсаидов, Т. М. Айтберов, Г. М.-Р. Оразаев.* Дагестанские исторические сочинения. — М., 1993
69. **Бакиханов Аббас-Кули ага.** Гюлистан-и Ирам. — Баку, 1991
70. **Джанашвили.** Описание событий, СМОМПК, вып. 22
71. Летопись Картли (перевод, введение и прим. *Г. В. Цулая*). — Тбилиси, 1982
72. **Артамонов М. И.** История хазар. — Л., 1962
73. **Джуаншериани Дж.** Жизнь Вахтанга Горгасара. — Тбилиси, 1986
74. **Леонти Мровели.** Жизнь Картлийских царей (перевод, предисловие и комментарии *Г. В. Цулая*). — М., 1979
75. **Меликишвили Г. А.** К истории древней Грузии. — Тбилиси, 1959

76. **Л. Н. Гумилев** Эфталиты и их соседи в IV в. ВДИ. № 1, 1959 / в книге Ритмы Евразии. — М., 1993
77. **Бичурин**. Собрание сведений, III, карта династий Хань
78. **Прицак О. О.** Протомонголы в Хазарском Закавказье. Всесоюзная конференция востоковедов. — М., 1991; Схидний свит (6, 7). 2`95–1`96
79. **Гянджеви Н.** Искендер-наме. ч. 1. — Баку, 1940
80. **Велиханлы Н. М.** Арабские географы-путешественники X–XII вв. об Азербайджане. — Баку, 1974
81. **A. Zeki Velidi Togan.** Ümumi Türk tarihine giriş. C. I. — İstanbul, 1981. III baskı.
82. **Петрушевский И. П.** Джаро-Белоканские вольные общества в первой половине XIX века. — Тифлис, 1934
83. **Сулейманова С.** Хранители границ в северо-западных пределах Азербайджана. Джар-Тальские общества в политической истории Азербайджана в XVIII в. // Elmi araşdırmalar. B., 2004. VI buraxılış. № 1–2
84. **Миклухо-Маклай Н. Д.** Географическое сочинение XIII в. // Уч. зап. ИВ АН ССР. — М.-Л., 1954. Т. IX
85. **Christensen A.** L'Iran sous les Sassanides. — Copenhagen, 1944
86. **Йакуби.** Тарих. Ч. II. — Бейрут, 1379/1960
87. **Süleymanova S.** Kafkasya honlari. //XV Türk Tarih Kongresi. — Ankara, 2006
88. **Süleymanova S.** Albaniyanın şimal-gərb sərhəd bölgəsi Lpiniya-Ereti // Elmi əsərlər. T. XX. AMEA Tarix İnstitutu. — B., 2007
89. **Пагирев Д. Д.** Алфавит. Указатель к пятиверстной карте. — Тифлис, 1913
90. **Сулейманова С. А.** Храм Большой Медведицы в древнем порту Баку // Археология и этнография Азербайджана. № 1. — Баку, 2005
91. Мифологический словарь (под ред. Е. М. Мелетинского). — М., 1991
92. **Лившиц В. А., Мамбетуллаев М. М.** Острак из Хумбуз-тепе / Памятники истории и литературы Востока (статьи и сообщения). — М., 1986
93. **Гаджиев М. С.** Гемма-печать царя Албании Асвагена // ВДИ. № 1, 2003
94. Родословие Ксанских эриставов, составленное царем Ираклием II и представленное Императрице Екатерине при заключении грузино-русского трактата в 1783 г. // Известия грузинских летописей и историков (КЦ), СМОМПК, 1897. Вып. 22
95. **Какабадзе С. С.** Хроника Ксанских эриставов начала XV в. / Письменные памятники Востока, 1968. — М., 1970
96. **Вахушти Багратиони.** История царства грузинского. — Тбилиси, 1976
97. **Sevda A. Süleymanova.** Kafkasya ve avarlar // Türkler. c. II. — Ankara, 2002
98. **Гаджиев М. Г., Давудов О. М., Шихсаидов А. Р.** История Дагестана (с древнейших времен до конца XV в.). — Махачкала, 1996
99. **Шавхелишвили А. И.** Из истории горцев Восточной Грузии. — Тбилиси, 1982
100. **Фрай Ричард.** Наследие Ирана. — М., 1972
101. Geographical Names According to Urartian Texts by Igor M. Diakonoff and S. M. Kashkai. — Wiesbaden, 1981

102. **Велиханова Н.** Изменение исторической географии Азербайджана в результате арабского завоевания // Историческая география Азербайджана. — Баку, 1987
103. **Ибн ал-Факих ал-Хамадани.** Мухтасар китаб ал-булдан. — Изд. де Гье, 1885
104. **Bahaeddin Ogel.** Göktürk yazıtlarının «apurim»ları ve «fu-lin» problemi. Belleten. IX, № 33
105. **Кляшторный С. Г.** Древнетюркские рунические памятники. — М., 1964
106. **Peter B. Golden.** Khazar studies. — Budapest, 1980
107. **Боровков А.** Дарвоз. Бродячий цирк в Средней Азии. — Ташкент, 1928
108. **Сулейманова С. А.** Влияние Международной Евразийской торговли на этнокультурные процессы на Кавказе // Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе. — Махачкала, 2007
109. **Мельникова Е. А.** Экспедиция Ингвара путешественника на восток и поход русских на Византию. Скандинавский сборник. т. 21, 1976
110. **Петрушевский И.** Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI – нач. XIX в. Л., 1949

О ЛОКАЛИЗАЦИИ ДВУХ КРЕПОСТЕЙ СОГДА И БАКТРИИ

Ученые давно занимаются изучением обозначенной проблемы, однако, из-за разноречивых сведений Арриана и Квинта Курция до сих пор не пришли к единому мнению. Страбон справедливо отмечал, что древние эллинские историки не могли сообщить ничего достоверного об этих народах в силу своей наивности и любви к мифам: «... видя, что откровенные сочинители мифов пользуются уважением эти историки решили сделать свои сочинения приятными, рассказывая под видом истории то, что сами не видели и о чем никогда и не слышали, имея в виду только одно — доставить удовольствие и удивить читателей. Легче, пожалуй, поверить Гесиоду и Гомеру с их сказаниями о героях или трагическим поэтам, чем Ктесию, Геродоту Геллонику и другим подобным писателям».¹ Я к ним добавил Арриану и Квинта Курция.

Страбон очень лаконично сообщает об этих крепостях. Он пишет: «Благодаря измене он овладел также двумя сильными укреплениями на скалах: одним укреплением Сисиметри в Бактрии, где у Оксиарта жила дочь Роксана, и другим — Окса в Согдиане (или как говорят другие, Ариамаза). Рассказывают, что высота скалы Сисиметри 15 стадий и 80 стадий в окружности. На вершине скала плоская и покрыта плодородной землей, способной прокормить 500 человек. Там Александр был принят с гостеприимной роскошью и отпраздновал свадьбу с Роксаной, дочерью Оксиарта. Как говорят, скала в Согде в 2 раза выше бактрийской».² Страбон не пишет, как Александр покорял эти крепости, об этом сообщают Арриан и Квинт Курций.

Приведем сначала сведения Арриана: «В самом начале весны (в 327 г. — Ю.Я.) он пошел к Согдийской скале, где собралось много восставших согдийцев. Говорили, что на эту скалу бежали жена и дочери бактрийца Оксиарта. ... Когда Александр подошел к скале, он увидел отвесные, недоступные для штурма стены; варвары навезли туда съестных припасов с расчетом на длительную осаду. Лежал глубокий снег; он затруднял доступ македонцам и обеспечивал варварам обилие воды.... Царь предложил начать переговоры и обещал, что они вернуться домой здоровыми и невредимыми, если сдадут крепость. Те с хохотом, на варвар-

1 Страбон. География. 1, 2, 1.

2 Страбон, XI, 4.

ский лад, посоветовали Александру поискать крылатых воинов... Тогда Александр велел объявить, что первый, кто взойдет на скалу, получит в награду 12 талантов (один талант равен 30 кг серебра), второй получит вторую награду, третий — третью и так подряд; а последние — 300 дариков. Собраны были солдаты, привыкшие во время осад карабкаться по скалам, числом 300. Они заготовили небольшие железные костыли, которыми обычно крепили палатки; их они должны были вколотить в снег в тех местах, где снег слежался и превратился в лед, а там, где снега не было, прямо в землю. К ним привязали прочные веревки из льна и за ночь подобрались к самой отвесной и потому вовсе неохраняемой скале... Таким способом 270 человек на рассвете заняли вершину горы. Во время восхождения погибло 30 человек... Взобравшись, стали размахивать платками в сторону македонского лагеря: так им было приказано Александром. Тогда Александр отправил воина, который передал защитникам крепости, что «крылатые войны» нашлись и только после этого осажденные заметили воинов на скале. Они были потрясены, началась паника, и крепость пала³. В плен было взято много женщин и детей, в том числе жена Оксиарта и его дочь... Воины Александра говорили, что после жены Дария они не видели в Азии женщины красивее, чем Роксана. Александр увидел ее и влюбился. Он не захотел обидеть ее как пленницу и счел ее достойной имени жены... Оксиарт, услышав, что его дети в плену и что Александр увлечен Роксаной, ободрился и явился к Александру, его приняли с почетом.⁴

На самом деле Роксана укрывалась не на Согдийской, а на Бактрийской скале и правитель Бактрии Оксиарт в Согд никогда не приходил. Тем не менее эта версия вошла в учебные издания по истории Таджикистана и Узбекистана.⁵

Квинт Курций Руф описывает иначе: «Царь усмирил Согдиану, и осталась одна скала, занятая согдийцем Аримазом с 30000 воинами, собравшими туда заранее продовольствие, которого бы хватало для такого числа людей на целых два года. Скала поднимается ввышину на 30, а в окружности имеет 150 стадиев. Отовсюду она обрывистая и крутая, для подъема есть лишь очень узкая тропа. На середине скалы есть пещера с узким и темным входом; затем он постепенно расширяется, а в глубине имеется обширное убежище. Почти повсюду в пещере — источники, воды которых соединяясь, текут потоком по горным склонам». Предложение сдать защитники дерзко отклонили, уверенные в неприступности своих позиций. Тогда Александр приказал: «Приведите ко мне, каждый из своего отряда, триста самых ловких юношей, которые привыкли дома гонять стадо по непроходимым тропам и скалам». И далее: «Скала, которую вы видите, имеет только один доступ, занятый варварами; остальные места они не охраняют, стража у них только со стороны нашего лагеря... Доберитесь до вершины и дайте мне знак; оттянув

3 **Арриан.** Поход Александра IV, 18–19, 4–5 (150–160).

4 **Арриан.** Поход Александра IV, 18, 4–5; 19, 4; 20, 4.

5 История таджикского народа. Т. 1. — М., 1964. с. 268; Душанбе, 1998. с. 316; История Узбекистана. Т. 1. — Ташкент, 1955. с. 66–68; Гафуров Б. Таджики. — М., 1972. с. 98.

свои силы, я отвлеку врагов от вас на себя... Кто первый достигнет вершину, получит в награду 10 талантов, на один менее получит поднявшийся вторым и столько же получают следующие 10 человек... На рассвете следующего дня Александр увидел условленный знак на вершине и снова отправил своего сына Артабаза с предложением сдаться, а в случае отказа показать защитникам воинов, расположившихся в тылу... Испуганный Аримаз не заметил малочисленность отряда и послал 30 вождей на переговоры. Александр велел всех подвергнуть бичеванию и распять на крестах у самого подножья скалы.⁶ Все сдавшиеся вместе с захваченным имуществом были преподнесены в качестве дара населению новых городов, основанных Александром.

Если сравнить эти два сообщения, то различий между ними много. Во-первых, согласно Арриану, на скале была крепость. А Квинт Курций говорит, что восставшие жили в большой пещере, расположенной в скале. Арриан сообщает, что на скале было много снега, который давал им необходимое количество воды. Квинт Курций говорит о наличии в пещере множества родников, как и Страбон, даёт размеры скалы и называет предводителя восставших — Аримаз. В отличие от Арриана Квинт Курций говорит о жестком наказании и казни руководителей обороны и обращении пленных в рабов. Кроме того он рассказывает о восстании сатрапа области Наутака — Сисимитра и ничего не сообщает о Роксане — дочери бактрийца Оксирта.

На наш взгляд, Курций сильно преувеличивает размеры Согдийской скалы. Самая высокая точка в Зеравшанском хребте называется Чимтарг — 5494 м, а судя по источникам, Согдийская скала находилась в системе Гиссарского хребта. Здесь горы ниже 2500 м.⁷ Думаю, что Квинт Курций многократно увеличил число восставших — 30 тыс. В данном регионе нет такой большой пещеры, которая могла бы вместить столько человек. Возможно, число восставших было не более трех тысяч. Восстание Сисимитра в области Наутака тоже представляется фантазией Квинта Курция. Александр зимовал в Наутаке, оттуда прибыл в область Габзе. Габза это нынешний Газе в Гузарском районе Кашкадарьинской области Узбекистана, у подножья Гиссарского хребта. Согдийская скала, расположенная выше Газе в горах, находилась по дороге в Бактрию. Скала не имеет названия, руководитель восставших согдиец Аримаз — имя чисто авестийское и правильное будет Ариёмазд, т. е. ариец, почитающий Маздо — верховного бога зароастрийцев.

Теперь о Бактрийской скале. Арриан пишет: «Александр, покончив с делами Согда, пошел на паратакенов, которые восстали в Бактрии. Говорили, что множество варваров держат там в своей власти одно неприступное место, другую скалу, которая называется скалой Хориена. Туда укрылся сам Хориен и немало дру-

6 Квинт Курций Руф. История Александра Македонского. — М., 1963. с. 291–294

7 Шукин И. С. и Гилярова М. А. Кухистан (физико-географический очерк) // Материалы Таджико-Памирской экспедиции. Вып. 23. — Л., 1938

гих князей. Скала эта высотой в 20 стадий и окружностью 60 была со всех сторон отвесная, и вела к ней только одна узкая дорога. Взойти по ней было трудно даже при отсутствии всякого сопротивления и двигаясь поодиночке. Скалу опоясывала глубокая пропасть и тому, кто задумал бы подвести войска к этой скале, нужно было задолго до этого засыпать эту пропасть, чтобы повести штурм с ровного места... Александр велел нарубить елей и наделать лестниц, чтобы войско могло спуститься по ним в пропасть... Спустившись в пропасть, солдаты стали забивать костыли в склоны в том месте, где она больше всего сужалась; защитники скалы сначала с пренебрежением отнеслись к этой работе как к совершенно пустой затее. Когда же стрелы стали попадать на скалу и угроза штурма стала реальной, Хориен сдался и ему вернули княжество.⁸

О женитьбе Александра на Роксане, дочери Оксиарта, Квинт Курций сообщает вне связи со взятием вышеописанной скалы. Александр прибыл в область во главе, которой стоял знатный сатрап Оксиарт. Он сдался на милость победителям и направил трех сыновей на службу царю. Историк достаточно детально описал романтическую историю женитьбы Александра.⁹

На самом деле Роксана вместе с тридцатью девушками знатного происхождения была в крепости Сисимитри. Правильное местонахождение скалы Сисимитри дает Страбон, которого мы цитировали в начале доклада. Когда Оксиарт узнал о том, что защитники крепости сдались, а его дочь в плену у Александра, он пришел к нему и был принят с честью.

Ученые, изучив исторические данные Арриана и Квинта Курция, пришли к выводу, что Александр штурмовал две скалы — крепости, одна из которых была в горах Согда, другая — в горах Бактрии. Эти две скалы в источниках описаны под разными названиями, причем, Квинт Курций в своем изложении часто приводил те или иные детали, мало считаясь с тем, к какой крепости на самом деле они относились.¹⁰

По поводу локализации этих крепостей существуют разные мнения. В. Тамошек согдийскую скалу помещал в Маргиане и окрестности Машхеда и Бадахшана.¹¹ В. В. Григорьев говорил о средних и северных частях «Гиссарского края» в долинах Сурхан-дарьи и Кофарнигана.¹² И. Маркварт помещал их в Каратегине и Хуталяне и на правобережной Бактрии.¹³ Э. Ртвеладзе предполагает, что Бактрийская ска-

8 **Арриан.** Поход Александра. с. 151–152

9 **Квинт Курций Руф.** Указ. соч., с. 317

10 **Пьянков И. В.** Бактрия античной традиции. — Душанбе, 1982; История таджикского народа. — М., 1998. с. 316–317.

11 **Tomoshk W.** Centralasiatische Studien. Sogdiana. — Wien, 1877. с. 180–181.

12 **Григорьев В.** Поход Александра Великого в Западный Туркистан. «Журнал Министерства народного просвещения». — СПб., «живая старина», ч. 217. отд. II, сентябрь-октябрь 1981.

13 **Marquart J.** Eransahr nach der Geographine des Ps. Moses Xorenci. — Berlin, 1901, Bd. 4, 9.28, 36.

ла находилась в стране Паратакене и располагалась в Западной части Гиссарского хребта и прилегающих долинах Сурхан-дарьи и Шерабад-дарьи.¹⁴

Я локализирую Согдийскую скалу в горах Сиёма, ныне Гиссарский хребет, верхнем течении реки Кашкадарьи, где в 70-х годах VIII в. на протяжении 14 лет укрывались восставшие против арабов «люди в белых одеждах» во главе с Муканной. Судя по данным Наршахи, крепость¹⁵ стояла на скале с отвесными стенами и туда вела одна узкая дорога. Крепость была взята только тогда, когда защитники сами добровольно открыли дорогу. Скала с крепостью, где укрылись «люди в белых одеждах», по всем приметам совпадает с согдийской скалой, описанной Аррианом. Поэтому предполагаю, что согдийская скала времен Александра и скала времен Муканны один и тот же предмет описания. Таким образом, Александр завоевал Согдийскую скалу и направился в Бактрию, где его ждали восставшие паратакены во главе с Катаном и Авастаном, а также укрывшиеся в крепости на скале Сисимитра бактрийцы, среди которых была Роксана с подругами. Македонский послал Кратера и Полиперхонта с шестью сотнями всадников против Катана и Авастана — единственных паратакенов, которые еще не сложили оружия. Завязалась жестокая битва, победили солдаты Кратера, Катан пал в сражении, Авастана пленили. Из варваров погибло 120 всадников и около 1500 пехотинцев. Сам Александр занялся штурмом Бактрийской скалы, о которой говорилось выше.

Бактрийская скала, по моему мнению, находилась в горах Баглана в Бактрии (Тохаристана), где во время арабского завоевания укрывался Бодгизский князь Низак. Историкат-Табари сообщает, что в 707 г. Низак со своими сторонниками укрепился в ал-Курзе так, что подступ к нему был только с одной стороны, да и та сторона — крутая, недоступная для конницы. Кутайба осаждал его два месяца, пока не закончилось продовольствие и не распространилась оспа.¹⁶ Зараженной болезнью правитель Тохаристана Шазз был вынужден сдаться. На территории крепости был родник под названием Фатаджо. Крепость стояла на скале, со всех сторон имела отвесные стены, была окружена глубоким рвом и рекой. Все приметы скалы Курзе соответствуют тем данным, которые дают Арриан и Страбон о бактрийской скале Хориён. Поэтому мы считаем, что Бактрийская скала — крепость, где скрывалась Роксана и ее подруги — это Курзе Фатаджо в горах Баглана, на территории современного Афганистана. Высота горы здесь более 4 тыс. метров.

И наконец, относительно место восстания паратакенов также существуют разные точки зрения. Во-первых, И. Маркварт неправильно истолковал слово «паратака» как означающее «омываемая рекой область». Слово паратак происходит

14 **Ртвеладзе Э. В.** Древняя Бактрия — средневековый Тохаристан. Динамика историко-культурного развития. Автореф. Дисс. д. и. н. М., 1988. с. 4.

15 **Наршахи.** Таърихи Бухоро. Теърон, 1938, с. 89–103 (на рабской графике), Якубов Ю. «Калъаҳои шуки Суғд ва Бохтар дар кулю буданд» (О локализации Согдийской скалы и Бактрийской скалы). — Лумбиш № 21, октябрь 1998 (на тадж. яз.).

16 **Ат-Табари.** История Ат-Табари. — Ташкент 1987. с. 126–127

от древнеавестинского пара-бок — крыло, по контексту окраина, от этого корня происходят слова Паракана, Паргане, Персуа-Парс и др. Это слово сохранилось в таджикском языке пара — крайний, крайняя сторона, т. е. восстание происходило на краю империи. Как видно из сообщения Квинта Курция, восстание паратакенов во главе с Катаном и Авастаном было последним выступлением бактрийцев против греко-македонских завоевателей. Эти сведения проанализированы И. Марквартом, А. М. Беленицким и другими исследователями.¹⁷ Так, древнегреческие историки в рассказе о восстании бактрийцев упоминают Каменный мост, который находился на реке Вахш, что свидетельствует о том, что греко-македонские отряды во главе с Кратером и Полиперхонтом шли через Гиссарскую долину, Душанбе. Паратакены, очевидно, находились в Кулябском регионе. Эти отряды проходили через Дангаринский район, здесь есть селение Паркамчи, вокруг него расположены два древних поселения, одно из них называется Калаи Духтарак (Крепость Девочки), другая Дунги Теппа (Возвышенный Холм). Эти крепости относятся к античному периоду. Таджикский историк начало XI в. Байхаки в «Истории Масуда» пишет, что Караханид Бури Тегин совершил поход против Хутталя и остановился в селении Паракати, ныне Паркамчи.¹⁸ Таким образом, слово паракан (Паркамчи) и античные памятники района Дангары наводят на мысль, что восстание паратакенов во главе с Катаном и Авастаном проходило в этом районе. Кроме того, упоминается Бубасен, где против восставших действовал Палиперхонт. Здесь же находится селение Булиён с античным памятником IV вв. до н. э. Таким образом, я считаю, что восстание паратакенов было в районах современного Куляба, его центр находился в районе Дангары.¹⁹

17 **Беленицкий А. М.** Историко-географический очерк Хутталя с древнейших времен до X в. н. э. // Материалы и исследования по археологии СССР, 15. — М., 1950. с. 109

18 **Табрихи Байъаки.** Кобул, 1364 х. к., с. 737

19 **Якубов Ю. Довутов Д.** История Куляба с древнейших времен до наших дней. — Душанбе, 2006, с. 164–165

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	3
От редактора (англ.)	5
Дилором Алимова, Эдвард Ртвеладзе, Ульфат Абдурасулов (Узбекистан) Средняя Азия — Закавказье — Рим: о значении водного пути по Амударье через Каспийское море в Закавказье	7
Фарда Асадов (Азербайджан) Русы в Каспийском море и на Шелковом пути в середине IX – начале X вв.	12
Ильяс Бабаев (Азербайджан) Археологические следы Великого Шелкового пути на территории Азербайджана	21
Мургузали Гаджиев (Азербайджан) Страбон о караванной торговле аорсов.	25
Гошгар Гошгарлы (Азербайджан) Из истории изучения «Дороги Страбона» в Азербайджане	31
Омар Давудов (Россия, Дагестан) Прикаспийская торговая дорога и археологические материалы	39
Виляят Керимов (Азербайджан) Памятники зодчества кавказской Албании на Великом Шелковом Пути.	55
Сергей Кляшторный (Россия) Путь в Сериндию: итинерарий Аполлодора-Страбона и перипл южных морей	59
Рауф Меликов (Азербайджан) Участие античной Албании в международной торговле	65
Ирада Наджафова (Азербайджана) О роли Каспия в международной торговле (по Страбону).	78
Марек Ян Олбрихт (Польша) Страбон и Ох: некоторые замечания по рекам античной Центральной Азии	84
Шокир Пидаев (Узбекистан) Торговые и культурные связи Бактрии-Тохаристана с Хорезмом	90
Клод Рапэн (Франция) Торговый путь из Индии к Понту у Страбона: между картографическим миражом и археологической реальностью	96
Майя Расулова (Азербайджан) Нумизматические данные о транскавказской магистрали Индия — Понт	120
Севда Сулейманова (Азербайджан) «Каспийские ворота» в Албанской области Лпиния	123
Юсуф Якубов (Таджикистан) О локализации двух крепостей Согда и Бактрии	138

CONTENTS

Editorial (russian)	3
Editorial	5
Alimova Dilorom, Rtveladze Edward, Abdurasulov Ulfat (Uzbekistan) Cultural heritage of the Great Silk Road and Uzbekistan	7
Asadov Farda (Azerbaijan) The Rus' on the Caspian Sea and on the Great Silk Road in the Middle of IX – Beginning of X Century	12
Babayev Ilyas (Azerbaijan) Archaeological traces of the Great Silk Road in Azerbaijan	21
Gadjiyev Murtazali (Azerbaijan) Strabo on the caravan trade of the Aorses	25
Qoshqarli Qoshqar (Azerbaijan) Strabo Route studies in Azerbaijan	31
Davudov Omar (Russia, Dagestan) The Caspian inshore trade routes and archaeological materials	39
Kerimov Vilayat (Azerbaijan) Architectural Monuments of north-west province of Caucasian Albania on the Great Silk Road	55
Klyashtorniy Sergey (Russia) Road to Serindia: The Itinerary of Strabo-Apollodor and Periplus of Southern Seas	59
Melikov Rauf (Azerbaijan) On the participation of the tribes of ancient Azerbaijan in international trade	65
Najafova Irada (Azerbaijan) Strabo on the role of the Caspian Sea in international trade	78
Olbricht Marek Jan (Poland) Strabo and the mysterious Ochos – rivers of Central Asia and northeastern Iran in antiquity	84
Pidayev Shakir (Uzbekistan) Commercial and Cultural Connections of Bactria-Tokharistan with Khorezm (Antiquity and Middle Ages)	90
Rapin Claude (France) Strabo on the trade route from India to the Pont Sea: Between the mirage of cartography and the reality of archaeology	96
Rasulova Maya (Azerbaijan) Numismatic information about the Transcaucasian arterial route	120
Suleymanova Sevda (Azerbaijan) “The Caspian Gates” in the Albanian province of Lpinia	123
Yakubov Yusuf (Tajikistan) Strabo on the rocks of Sogdia and Bactria during the time of Alexander of Macedonia’s invasion	138

**ДОРОГА СТРАБОНА
КАК ЧАСТЬ ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ**
Материалы Международной Конференции
(Баку, 28–29 ноября 2008 г.)

сборник докладов

Редакторы:

Кляшторный С.Г., Мустафаев Ш.М.

Технический редактор:

Османова И.А.

Компьютерная верстка и дизайн:

Абиджанов К.

МИЦАИ: 140129, г. Самарканд, Университетский бульвар
SMI-ASIA: 100000, г.Ташкент, Ц-1-15-25

Подписано в печать 11.06.2009. Формат ___ х ____ . Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии _____
(адрес типографии)

ISBN 978-9943-357-04-4 (IICAS)
www.iicas-unesco.org
ISBN 978-9943-17-000-1 (SMI-ASIA)
www.smi-asia.uz

www.smi-asia.uz • www.smi-asia.ru

Persepolis